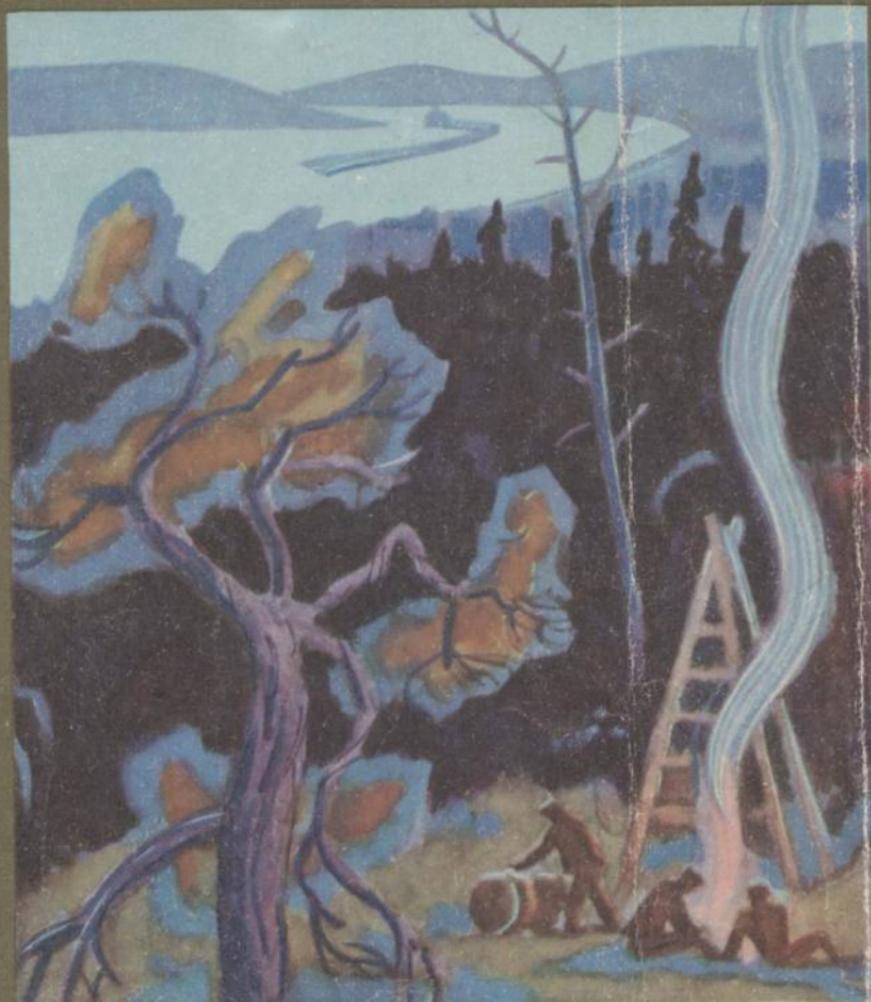

126.35(22-64) 45

Г. ГУНН

Г. ГУНН

ПЕЧОРА – ЗОЛОТЫЕ БЕРЕГА

Форма № 11

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

Книга должна быть возвращена не позд- нее указанного здесь срока	Количество предыдущих выдач	
13/1-76	323	21.02-10
18/6/587	115	22.02
330	108	22.02
115 80	334	24.02
501	115	24.02
380	120	27.02
129		Печера, городская типография. Зак. № 22
601		

K 26.89 (28-6)
Г 9А

Г. ГУНН

ПЕЧОРА —
ЗОЛОТЫЕ БЕРЕГА

~~1775~~ ✓
1775 ✗

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ» · МОСКВА · 1972

91 (С 12)

Г 94

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Оформление художника *В. Б. Колесникова*

В книге помещены фотографии
фотохроники ТАСС,
А. Аверьянова, В. Мишина, Г. Гунна

*Где сквозь далеких звезд кокошник
Горят Печоры жемчуга,
Туда иди, небес помощник,
Великий силой рычага.*

B. Хлебников.
Из поэмы «Ладомир»

Нет, я не был у истоков Печоры и не видел того места, где узенький горный ручеек, который можно перешагнуть, дает начало большой реке. За Якшей последняя деревня вверху — Усть-Унья, за ней кордоны Шайтановка и Шежим, а дальше и жилья нет: там скалистые берега совсем сжимают маленькую речку, там поднимается конусообразная гора Койп, похожая на шаманский барабан, а еще дальше — хребет Мань-Пупу-Нёр, или Болвано-Из, на вершине которого стоят знаменитые «болваны» — семь выветренных скал-останцев, напоминающих очертаниями человеческие фигуры. Они-то, эти каменные «болваны», легендарные, заколдованные, и стерегут тайну Печоры...

Но у камней не спросишь — они все равно не скажут, а мне хочется понять ее, эту реку, что протянулась через тайгу и тундру от Северного Урала до Ледовитого океана. Тысяча восемьсот девять километров ее длина — расстояние, примерно равное пути по железной дороге от Москвы до Печоры. Едешь, смотришь из окон поезда на сменяющиеся станции, на стены лесов и бесконечное мельканье телеграфных столбов... Только и скажешь: «Велика наша земля! Далека ты, Печора!»

Сейчас, когда впереди у меня рассказ о всей реке, с верховья до дельты, я изумлен ее размерами, ее многообразием, ее многоликостью и не знаю, с чего начать и о чем поведать. Но когда хаос мыслей уляжется и все понемногу обретет стройность, становится ясно, о чем говорить — о жизни реки, о ее участии в делах людей северного края. И потому важнее мне начать не с тех истоков, что в горах Урала, а с иных истоков, связанных с ее историей, с ее прошлым и будущим.

ОТКРЫТИЕ ПЕЧОРЫ
(Верховье)

Придет ли пора, когда
жизнь промышленная озарит
богатства здешней пустыни
и богатства эти принесут
пользу человечеству?

Впрочем, на все есть пора:
рано ли, поздно ли,
а придет она.

Предположения, кажущиеся
теперь иным несбыточными,
осуществятся, упростятся
для понятий...

В. Н. Латкин.

«Дневник во время путешествия
на Печору в 1840 и 1843 годах»

Мотор то взвывает, то глухнет, водитель беспрестанно переключает скорости, машину трясет и подбрасывает. Она пробивается по разбитой дороге осторожно, словно ощущую, выехав на более ровное место, делает рывок вперед и опять замирает перед препятствием, медленно сползает колесами в колдобину и на новой скорости выкарабкивается. И так без конца.

Лес и лес. Однообразный ельник сменяет однообразный сосняк. Старый, забытый тракт, которым давно никто не пользуется. Окаймлявшие его канавы поросли уже довольно высокими деревьями, валяются упавшие верстовые столбы, сохранившие полосатую черно-белую окраску. Грибы растут прямо на обочине.

Дорога резко спускается вниз: кусты, густые травы на полянке, развалины сарая, блестит вода. Машина взбирается на мостик через небольшую речку или ручей. Полусгнивший мостик шатается, под колесами крошатся трухлявые бревна. «Только бы пронесло!» — думаешь, глядя на черную гладь омутка.

— Река или ручей? — кричу я на ухо Валентину.

— Волосница, — кричит он в ответ.

«Волосница, Волосница...» — вспоминаю я. В памяти всплывает фраза из старой книги: «Путь с верховий Камы к верховьям Печоры шел реками Колвой, Вишеркой, Чусовским озером, речками Березовкой и Богулкой, далее сухопутным волоком и, наконец, рекой Волосницей, впадающей в Печору...» Плыли на остроносых «городецких» лодках, через волок перевозили их на телегах, называемых медведками. Странно, как по такому узенькому ручью-речушке проходили эти лодки? Будто бы для этого в мелких местах речку приходилось «парусить» — перегораживать парусами, то есть запруживать, ждать подъема воды и продвигаться дальше... И еще вспоминается, что действие знакомого всем по школьным хрестоматиям рассказа Д. Мамина-Сибиряка «Зимовье на Студеной» — трогательная история старика с собакой Музгаркой — происходило где-то на чердынском волоке.

Да, исторические истоки Печоры здесь.

Если ехать по тракту все дальше на юг, то через сто с лишним километров будет Ныроб, а еще дальше — Чердынь. От Чердыни — небольшого городка на реке Колве, притоке притока Камы, а некогда столицы Великой Перми — и начинался путь к верхней Печоре.

Чердынь была городком маленьkim, а дела вершила большие. Церкви в ней были каменные, дома деревянные, а люди железные — знаменитые чердынские купцы, чердынцы — «печорские хожальцы». Чердынские купцы проникли на Печору в XVIII веке и с тех пор вплоть до революции сохраняли монопольное право на торговлю с Печорским краем. Речками и волоком добирались до Якшинской пристани, там перегружались на барки и каюки и спускались до самого низа — до Куи и Никитц. Это была их «вотчина», сюда они везли хлеб, соль и «красный товар», увозили рыбу, пушнину. Вся Печора была в долгу у предприимчивых чердынцев...

Но о печорской старине у нас речь впереди, а пока — заглохший тракт, от которого остались одни «версты полосаты». Едем сухим бором по мягкой песчаной колее. Полное безлюдье — одна наша машина.

Начинает накрапывать дождь. Валентин в одной рубашке, ветер надувает ее парусом, он что-то кричит улыбаясь и показывает рукой — заяц перескочил дорогу.

Мы едем по трассе экспедиционных работ. Едва я прибыл в Якшу и еще не успел толком осмотреться, как встретился с геологами из экспедиции Гидропроекта и оказался в кузове грузовика. Печора началась для меня с чердынского тракта.

А дождь расходится. Валентин промок насеквоздь, рубашка уже не надувается парусом, а липнет к телу, по лицу стекают дождевые струйки.

— Не надо, — отмахивается он от плаща, — скорее высохнешь!

Не привыкать, когда большую часть года проводишь под открытым небом.

Валентин Селянкин — начальник экспедиции. Плотный, кренастый, с крупным скучающим смуглым лицом. Ему за тридцать. Был на Ангаре, в Магадане, знает всю Сибирь. У него восемьдесят человек рабочих и техника: вездеходы, грузовики, бульдозеры, тягачи. Целое моторизованное подразделение. Его дело — ездить по буровым, проверять работу, наставлять, налаживать, взыскивать, выяснять, распекать, хвалить, отбиваться шуткой, когда спрашивают, почему задержалась зарплата. Попьет крепкого чаю, в машину — и на новую буровую.

Останавливаемся у поворота к 106-й буровой. Идем отличным бором, где на соснах сделаны надрезы и к стволам прикреплены жестяные воронки — это называется подсочка (сбор ценной живицы).

Несколько километров — и среди деревьев возникает невысокая буровая вышка. Тут же стоит домик, в котором живут

рабочие. Рядом в продолговатых ящичках сложен керн — образцы извлеченной при бурении породы. По ним будет составлена геологическая карта района.

— Бурим мы неглубоко, всего триста метров, — объясняет Валентин. — Нефтеразведка, та свыше трех тысяч идет...

Пока сидишь в домике буровиков возле гудящей железной печки с кружкой горячего чая в руках, быстро просыхаешь и отогреваешься. Обстановка в домике простая — стол и скамьи, железные кровати с натянутыми над ними марлевыми пологами от комаров и мошки. Буровики сгрудились вокруг начальника: у них свои производственные вопросы, в которых непосвященному трудно разобраться.

Я выхожу из домика. Стучит двигатель бурильного станка. Ко мне подходит парень, обтирая тряпкой замасленные руки. Здороваемся.

— Моржаков Женя, — лезет в карман за папиросами. — У вас что? «Шипка»? Разрешите?

— Вот так и живем, — говорит он. — Кругом тайга. Выберишься в Якшу — как в большой город попал... Сами-то откуда? Расскажите, что в центре нового: отвыкли от новостей. Как там наш канал собираются строить?

То, что видишь, и то, что слышишь от буровиков, дает представление об их трудном деле. Впрочем, слова «трудно» здесь не скажут. Просто надо им пройти скважину до намеченной глубины. Работают на совесть — работа сдельная, день ненормированный — часов «от и до» здесь нет, в тайге никто не понукает, кроме самого дела. И бурят летом и зимой. Летом еще ничего: возле машины комар не так лютует, а вот зимой прогревать двигатель в пятидесятиградусный мороз... Зимой в домике на ночь печку натопишь — жарко, встаешь — волосы к подушке примерзли...

Новые буровые, новые встречи. К 110-й пробираемся глухим еловым сузом. К 114-й проваливаемся по колено в болоте. Люди в тайге спокойные, немногословные, приветливые. Безды нас поят крепким горячим чаем, угождают вареньем из лесной смородины, солеными белыми грибами... Запомнилась мне трогательная чета молодоженов, совсем юные, одеты как туристы: семейная жизнь их началась с палатки у буровой, и старичок геолог, «дорабатывающий» последний год до пенсии, и скромный тракторист-коми, молча улыбающийся, своим трактором проложивший дорогу через лес к буровой.

Совсем необычно, в суматохе деловой поездки, среди новых лиц и встреч началась для меня Печора...

Назад едем уже вечером. В средней полосе в это время сто-

яли бы глубокие сумерки, но на севере и после проводов белых ночей темнеет поздно. Снова взвыает мотор на ухабах, снова нас трясет и подбрасывает, снова идет унылый дождь. Снова по трухлявым бревнам мы переезжаем Волосницу, и нас «проносит» и на сей раз.

Машина тормозит: какой-то человек стоит на обочине. На таежных дорогах всегда так: руку поднимать не надо, машина сама остановится. Человек залезает в кузов. Одет он странно для тайги: в коротком пальто, бывшем год назад модным, в когда-то хорошем костюме, узконосых, тоже некогда модных полуботинках на босу ногу, сам с рыжей бородкой.

— Откуда? — спрашивают его.

— С «химдьма».

«Химдым» — шутливое название химлесхоза, подсобного предприятия в леспромхозе. Перед вырубкой определенной делянки производится сбор живицы, которую иногда неправильно называют сосновой смолой. Из живицы изготавливают скрипидар, канифоль. Сам процесс перегонки называется вздымкой, а рабочий — вздымщиком.

Начинаются участки сведенного леса. Наша малонаезженная дорога соединяется с лесовозной дорогой, по которой каждый день мощные МАЗы вывозят хлысты к нижнему складу лесопункта. Впереди светятся огоньки Якши.

Снова мы обогреваемся и сушимся возле железной печки в kontоре экспедиции. На чертежных столах лежат листы ватмана, на стенах висят геологические карты, тут же двое ребят играют в шахматы. Накурено, шумно и тепло, как в матросском кубрике.

— Вот где Ташкент! — смеется Валентин.

Он подходит к радиоле, ставит пластинку. «Усть-Илим... Усть-Илим...» — поет мужской голос.

— Моя любимая, — улыбаясь говорит Валентин. — Усть-Илим. Теперь Коми. Год дома не был...

А вокруг практический, неотвлеченный разговор: о ремонте вездехода, о барже, вышедшей из Печоры, о заданиях на завтра. Закончился еще один будничный рабочий день, неприметный среди других таких же, ничем не выдающихся. За повседневными заботами, может быть, и незаметно того главного, ради чего стоят на трассе буровые и работает целая экспедиция. Ведь никто из этих людей никогда не скажет: «Мы работаем на Печору! На будущее Печоры!» Тот, кто занят настоящим делом, чурается громких слов. Просто сидят ребята, переговариваются, курят, пьют чай, играют в шахматы, слушают пластинку «Усть-Илим... Усть-Илим...»

А ведь они действительно работают на Печору! На будущее Печоры! И кто знает, может быть, и об этих местах будет сложена песня.

Здесь, где-то вдоль трассы старого чердынского тракта, согласно проекту, пройдет трасса канала, соединяющего Печору с Камой. У него, у этого канала, как и у всего Печорского края, своя дальняя история.

Первый проект соединения Печорского и Волжского бассейнов возник еще во времена Екатерины Второй. Автором его был адмирал Рибас. Несколько проектов появлялось и в XIX веке. Особенно усердствовали чердынские купцы — нужнее всех канал был им. Проще всего было бы соединить речку Березовку с Волосницей, но даже из этой скромной затеи ничего не выходило, все проекты гибли в бюрократических дебрях.

Печора продолжала оставаться «забытой рекой», как называна она в дореволюционном иллюстрированном издании «Живописная Россия» (СПб., 1881, том I).

Огромный Печорский край, равный по площади Франции, фактически был отрезан от остальной России. Ни настоящих дорог, ни удобных подъездов. Это было самое глухое место в Европе. Даже к сибирским рекам путь был проще. Чтобы совершить поездку по Печоре, начиная с верховий, архангельскому губернатору князю Н. Д. Голицыну в 80-х годах прошлого века пришлось сделать крюк длиной в четыре тысячи верст через Вологду, Ярославль, Нижний Новгород, Пермь, Чердынь и далее через водораздел до Якшинской пристани за 19 дней. Для сравнения: примерно столько же времени в начале прошлого века занимал путь в Сибирь (у Некрасова в «Русских женщинах»: «Лишь на двадцатый день едва приехали в Тюмень»).

Русским людям еще в прошлом веке Печора казалась непомерно далекой. Раз уж мы коснулись художественной литературы, то вспомним и шутливую фразу Тургенева в «Записках охотника»: «Наш брат охотник может в одно прекрасное утро выехать из своего более или менее родового поместья с намерением вернуться на другой же день вечером, и понемногу, понемногу, не переставая стрелять по бекасам достигнуть, наконец, благословенных берегов Печоры...» (рассказ «Лебедянь»).

Примерно в те же годы, когда Тургенев начинал свою литературную деятельность, на Печору было совершено два интересных путешествия. Одно было предпринято «по высочайше-

му повелению» академиком Александром Шренком в 1837 году и ставило задачей научное обследование северо-востока Европейской России, а также изучение возможных путей между Печорой и Сибирью¹.

Другое путешествие (даже два — в 1840 и 1843 гг.) предпринял на Печору русский купец Василий Николаевич Латкин. Человек умный, практического склада, прогрессивных взглядов, он видел, что Печора — благословенная река, а край Печорский обладает неограниченными возможностями для промышленного развития. «Есть на северо-востоке Европейской России край пустынnyй, малонаселенный, но таящий огромные богатства всех трех царств природы, край, куда не проникала еще промышленная деятельность, где мощные начала будущего благоденствия тысяч людей остаются пока в бездействии. Это — край Печорский...» — пишет Латкин во вступлении к книге «Дневник во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 годах».

Он оговаривается перед читателями, что отнюдь не имеет притязания на литературные достоинства своего рассказа, на против, «развлеченный с самых ранних лет разными трудами и заботами, я не мог получить никакого образования, и все приобретенное мною в русском слове есть плод необходимости, которая была очевидна при занятии таким важным делом, как учреждение Печорской компании; но прошу читателей обратить благосклонное внимание на самую мысль, которая увлекала меня на труд и занимала в продолжение нескольких лет моей жизни. Кто знает? Может быть, этим положено начало одному из полезнейших мероприятий...».

Имя В. Н. Латкина начинает список энтузиастов освоения Печоры, людей романтического порыва и высокого практического ума. Все они хотели «распечатать» за семью печатями лежащий сказочный печорский клад. И магическим словом здесь было «дороги».

Промышленный план самого Латкина был прост. Он хотел открыть торговлю печорским лесом либо через Вычегду, либо морем через устье Печоры. Другая задача — отыскать удобный путь из Сибири в Европу через Обь и Печору. Латкин предчувствовал несбыточность своих планов, говоря, что «плоды тех лишений, которым я добровольно подвергся, созреют не для меня или потонут в Лете».

¹ Еще ранее А. Шренка в конце XVIII века путешествие на Печору совершил академик И. Лепехин. См. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина». Спб., 1805.

Мы назвали печорский сказочный клад запечатанным, однако это не значит, что не было известно о хранящихся в нем сокровищах. Богатства Печорского края, его «золото» были известны давно. Первое золото — «мягкое». Еще в XI веке ходили на Печору новгородцы за «рухлядью», то есть мехами. Пушной торг с Печорой в средние века приносил большой доход.

Другое богатство — «зеленое золото» — лес. Лесной промысел на Севере начал особенно активно развиваться с XVIII века. Архангельск в устье Двины приобрел славу одного из крупнейших в мире лесоторговых портов. Но по мере того как редели двинские и онежские леса, промышленники начинали подумывать о нетронутых массивах Печоры.

Латкину удалось учредить Печорскую компанию с капиталом в миллион рублей. В 1860 году в устье Печоры пришел первый корабль за лесом — английское судно «Диана». В следующем году прибыли еще три судна. Но дело с экспортом печорского леса не наладилось. После того как Министерство государственных имуществ ограничило вырубку леса на Печоре, компании покинули Латкина и он оказался несостоятельный. Почетный гражданин города Усть-Сысольска, «мучимый долгами, в которые он вошел, ожидая благоприятной развязки дела, умер от горести», — пишет о нем М. К. Сидоров в книге «Север России».

Дело Латкина по Печорской компании продолжил его друг и компаньон Михаил Константинович Сидоров. Это был великий энтузиаст Севера, и имя его прочно вошло в историю освоения края. Но огромное начинание Сидорова было одновременно и великой неудачей...

Он был сыном разорившегося архангельского купца. В поисках заработка юноша уехал в Сибирь домашним учителем (где, между прочим, встретился с В. Н. Латкиным и женился на его дочери). То было время «золотой лихорадки» в Сибири — сказочные состояния возникали мгновенно. Сидорову необычайно повезло: он открыл золотоносные прииски и в короткое время стал миллионером. Свое огромное состояние Сидоров решает обратить на пользу и нужды Севера.

Всю жизнь Сидоров находился в движении: объехал весь Север России от Якутска до Архангельска, исследуя богатства русской земли, затевал различные промышленные мероприятия для подъема благосостояния заброшенных окраин. Он находит сибирский графит, хлопочет о промыслах на Новой Земле, ратует за открытие морского пути к сибирским рекам, говорит о значении Мурмана для государства, напоминает об

идее создания Беломорско-Балтийского канала — ни одной из хозяйственных проблем будущности северного края Сидоров не оставил без внимания.

В особенности много сил и средств было отдано им Печоре и Печорскому kraю. Приняв на себя дело Печорской компании, он отправляет за границу большой груз печорского леса на иностранных судах (русских лесовозных судов в то время в северных морях не было). Высокий фрахт, счета за просрочку хранения, низкие цены на подпорченный от долгого хранения лес — все это привело к тому, что Сидоров понес огромные убытки.

Сидоров предпринимает новую акцию — доставляет с Печоры в Кронштадт лиственницу для Адмиралтейства. За несколько лет прибыло сто корабельных грузов. И снова огромные убытки — путь с Печоры был далекий, морской путь еще не был проложен, доставка ценной древесины обходилась слишком дорого.

Еще более ограничивали дело различные придиরки центральной и местной администрации. Узнав о голодае на Печоре, Сидоров направил туда три судна с хлебом и солью. В результате административных несุразностей продукты не попали к голодающим.

В конце концов Сидоров был вынужден ликвидировать дело Печорской компании. Он оказался разоренным. По словам самого Михаила Константиновича, за тридцать лет на развитие Севера им было отдано миллион семьсот тысяч рублей. На деле «милому Северу» Сидоров отдал больше, чем свое состояние,— без остатка всю свою жизнь.

Чего только не делал Сидоров, чтобы привлечь внимание русского общества к Северу! Устраивал званые «северные вечера». В качестве экспонента участвовал на двадцати пяти русских и заграничных выставках. Их экспонаты — образцы полезных ископаемых, меха, продукты лесного и сельского хозяйства, свидетельствующие о богатстве Севера,— осматривали видные сановники, даже царь и великие князья, но дальше словесных похвал дело не шло. Сидоров прочел о Севере в разных обществах и комитетах около двухсот докладов, писал специальные записки Министерству внутренних дел (которое занималось хозяйственными вопросами), везде ратуя за подъем Севера. Характерно заглавие записки, с которой Сидоров обратился к наследнику престола,— «О средствах вызволить Север России из бедственного положения». Воспитатель наследника ответил Сидорову, что «такие идеи могут проводить только помешанные».

Сидоров был членом девятнадцати русских ученых и благотворительных обществ и шести иностранных. Он выступал как писатель и общественный деятель — им написано несколько книг и ряд статей. Тягостно и грустно читать книги Сидорова, такие, как «Север России» (СПб., 1870), «Север России. О горных его богатствах и препятствиях к их разработке» (СПб., 1881), «Труды для ознакомления с Севером России» (СПб., 1882). Это история бесконечных мытарств и безответных жалоб. Волокита, отписки, тупоумные решения — все эти документы, собранные во второй из названных книг Сидорова, — пример бездарности чиновничьи-бюрократической администрации.

Характерно мнение, высказанное архангельским губернатором А. Г. Казначеевым: «Воскресить и поднять на Севере промыслы, торговлю, мореходство — это такие задачи, которые испугают не только меня, но самого гениального администратора. Впрочем, администрации в этих делах приходится только стараться не мешать, порою помогать, а творчество принадлежит народу. В том-то именно ошибка Сидорова и других, что они предполагают в администрации дар творчества, которого она иметь не может...»

Вернее, пожалуй, не скажешь...

Наряду с прочими начинаниями Сидоров занимался и вопросами об изыскании водно-сухопутных путей в Печорский край. Он предпринимал попытки создать проект соединения Печоры с Камой, сам обследовал чердынский волок и даже переправил через этот волок небольшой пассажирский пароход. Он также искал дорогу между Печорой и Обью, мечтал о соединении Оби с Енисеем и об открытии Сибирского торгового пути через Печору.

Идею создания торгового пути с Оби на Печору попытался воплотить другой сибирский промышленник, имя которого также велико в истории освоения Севера, — А. М. Сибиряков. Им был проложен стовосьмидесятикилометровый тракт от реки Ляпин, притока Северной Сосьвы, притока Оби, до деревни Усть-Щугор на Печоре. Путь этот был известен под названием тропы Сибилякова и даже был нанесен на некоторые карты. Тропа представляла собой просеку шириной шесть метров с гатями через болота и промежуточными станциями для отдыха ямщиков. Тракт действовал только в зимнее время, для утаптывания дороги предназначалась тысяча оленей. По нему в 1885—1887 годах был доставлен на Печору дешевый сибирский хлеб, что значительно подорвало монополию чердынцев. В дальнейшем предполагалось провести железную дорогу по

этому пути. В своей статье «К вопросу о внешних рынках Сибири и малоизвестных волоках Сибири» А. Сибиряков выдвигал проект создания водного пути с Байкала до Архангельска по сибирским рекам, далее через Обско-Печорский волок и с Печоры на Вычегду благодаря возможному каналу между двумя Мыловами, Северной и Южной. Но проведение железной дороги в Сибирь похоронило эти планы, хлеб в Сибири подорожал, вывозить его по трудному пути стало невыгодно, тропа Сибирякова была забыта.

Вопросом об изыскании водного пути с Печоры на Каму занимался еще один замечательный человек, чье имя также неотделимо от истории Севера и Арктики,— Владимир Александрович Русанов. Находясь в ссылке в Усть-Сысольске (ныне город Сыктывкар), он работал статистиком в земской управе и выезжал в длительные поездки по Печорскому краю. Он побывал в верховьях Печоры, исследовал Печоро-Камский водораздел и предложил свой проект волока между реками Березовкой и Безволосной. Он писал: «...быть может, в будущем, и даже недалеком, когда промышленная жизнь Печоры расширится и окрепнет, а вместе с тем усилится и торговля, тогда окажется возможным и необходимым превратить волок... в канал. Тогда две великие русские речные системы, северная и южная, Печора и Волга, сольют свои воды на благо промышленного и культурного подъема родины...»

Рядом с Сидоровым и Русановым можно назвать еще одного великого патриота Севера — Андрея Владимировича Журавского. Он тоже стремился поставить богатства Севера на службу России, тоже говорил о необходимости создания канала между Печорой и Камой...

Всех энтузиастов освоения Севера так или иначе преследовали неудачи, грандиозные проекты их оставались невоплощенными. Главнейшей проблемой для Печоры по-прежнему оставались пути и средства сообщения.

Героические усилия одиночек ничего не могли сделать. Богатства Печорского края по-прежнему хранились «нераспечатанными», а сам край был все тем же медвежьим углом, самым глухим местом в Европе.

Известные слова В. И. Ленина в работе «Развитие капитализма в России» (1897—1899 гг.) о том, что к северу от Вологды царят «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость», полностью относились и к Печорскому краю.

Никакие перемены не приходят просто так, по одному лишь желанию. Перемены в жизни приносит труд, направлен-

ный по новому руслу. Так было и с Печорским краем после революции.

В 20-е годы были разведаны угли в бассейне Усы. Давно было известно об ухтинской нефти. Но как было взять богатства Печоры, ее «золото» — «мягкое», «зеленое», «черное»?

Прежние дороги на Печору по рекам, через волоки или зимником нельзя было считать настоящими путями. Поэтому после революции первенствующее значение получил морской путь. Морем на Печору завозили хлеб и другое продовольствие, морем вывозили лес, а позже — воркутинский уголь. В 30-е годы открылся новый путь — воздушный. На Печору были продолжены одни из первых на Севере пассажирских авиалиний.

И все-таки край наполовину оставался «запечатанным». Этим словом назвал его путешественник начала 30-х годов В. Кантарович (*«Большая Печора»*. М., 1934). Он описал то время, когда «Печора строилась. И было очевидно, что она неминуемо должна превратиться в «Большую Печору», хозяйствственный комплекс всесоюзного значения... Транспорт — тот ключ, который должен открыть ворота, преграждающие путь к печорским богатствам».

Не хватало путей сообщения, не было регулярного судоходства по Печоре и ее притокам. Другой путешественник, начала 30-х годов, корреспондент *«Известий»* А. Поликашин, писал: «Главная беда края — оторванность. Нужны рельсовые дороги, моторные суда, новые телеграфные линии, шоссе... Именно они решают проблему скорости развития».

Проблема скорости развития была разрешена в 1942 году. Невероятным, невообразимым трудом в годы войны была проведена Печорская железная дорога. Отныне река стала «распечатанной».

Мощное промышленное развитие края приходится на послевоенные годы. Возникали новые города и поселки, быстро росло население края: нефтепромыслы, угольные шахты, лесоразработки — везде были нужны люди. Развитие и рост Печорского края идут и сейчас.

И если путешественники 30-х годов говорили о становлении нового, о начале освоения края, то ныне нам, предпринимая путешествие по Печоре, придется говорить о ставшем, о крае освоенном, с огромными перспективами дальнейшего развития.

Но у реки есть не только прошлое, о котором мы говорили, и не только настоящее, рассказ о котором впереди, но и буду-

щее. Природные богатства, открытые на берегах Печоры и рек ее бассейна, отнюдь не все, что река может дать людям.

Идея создания Печоро-Камского канала никогда не забывалась, не отменяют ее и проведение железной дороги и новые пути сообщения. Еще в 1927 году в газете «Известия» была опубликована статья «Камско-Печорский водный путь» о результатах новейших гидротехнических исследований. Начиная с 30-х годов проектные институты Москвы и Ленинграда занимались проблемой соединения северных рек с реками Волжского бассейна. Скромный замысел создания канала на Чердынском волоке приобрел грандиозные масштабы проекта переброски стока вод северных рек на юг. Таких проектов было создано несколько, каждый дополнял и развивал предыдущий. Работа не прекращается до сих пор и не прекратится, пока идея переброски не будет воплощена в жизнь. То, что мы видели в Якше, только начало ее реализации.

Здесь мне придется нарушить последовательность повествования и перенестись в Москву, где после поездки на Печору у меня состоялся разговор с главным инженером проекта Сарухановым.

БУДУЩЕЕ РЕКИ

(Рассказ инженера Г. Л. Саруханова)

С Гургеном Леоновичем Сарухановым я встретился в старом помещении Гидропроекта имени С. Я. Жука на набережной Мориса Тореза. Обычный широкий учрежденческий коридор со множеством дверей. Но таблички на дверях говорят не о совсем обычном, например: «Отдел проектирования Асуанской плотины». За этой простой табличкой скрываются грандиозное строительство века, новейшая техника, сложнейшие расчеты. А рядом разрабатывается другой, пока не осуществленный, но тоже грандиозный проект века — переброска стока северных рек в Волжско-Камский бассейн. В комнате чертежные доски и письменные столы. Идет обычный рабочий день, люди входят, выходят, звонит телефон. Очень трудно соотнести эту учрежденческую будничность с тем поэтическим фактом, что где-то там, далеко, в океан течет Печора...

— Так что вы хотите узнать? — спрашивает Гурген Леонович.

Это невысокий седой сухощавый человек лет шестидесяти. Манера разговора его быстрая и деловитая. Заранее, как водится, я подготовил свои вопросы для интервью, однако

Саруханов заговорил сам и почти не давал мне вставить слова.

— Так какого рода сведения вас интересуют? Сведения бывают двоякие: временные и постоянные. О нашем проекте иногда пишут как о чем-то законченном, в то время как проект в течение времени претерпевает изменения. Те цифры и факты, которые я скажу вам сегодня, завтра уже не годятся. Вам нужны факты постоянные. Таков безусловный факт, что перекрытие Печоры будет осуществлено.

Как это будет сделано? Предполагается создать два водохранилища: одно — в районе Троицко-Печорска, говоря точнее, в районе Покчи, другое — ниже впадения Щугора, у Усть-Вои. От Якши должен пройти магистральный канал с выходом в район реки Колвы. На Колве должен быть создан гидротехнический узел. Я не буду уточнять, где он будет находиться, возможно, здесь, — показывает Саруханов на карте, — а возможно, будет смешен еще куда-нибудь. Сейчас точно утверждать ничего нельзя. Возможны уточнения. Все может измениться благодаря новым геологическим открытиям в этом районе.

Мы предполагали создать одну плотину в районе Усть-Вои. Теперь нам пришлось изменить прежнее решение и проектировать двухступенчатую схему. Нет, не потому, что плотину высотой сто метров и длиной, скажем, двенадцать километров трудно построить — при современной технике все исполнимо. Затоплялись бы слишком большие площади, в частности участки промышленной добычи нефти и газа. Поэтому проект был переработан с учетом этих проблем. Если на берегах Печоры будут сделаны новые открытия, возможно, придется пересматривать проект.

В настоящем виде проект выглядит так: из верхнего водохранилища вода пойдет самотеком, из нижнего водохранилища в верхнее будет перекачиваться, так как перепад уровня между ними около тридцати метров. Показатели здесь таковы: верхнее водохранилище будет давать тридцать миллиардов кубометров, нижнее — восемнадцать миллиардов. В сумме получается тридцать один миллиард кубометров в год — это четвертая часть того, что несет Печора (среднегодовой сток ее — сто двадцать пять миллиардов кубометров). Столько воды будет отдавать Печора Волге. Это примерно равно одной такой реке, как Ока.

Какие это принесет энергетические выгоды? Решая проблему переброски вод Печоры в Волгу, никто не ставит одни вопросы энергетики. Это проблема комплексная. Прежде всего

дается вода, как таковая,— вода для Волги, чтобы компенсировать те большие водозaborы, которые существуют уже сейчас и которые увеличатся в будущем. Это прежде всего народнохозяйственная проблема. Здесь нельзя обособленно выделить ни одну из отраслей.

Возьмем проблему воды. Вода нужна предприятиям, нужна городам, нужна сельскому хозяйству, особенно для орошения засушливых земель. Верхняя Печора даст дополнительное количество воды Промышленному Центру с его дальнейшими перспективами роста. Как будет расходоваться эта вода, на какие нужды,— это покажет будущее.

Что проиграет Печора, раз выиграет Волга? Печора ничего не проигрывает.

Это утверждение показалось мне спорным, и я привел Гургену Леоновичу возражения некоторых экономистов по его проекту. Так, по их мнению, перекрытие Печоры и сооружение Печоро-Камского водного соединения связаны не только с положительными, но и с отрицательными последствиями для развития производительных сил ряда районов Коми АССР (затопление территории с разведенными природными ресурсами и с продуктивными сельскохозяйственными угодьями, ущерб рыбному хозяйству, ухудшение климатических условий и др.).

— Печора ничего не должна проиграть,— уточняет Гурген Леонович.— По проекту Печора будет разделена на две части: воды ее верхней части пойдут в Каму и Волгу, нижняя Печора будет обеспечивать себя электроэнергией. Для этого в районе Щельяюра проектируется плотина ГЭС.

Да, конечно, плотины закроют ход рыбе на нерест. Напрасно думаете, что это не наше дело. Оно нас тоже касается. Мы все принимаем в расчет. Это обывательское представление, что гидростроители думают только об энергетической выгоде. Мы думаем обо всем, обязаны учитывать все последствия. Намечаются рыболовственные мероприятия: создание рыбопитомников, искусственных нерестилищ, пропускных сооружений. Конечно, среди нас нет специалистов в рыбной промышленности. В связи с проектом этим делом будут заниматься специальные организации, но мы обязаны учитывать их потребности в своих планах. Да, вы правы, тут не только рыбная проблема, есть еще много народнохозяйственных проблем, и все они будут разрешаться комплексно.

Нет, это не мой проект. Это коллективное творчество. Вы ошибаетесь, если будете думать, что есть такой автор-одиночка, который обивает пороги со своим изобретением. Никакого

изобретения нет. Обычное инженерное проектирование, основанное на опыте предшественников. Нам поставили задачу, и мы ее решаем. Сама идея переброски стока Печоры в Волгу не нова. Историю проектов вы, наверное, знаете? В плотную этой задачей стали заниматься с 30-х годов в Ленинграде, потом передали нам. Гидропроект работает над проектом с начала 60-х годов. Мы дали свое решение. Если не мы, то же самое осуществили бы другие. И если мы не осуществим свой проект сейчас, то спустя какое-то время люди вернутся к проекту и решат его гораздо лучше.

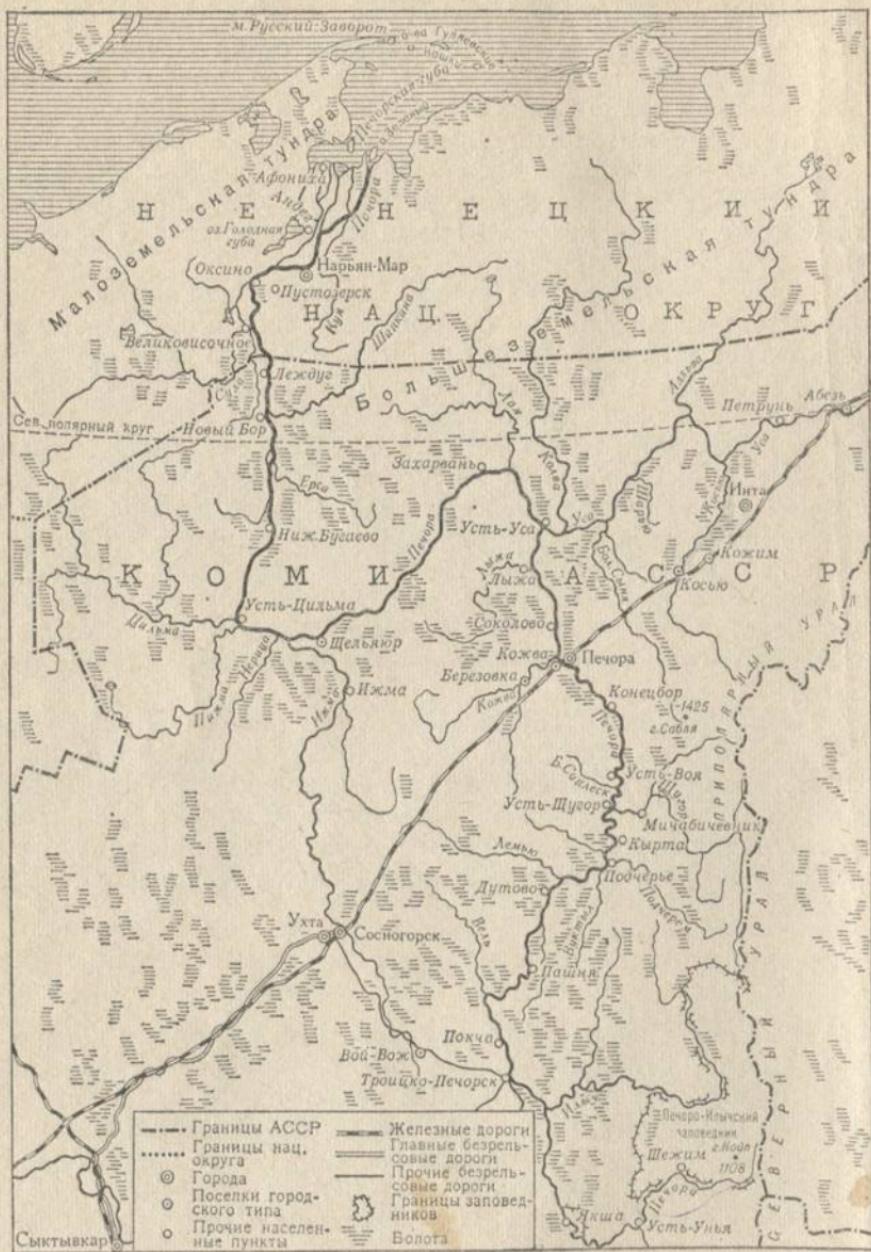
Почему мы избрали Печору? Никаких предпочтений перед другими реками у нас не было. Почему именно ее? Прежде чем обратиться к Печоре, было рассмотрено много рек Севера. Изучали и Онегу, и Мезень, и Вашку, и Вычегду. Воды этих рек можно перебросить на юг, мы обладаем для этого техническими возможностями. Но есть проблемы более экономичные и менее экономичные. Мы не случайно выбрали Печору. Это вторая по водности река Европейской части страны. Если Печора может дать Волге тридцать один миллиард кубометров воды, то Вычегда только в пять-шесть раз меньше. К тому же печорская вода обойдется в три с лишним раза дешевле вычегодской. Вот почему мы остановились на Печорском проекте и отбросили Вычегодский, над которым тоже работали.

Когда это будет осуществлено? Во всяком случае можно сказать, что до 2000 года проект будет осуществлен. Вы думаете, это долго? В масштабах жизни государства это немного, другое дело — этот срок для человеческой жизни. Все народнохозяйственные проблемы разрешаются у нас по плану и в намеченный срок. Как только понадобится, Печора будет перекрыта.

ЯКША

Но пока еще Печора течет на север, и дорога она, я думаю, не тем только, что представляет неограниченные возможности для проявления преобразующей человеческой воли. Она сама по себе прекрасна, как и вся наша родная земля, в ней есть поэзия, о ней только стихами говорить: «Не слепок, не бездушный лик — в ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык». И чтобы познать реку, надо познать ее душу и научиться понимать ее язык.

Но это легко сказать и трудно сделать, когда перед тобой свыше полутора тысяч километров пути...

Вот она течет мимо меня, эта река. Я сижу на скамеечке под кедром на обрывистом якшинском берегу и смотрю на ее воды. Обычная таежная река. Ширина всего метров двести. И сколько ей еще пройти, чтобы превратиться в могучую, величавую реку! И сколько надо узнать, увидеть, проплывая вдоль ее берегов, и тем шире будет это познание, чем шире, полноводнее будет становиться река.

Ветер шумит в вершине кедра. Совсем не так шумит, как в кронах других деревьев. Он натыкается на густую, плотную массу и застревает в длинных мягких иглах и что-то шепчет там, наверху. По всему правому берегу Якши, величаво, в одиночку, по-богатырски стоят старые кедры. Так же могуче возвышаются в средней полосе на полянах дубы.

Печора в верховье начинается с контрастов. На правом берегу — усадьба Печоро-Ильчского заповедника: контора, лаборатория. Здесь идет неторопливая научная работа, люди изучают природу в ее первозданности, нетронутости. Тихо и спокойно. Небольшая деревенька — высокие двухэтажные дома старосеверного типа. Когда-то в Якше было лишь несколько домов, а амбаров около двухсот: жили тут сторожа чердынских товаров. Старые почерневшие купеческие амбары, не лишенные суровой выразительности, до сих пор стоят на речном берегу, тут же остатки свай и каменные откосы — следы давней Якшинской пристани.

На левом берегу иное. Здесь только чердынский тракт, подводящий прямо к воде, напоминает о прошлом. С утра до вечера не смолкает шум моторов. Гудят мощные МАЗы, вывозящие хлысты с верхнего склада. Таращат бульдозеры. Трещат бензопилы на эстакаде. Над рекой весь день стоит гул катеров и лодочных моторов.

Это один из отдаленных лесопунктов в Коми. Пассажирское сообщение рекой бывает только весной, в большую воду. Прежде летом приходилось добираться на моторках, на попутных катерах. Теперь в Якшу можно попасть самолетом. Авиатранспорт разрешил проблему сообщения для самых труднодоступных районов Севера.

Течет, бежит река, стремится к северу ее темная, лесная вода... Печора здесь определяет южную границу заповедника. С севера граница проходит по реке Ильчу. Заповедник занимает огромную территорию — семьсот тридцать одну тысячу гектаров, куда входят районы Припечорской низменности, предгорий Урала и Уральских гор. Необычайны разнообразие и контрасты фауны и флоры: боры-беломошники, еловая тайга, называемая в Коми пармой, альпийские и субальпийские

луга, красавцы кедры и карликовые березки, лось и северный олень. Здесь есть все звери и птицы, характерные для таежной полосы. Заповедник — единственное место в Европе, где сохраняется соболь. Первоначально заповедник и был создан для сбережения этого ценного зверька. Был завезен и расселился по речкам бобр. В верховьях Илыча и Печоры находятся нерестилища ценных пород рыб, как, например, семги. Охрана и сбережение рыбных богатств — тоже немаловажная сторона деятельности заповедника.

Когда я рассматривал карту заповедника в кабинете, я удивлялся его размерам.

— Территория у нас огромная, — говорил директор заповедника Корнелий Оттович Мегалинский, глядя на карту. — Есть места, где даже мы, работники заповедника, не бывали. Туда только вертолетом можно попасть. Охрана? Охрана там не нужна: места безлюдные. Есть у нас кордоны по рекам — и все. Научный центр в Якше, а чтобы попасть на Илыч, уже надо совершать целое путешествие.

В Печоро-Илычском заповеднике изучаются факторы, определяющие численность охотничьепромысловых животных: белок, куниц, соболя, тетеревиных. Производятся наблюдения над бобрами, которые еще до войны были завезены сюда из Воронежского заповедника и хорошо акклиматизировались.

Ихиологи ведут работы по изучению рыб верхней Печоры. Особое значение имеют, конечно, наблюдения над печорской «царь-рыбой» — семгой, охрана ее нерестилищ. Вообще же рыбы в верхней Печоре мало. Река здесь проходит в двухсоткилометровой лесной «трубе», очень мало заливных лугов, пойм, заводей, где нерестится обычная речная рыба, мало планктона — основного корма рыб. Промыслового лова на верхней Печоре нет. Почти не видно чаек — спутников рыбаков. Только одна маленькая чайка летала над якшинским плесом.

Ведутся в заповеднике и геоботанические работы. Одна из важных задач — восстановление и охрана кедра в заповеднике и прилегающих районах. Слишком много кедра было вырублено в прежнее время. Сейчас порубка кедра запрещена.

Как и во всех заповедниках, сотрудниками издаются научные сборники и путеводители, ведется «Летопись природы», куда заносятся фенологические наблюдения, данные о численности животных, об урожае шишек, грибов, ягод, регистрируются различные интересные случаи.

В каждом заповеднике есть своя «изюминка», есть свое, особенное, чего в других нет. И это не только особые природ-

ные условия — заповедники всегда устраиваются в наиболее характерных местах. Так, в Приокско-Террасном достопримечательность — зубры, в Астраханском — белая цапля, в Воронежском — бобры, в Аскания-Нова — экзотические животные. В Печорском — лоси. Это пока единственный заповедник в Союзе, где ведется работа по одомашниванию лосей.

Лось — удивительное животное. Словно бы природа взяла и смешала сразу трех животных: лошадь, корову и оленя. У него тонкая лошадиная морда и лошадиная стать, но круглые влажные коровы глаза и повадки парнокопытных, у него «сухие» олены ноги и похожие на олены рога. Из диких животных лось, казалось бы, больше всех склонен к приручению. В Подмосковье это вовсе полулучное животное. Он спокойно заходит в лесопарки в черте города, легко привыкает к людям, к шумному движению на авто- и железных дорогах. Казалось бы, нет ничего проще его приручить, как приручил человек, скажем, прежде дикого северного оленя. Лось поразительно неприхотлив в еде: ему не нужно просторных пастбищ, запасов сена, достаточно любого перелеска, где он мог бы жевать зеленые побеги, а зимой гладить осиновую кору. И еще он необычайно вынослив, у него железные сухожилия, он может преодолеть самое топкое болото и ударом передней ноги убить нападающего волка. Лось легко идет по бездорожью и снежной целине — это был бы незаменимый лесной конь.

Действительно, наскальные рисунки в Сибири свидетельствуют, что некогда лось использовался как домашнее животное. Трудно сказать, почему лось не стал им. Против попыток одомашнивания было много возражений, ссылались на животноводческую практику, показывающую, что одомашнены были те из копытных, которые держатся стадно. Про лося этого не скажешь. Прежде всего их не так-то много и держатся они особняком, изредка собираясь небольшими группами в кормовых местах. К тому же лось не может жить в стойле, а только на свободном выпасе, как олень. Но северный олень небольшой и смиренный, а как подойти к великану лосю да еще в период гона?

На все эти вопросы и попытались ответить в Печоро-Илычском заповеднике. По инициативе Е. П. Кнорре была создана первая опытная лосеферма, перед которой была поставлена интересная задача — получить новое домашнее животное, пригодное к существованию в условиях таежной зоны.

И вот я иду на единственную в Союзе (и даже в мире!) лосеферму. Находится она на левом берегу реки, чуть выше домов лесопункта. Моста или специального перевоза через реку

нет, но лодки с местными жителями постоянно снуют с берега на берег. Лодки здесь — осиновки, долбленые, с нашивными бортами, узкие и длинные, приспособленные под мотор. На такой осиновке и переехал я реку, в душе сомневаясь, чтобы лоси жили рядом с шумным лесным промыслом.

Но они действительно жили в прибрежной полосе леса, в густых зарослях. Я увидел загон, ворота с прибитыми над ними лосиными рогами, табличку «Опытная лосеферма». Пока я рассматривал лосинный загон, появилась девушка с ведром молока.

— Лосики, лосики, лосики! — закричала она.

Где-то невдалеке в кустах раздался шум и треск, и на дорогу вышло несколько лосят, еще совсем маленьких, с козу, на смешных тонюсеньких ножках. Они доверчиво подошли к девушке и стали тыкаться мордашками в ее ладонь. Она гладила их и давала им пить из ведра молоко, совсем как телятам.

Лосята эти родились от одомашненных лосих и спокойно живут на вольном выпасе возле загона. Лось, оказывается, не только легко привыкает к людям, но и привязывается к ним. И взрослые лоси и лосята пасутся в лесу и приходят к своей лосеферме.

Пришла доярка доить лосих. Это тоже было любопытное зрелище. Огромная лосиха спокойно стояла и равнодушно жевала положенные в кормушку свежие березовые ветки, а доярка доила ее так же, как корову. Изредка лосиха раздувала свои лошадиные ноздри и косилась на постороннего человека, то есть на меня, но в общем вела себя спокойно. Доярка подоила ее, а лосиха продолжала жевать ветки, поводя волоокими глазами. В трудах заповедника я читал, что лосихи дают за одну дойку до трех литров молока. При мне доярка доила лосиху в простую алюминиевую миску, молока было совсем немного — едва закрыло донце. Правда, молоко это необыкновенно густое, жирное, из него можно сбивать масло без сепарирования — 10 % жирности.

Самцов-лосей я не видел: они бродили где-то в лесу. Не довелось мне увидеть в натуре и лося в упряжке. Некогда здесь, в заповеднике, был снят научно-художественный фильм «Повесть о лесном великане», где артист, исполняющий главную роль, лихо катался на лосе в санях. Выглядело это кинематографически ярко, к тому же фильм был цветной. В действительности в заповеднике на лосях не катаются, но дрова возить пробовали, доставляли груз экспедиции на лосе через тайгу. Но лосю еще далеко до того, чтобы стать универсальным конем. Летом из-за оводов и мошки он не может работать

днем, только ночью. К тому же «рабочих» лосей приходится кастрировать.

— Мало перспектив,— говорили мне скептики.— Чистый опыт.

Так я и ушел с лосефермы, сомневаясь и одновременно стараясь поверить в это необычное дело — одомашнивание лосей. Ведь, думал я, одомашнивание животных никогда не удавалось за пятнадцать — двадцать лет. Пока человек приручил собаку, кошку, лошадь, парнокопытных, прошли века, а может быть, тысячелетия. Одно время писали, что одомашнивание лосей — решенная проблема, сейчас говорят, что это мало-перспективное занятие. Видимо, на все нужно время, эксперимент должен продолжаться, и, наверное, не в одном только Печоро-Ильчском заповеднике.

...А Печора все струит свои быстрые воды и зовет в путь.

Многое я уже знал о Печоре и по книгам, и по рассказам очевидцев, но все-таки представлял ее иной. Бывал я и прежде на северных реках, больших и малых, и много на них было похожего на Печору в верховье, но все же иная она и скорее походит на сибирские реки да и протяженностью своей им под стать. На других северных реках как-то сразу бросался в глаза местный колорит, привлекал специфический говор, своеобразный уклад быта, памятники деревянного зодчества.

Печора же сразу обрушилась на меня чем-то иным, даже в одном небольшом поселке Якше. Местный колорит отступил куда-то на задний план. Я знаю, будет он, этот северный колорит, особенно в старых селах низовья, но в промышленных районах верховья не это главное. Да и народ вокруг в большинстве не местный, люди съехались сюда из разных мест — геологи, лесорубы, биологи — и у всех свои дела и заботы. У геологов разговоры про керн и пройденные метры, в лесопункте подсчитывают «кубики» добываемого леса, в заповеднике тоже свои планы. Куда ни отправишься — везде люди заняты делом. И невольно сам оказываешься вовлеченным в деловой ритм жизни, в круг здешних забот и интересующихся и керном, и «кубиками», и тогда начинаешь понимать, что путешествие — это не занятное времяпрепровождение, а познание, приобщение к жизни нового, незнакомого тебе края.

Какая будет впереди она, Печора, я пока не могу сказать, но одно мне заранее ясно, что Печора — река трудовая.

Она и здесь, всего в двухстах километрах от истока, в местах трудных и бездорожных, напоминает о своей славе трудовой реки. Пассажирского сообщения с серединой лета нет, но грузовые суда идут, несмотря на мелководье. Пришла баржа

из Печоры, доставила экспедиции Селянкина вездеход. Катер прошел вверх, в Курью, к буровикам. Там тоже идет важная работа: открыто месторождение природного газа. И конечно, полна река малыми судами — весь день над рекой стоит треск моторов. Без моторки здесь никуда не уедешь, одна дорога — река. Вот плывет сверху целый воз сена на двух спаренных лодках. Здесь, в верховье, покосы разбросаны далеко, и пожни крохотные, они называются ластами. Вот шустро промчалась вниз остроносая «городецкая» лодка с «Москвой», в ней сидят люди в новых костюмах, весело машут кому-то на берегу — эти в гости едут, в соседний поселок. С мотором тридцать километров — не расстояние. А это туристы плывут на плоту, обросшие бородами ребята в штормовках, прокопченные дымом костров. Они молодцы: перевалили через Северный Урал, побывали у печорских «болванов», срубили плот из сухостоя и теперь отдыхают после трудных переходов — река сама везет их. Туристов по верхней Печоре проезжает много. Первозданная природа, горы, быстрые реки — для настоящего туриста лучших мест не придумаешь.

Верховья Печоры представляют интерес и для спелеологов. Ниже и выше речки Большой Шайтановки в скалистых берегах находятся пещеры, из которых наиболее знаменита Медвежья длиной полкилометра. В этой пещере обнаружена палеолитическая стоянка первобытного человека — одна из самых северных, известных в мире. Это открытие подтверждает древность заселения Европейского Севера. Доисторические люди охотились на мамонта, волосатого носорога, пещерного медведя, северного оленя — кости этих животных вместе с обломками орудий охоты найдены в пещере. Стоянки первобытного человека обнаружены также в Уньинской и Канинской пещерах. Печорский Урал вообще необычайно богат пещерами: за последнее время открыто более сорока новых, помимо уже известных. Кроме самой верхней Печоры пещеры есть на реках Унье и Шежиме, Илыче и Щугоре, его притоках, есть и на реках Вишере, Колве и Яйве, входящих в бассейн Камы¹.

О пещерах на Печоре прежде ходило немало легенд. Любопытное упоминание о них есть на средневековой итальянской карте мира середины XV века, где показана страна Пермия и ее жители с припиской: «...далее к северу они живут в пещерах и под землею вследствие чрезмерной стужи». Существовала даже топонимическая версия, по которой Печора получила

¹ О пещерах на Печоре см. Б. Гуслицер и В. Канивец. Пещеры Печорского Урала. Л., 1965.

свое имя от пещер («печора» — пещера по-древнерусски, отсюда названия монастырей — Киево-Печерский, Псковско-Печорский). Есть и другая версия, по которой слово «Печора» югорского происхождения: «пече» — сосна, «ра» — река, получается «сосновая река».

Действительно, есть основания для обоих толкований. Много по берегам Печоры сосновых лесов, хотя еще больше лесов еловых, есть и пещеры. Но конечно, ни пещеры, ни сосновые леса отнюдь не определяют облика реки...

Я смотрю на ее воды, оживляемые движением проходящих судов и лодок, и думаю: а ведь эта скромная здесь река станет в будущем сестрой Волги!

Так что же! Ведь и Волга в верховье неширока, и почему бы Печоре не стать ее сестрой, ведь и ее в народе тоже называют матушкой и даже северной Волгой.

И мне хочется узнать, так ли это и выдержит ли узкая таежная река, что торопливо бежит передо мной, такое сравнение? Но для этого надо начать жить вместе с рекой и направиться по ее течению до самого студеного моря.

ГОЛУБОЙ СВИТОК
(Среднее течение)

*В дорогу! В дорогу! Я хочу
говорить о дороге.*

*Ю Казаков.
«Северный дневник»*

— Ты куда едешь-то? — спрашивают меня попутчики.
 — По Печоре.
 — Печора-то, она бо-ольшая!

А я не шучу, я говорю правду. У всех есть какая-то цель пути, а моя цель — сама Печора. Мое дело такое — ехать и ехать. Все, что ни делается вокруг, все к тебе относится, и ничего не проходит впустую. Плыешь ли ты по реке или сидишь, ожидая самолета на леспромхозовском аэродромчике, беседуя с такими же ожидающими о том, о сем,— все интересно.

Нет ничего проще и приятнее, чем начать путешествие по реке. Пробираться все дальше и дальше на катерах и теплоходах, моторках и баржах. Ты поднимаешься по карте все выше и выше, а река спадает все ниже и ниже. Голубой свиток разворачивается перед тобой, а ты только успевай читать его. И жди, что интересного откроется тебе впереди, за каждым речным изгибом...

Но летом судоходства нет, и волей-неволей путь с Якши приходится начинать самолетом. Сверху, из иллюминатора самолета, с небольшой высоты хорошо видна Печора. Воды ее то темнеют внизу, в тени берегов, то сверкают за новым речным поворотом. Действительно, как в трубе, течет река, сжатая лесом. Вот самоходка идет вверх, а вот на песчаной косе дымок костра, лодка, белый тент палатки — то ли геологи, то ли туристы.

Показались дома Знаменского лесопункта на правом и деревня Мамыль на левом берегу. Пониже Мамыля, где еще больше сузились берега, — порог, но вполне проходимый для мелкосидящих судов. С левого борта АН-2 — бесконечное таежное море, справа, то удаляясь, то приближаясь, голубеет Печора. Ряды одинаковых домиков внизу, желтая стрела дороги уходит глубоко в лес, от нее отходят ответвления-«усы», видны, как игрушечные, машины, вывозящие хлысты. Это Комсомольск-на-Печоре — крупный леспромхоз.

Вся верхняя Печора — край интенсивной лесодобычи. Здесь, в южной части республики Коми, наибольшие запасы «зеленого золота». Пролетая над лесами Коми, наглядно убеждаешься в известном факте, что этот край — единственный оставшийся лесоизбыточный район Европейской части страны (запасы леса в автономной республике исчисляются свыше двух миллиардов шестисот миллионов кубометров, а в бассейне Печоры примерно один миллиард кубометров). И осо-

бенно богато лесом междуречье верхней Печоры и верхней Вычегды, где сравнительно немного заболоченных пространств, где беломошный бор чередуется с вековой еловой пармой и есть, наверное, такие дебри, куда еще не ступала нога человека.

Необъятные зеленые просторы под нами. Справа в Печору впадает река с именем, как отчество,— Илыч, крупнейший приток верховья, красивейшая река — все в один голос говорят,— и обидно, что туда не заедешь, чтобы полюбоваться ее сосновыми борами, каких на Печоре не увидишь, не потому, что трудно, а потому, что никак нельзя мне отвлечься от Печоры и пытаться объять необъятное...

Пролетели над Северной Мылвой — сверху залом в запани казался кучей рассыпанных спичек — и вот Троицко-Печорск.

Сто пятьдесят километров от Якши бежала Печора в «трубе», быстрая, с порогами и перекатами, и вдруг вывернула из лесов и разлилась широким плесом. Справа луг и дальний лес, а на левом берегу маленький живописный городок. Даже не городок. Хотя и обманчиво звучит название Троицко-Печорск, но это по административному делению село, районный центр. А величине этого района может позавидовать иное европейское государство.

От старого села — Троицко-Печорского погоста — осталось немного старых изб, спускающихся к реке по крутыму береговому скату. Выше поднимешься — обычный северный городок, где большинство домов деревянные, деревянные мостки-тротуары, широкая главная улица-шоссе.

Сюда, в Троицко-Печорск, идет шоссейная дорога из Ухты. Это второй после воздушного кратчайший путь на верхнюю Печору. Важность его и в том, что он связывает с Ухтой, северной «столицей нефтяников», нефтепромыслы Верхней и Нижней Омры и Вой-Вож с его газопромыслом и Крутянским сажевым предприятием: природный газ здесь превращается в сажу — необходимое сырье для резиновой промышленности.

Сейчас от Ухты к Троицко-Печорску строится ветка железной дороги. В самом Троицко-Печорске нефти нет, хотя весь этот район необычайно нефтеносен. Главное здесь — лес. Строится лесоперевалочная база. В будущем решено создать огромный ЛПК (лесоперерабатывающий комплекс). По железной дороге пойдут пиловочник, сборнощитовые дома, продукты лесной химии.

Пока же это городок-село с лесопромышленным и сельскохозяйственным уклоном. Правда, оживление на его улицах как-то не вяжется с его внешне спокойным, тихим обликом (а

может быть, это так кажется после маленькой Якши?). Взад-вперед по ухтинскому тракту курсируют машины геологоразведки, леспромхозов, пассажирские автобусы. Много разного народа встречается и на деревянных мостках, и в столовой, и в гостинице. Шумные ребята, гремя стульями, усаживаясь за столик в столовой, превращенной вечером в «ресторан», громко произносят слова «Пашня», «Вуктыл»... Что-то новое, вносящее в жизнь бодрую озабоченность, ощутимо уже здесь.

А река? Она тоже вышла из малолюдья в людное оживление. Здесь кончилась верхняя Печора, начинается среднее течение и ощутим иной пульс речной жизни. Нескончаемой веерницей вытянулись вдоль берега лодки, катера и самоходные баржи стоят у грузовой пристани, и, наконец, дебаркадер — первый на реке. Отсюда начинается регулярное пассажирское судоходство по Печоре.

Все смотришь на реку, никак не можешь оторваться: красивая она здесь. Неторопливо идешь по набережной («набережная», конечно, название относительное — просто по берегу). Тихий летний вечер. Смотришь на лодки, на дома. Примечашь, что здесь возле домов есть садики, растут смородина и малина и даже карликовые яблони. Недаром климат в районе Троицка-Печорска считается лучшим среди всех припечорских мест. И погода подтверждает это: дни стоят знойные, а вечера тихие, ясные. Нетревожимым зеркалом лежит плес. Незаметно очутишься «за городом» и оглянешься назад на разбросанные по склону холма домики, на село-городок, которое хотелось бы назвать как-то поласковее — Плес Печорский что ли... И в другую сторону посмотришь: а что-то там, вдали?

НА КАТЕРЕ «ПУРГА»

Что-то там, впереди... Тысяча триста километров до Нарьян-Мара отсюда. Три пассажирских транзитных линии: Троицко-Печорск — Вуктыл, Вуктыл — Печора и Печора — Нарьян-Мар. Если ехать безостановочно, пересаживаясь с одного судна на другое, то приедешь на пятый день (правда, новые суда на подводных крыльях, которые теперь появились на Печоре, помогут значительно сократить этот срок).

Я уже предвкушал удовольствие ехать на комфортабельном судне и посматривать из-за зеркальных стекол салона на печорские берега, а пришел маленький старенький катерок «Пурга». Догадаться, почему эту линию обслуживает такое небольшое суденышко, нетрудно: Печора здесь мелководна.

Народу на дебаркадере собралось много. Обычно катер ходит полупустым: на дальние расстояния все стремятся добираться самолетом; но сегодня уезжали бригада буровиков в Вуктыл и бригада монтажников в Пашню.

— Потопите катер! — кричал капитан, глядя, как энергичные шумливые ребята вмиг заполнили его утлую посудину.— Слезьте! Не поеду!

— Да мы в Вуктыл едем!

«Вуктыл» — на Печоре слово особенное. Капитан задумался, обошел оба салона, пересчитал пассажиров и наконец решил, что ехать все же можно.

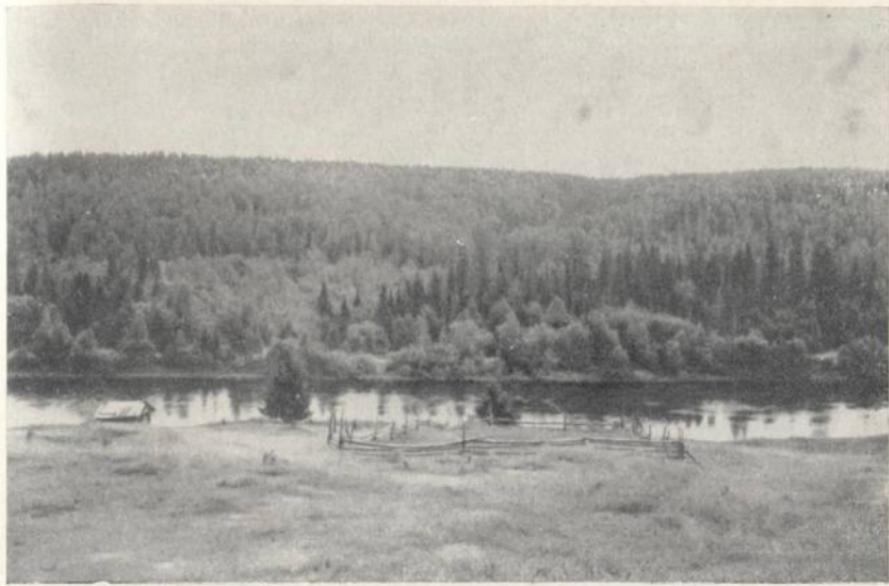
На реке жизнь спокойная, здесь спешить не принято. И «Пурга» не торопится: как-нибудь она свой рейс одолеет. Худо ли, бедно ли, а часов за двадцать сделает двести пятьдесят километров. Мотор гремит так, что в заднем салоне невозможно разговаривать. На верхней палубе тоже переполнено, но, как обычно в дороге, понемногу все утрясается, улаживается.

В таких рейсах все по-семейному. Среди пассажиров многие знают друг друга, и команда тоже многим знакома. Здесь, на Печоре, двести верст не расстояние да и не так уж много населенных пунктов. Совсем иначе, чем на более «обжитых» реках: там катер пристает только у больших селений, а тут он не обходит ни одной деревеньки. Да и особой хитрости пристать ему нет — просто «тычется» носом у каких-нибудь приметных елей, где уже несколько человек сидят на чемоданах. Задний ход — и стучит себе дальше.

А Печора, чем дальше, тем красивее. Низкие однообразные берега с еловым лесом сменяют высокие песчаные откосы с соснами. Все тот же лесной край, и долго нет селений. Но река иная — шире, просторнее, и уже не сдавливают ее леса, а отступают, раздаются в стороны.

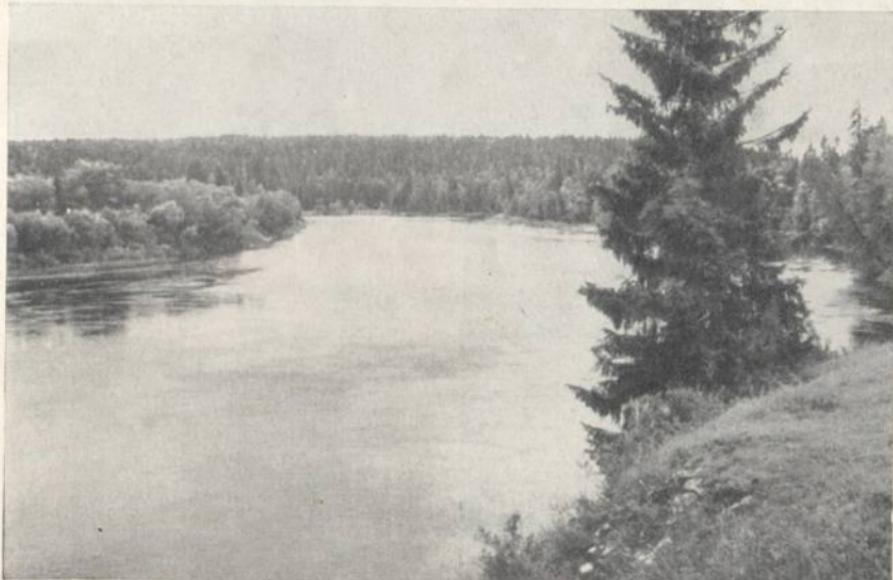
Но обманчива ее километровая ширина: появились прибрежные пески, песчаные отмели посреди реки. Стоит земснаряд, углубляет фарватер. С земснаряда машут белым флагом, катер подходит к борту, забирает пассажира. Команды «Пурги» и земснаряда обмениваются приветствиями, шуточками, деловыми поручениями: речники все друг друга знают.

Дальше идем. На лугу, как и на всех реках, становище косарей. Внизу, под берегом, лодки. По берегу ходят кони. Горит костер. Под красивыми раскидистыми березами шалаш. Мы проходим у приглубокого берега. Косари смотрят на катер,

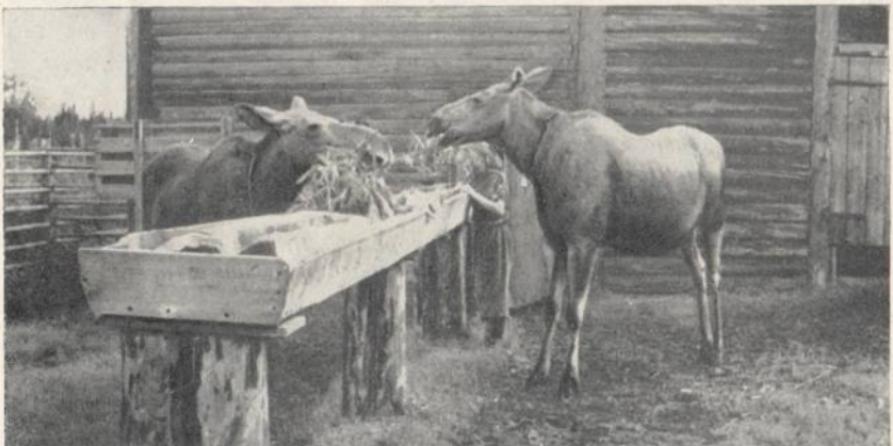
*Печора в верховье
у кордона Шежим*

*Печора под Якшей —
однообразная лесная «труба»*

Печоро-Илычский заповедник.
Так доят лосих

На опытной лосеферме

Лосята совсем как телята

Зеленое «золото» Печоры.
Вывозка древесины в Троицко-
Печорском леспромхозе

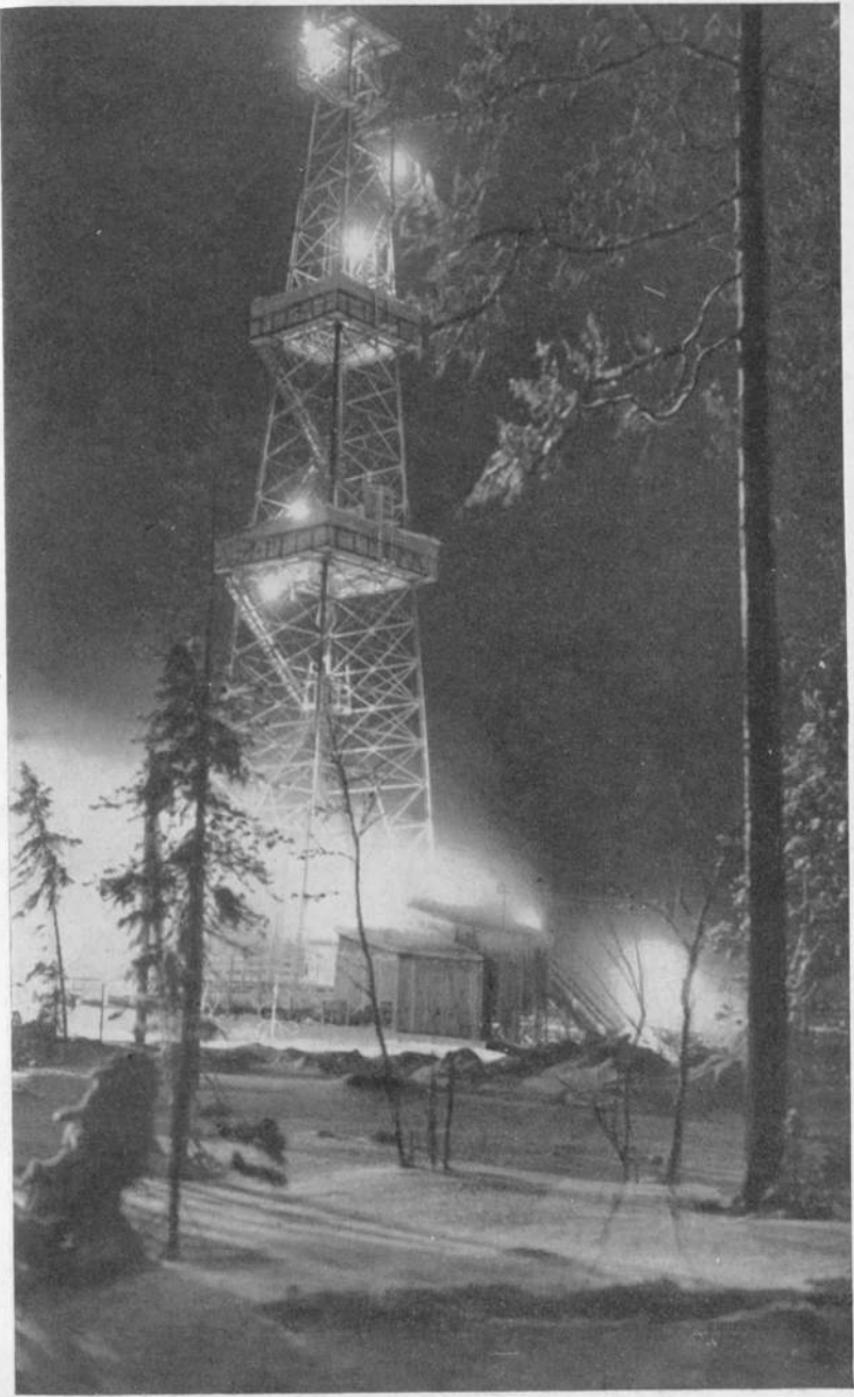

Зимняя сплотка древесины

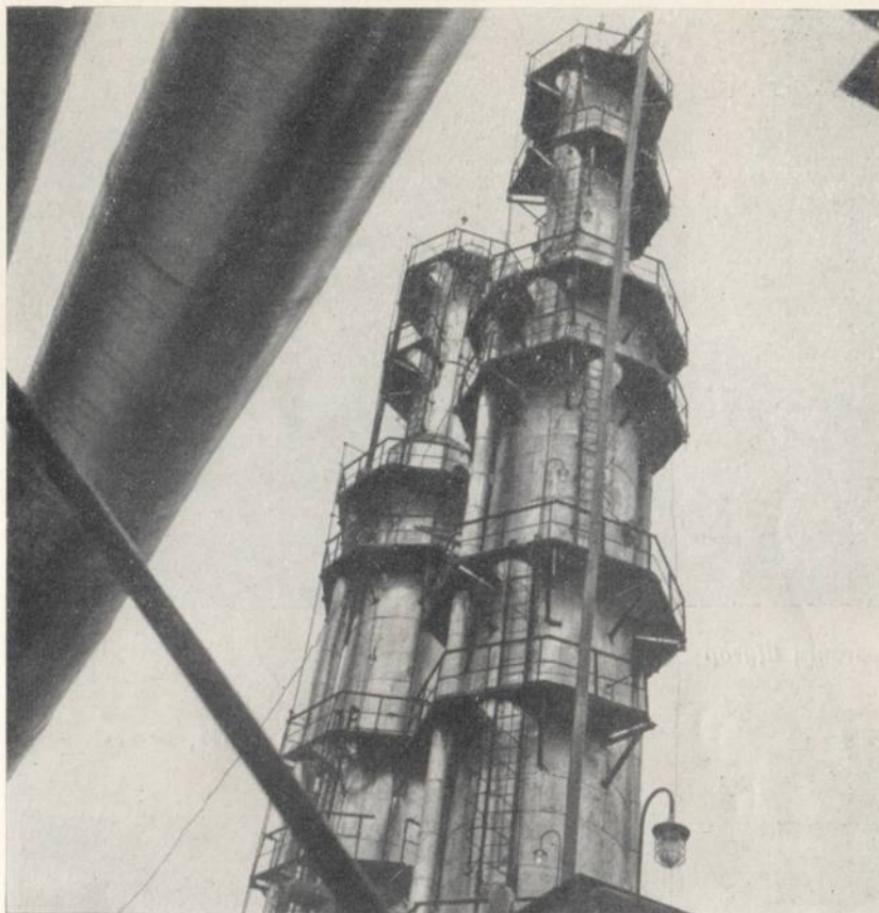
*Так прокладывался газопровод
Вуктыл — Ухта.
Единственное твердое место —
сама труба*

*Сорок метров ввысь
и четыре тысячи вглубь!*

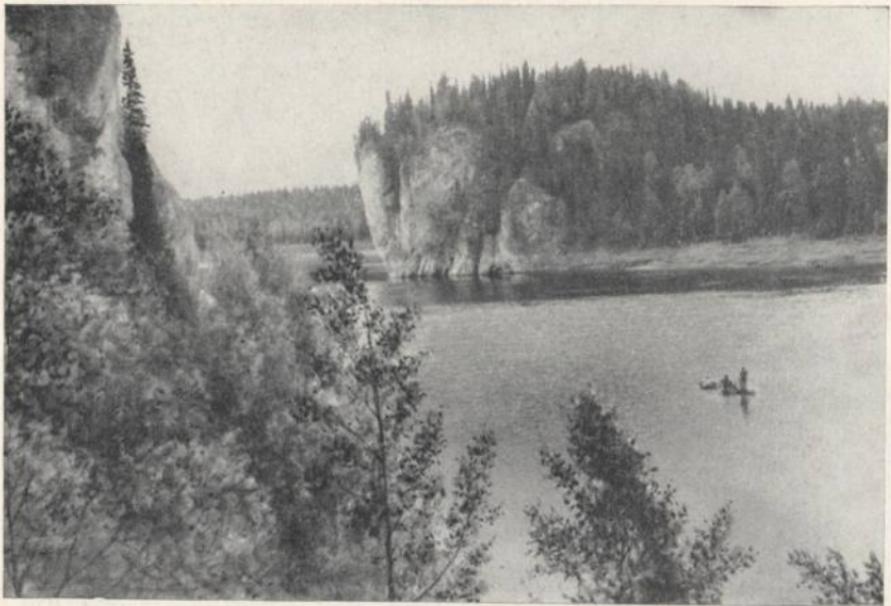
Поселок строителей
газопровода Вуктыл — Ухта

Ухта — «столица» северных
нефтяников. Улица Мира

На Ухтинском нефтеперерабатывающем заводе. Установка для стабилизации конденсата
Вуктыльского месторождения

«Жиклер» отправляется в путь

Красавец Щугор

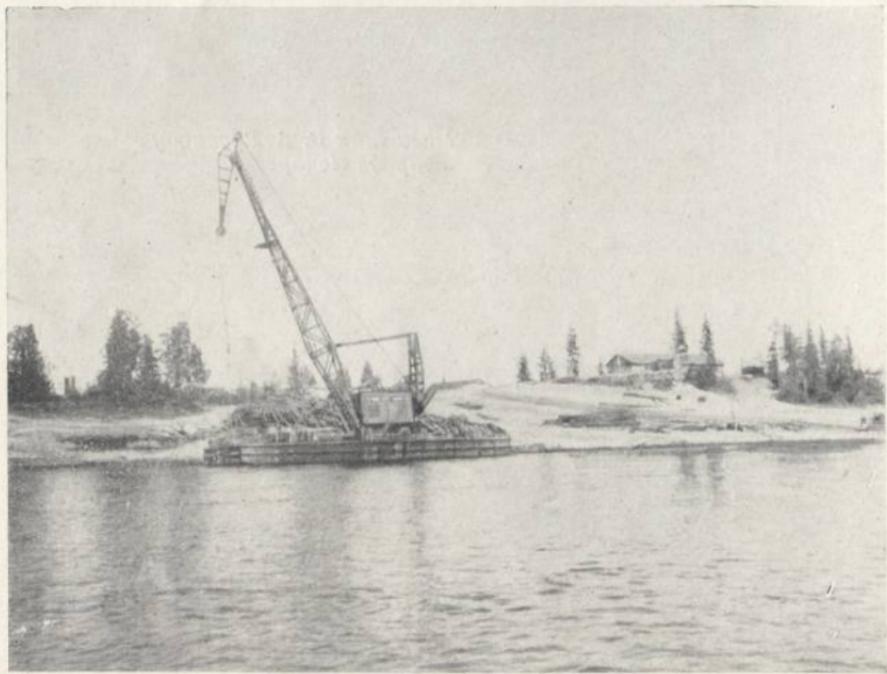
*В «Печорских Альпах».
Река Кожим*

*Памятник В. А. Рusanову
в городе Печоре*

Усинск. С этого начинается будущий город

Заполярный шахтерский
город Инта

Старинное северное село
Усть-Цильма

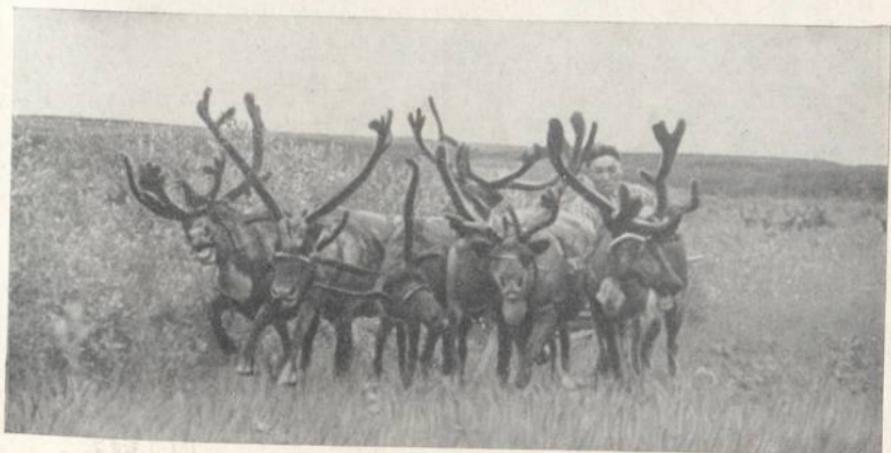

Это и есть перекрытие

«Вертолет — хорошо!»

*На нарьян-марской лесобирже.
Штабеля отличного пиловочника*

«А олени лучше!»

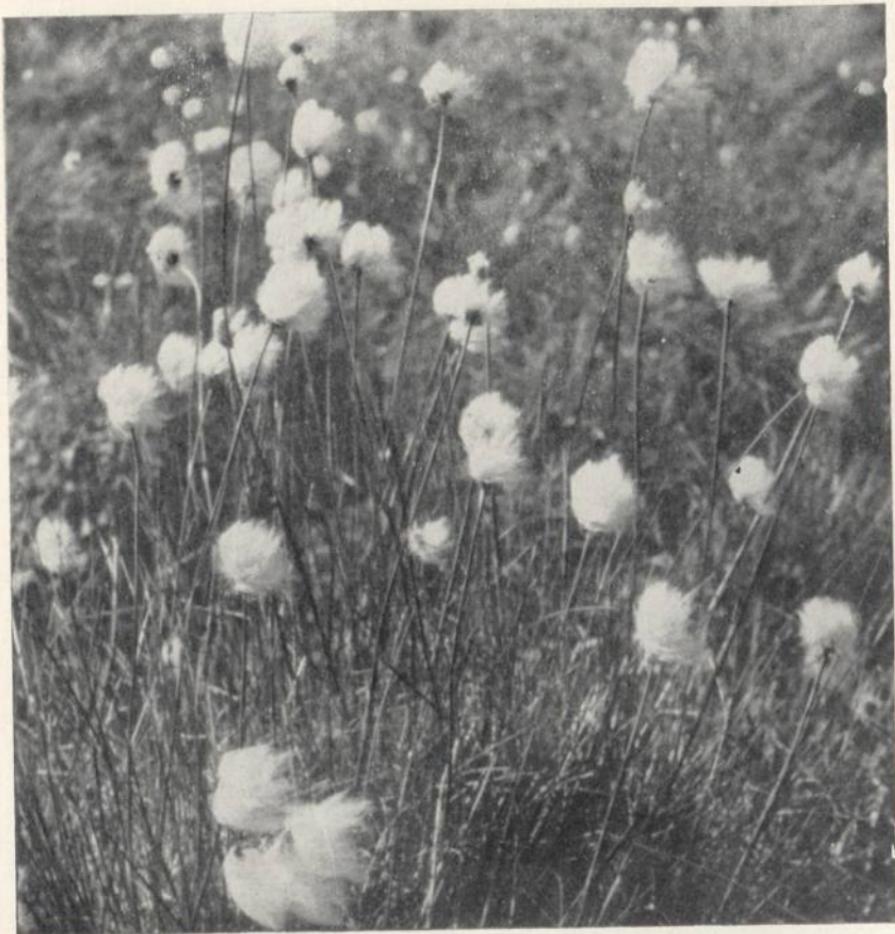
Сегодня тряска неводов
была удачной

Сторож Андрей Степанович —
«хозяин» Афонихи

«Ее, весну-то,
у нас ждешь не дождешься,
а придет — как праздник»

Цветы тундры

кто-то узнает знакомых, опять обмен приветствиями. Обычная речная жизнь: Печора ли, Ока — везде так.

Дальше, дальше... Удивительная, нетронутая, первозданная красота: на обрывистом глинисто-буром берегу стоят стройные красноствольные сосны. Корабельная чаща. Так и будут стоять они на красу и пользу реки: рубка леса в береговой полосе запрещена.

Но отступя, в стороне, по всей средней Печоре идет лесодобыча. И видишь постоянные приметы этого. Вот речонка впадает. Устье ее перегорожено бонами — небольшая запань. Почти каждая речушка здесь — канал лесосплава.

Показались огромные штабеля древесины. Нижний склад. Тут же дома лесопункта. У него симпатичное имя Тимуш-бор. Рассказывают, что этот бор открыл местный охотник по имени Тимуш, его именем и назван поселок.

И снова долго нет жилья...

А места — так и хочется посмотреть подольше, полюбоваться или уж сойти и здесь, и здесь. Тут бы порыбачить, тут бы на высоте над Печорой костер развести, лечь под соснами на теплый песок и смотреть на проходящие суда. Всегда такие мысли приходят, когда плывешь по реке.

Но и просто плыть по реке, посматривая по сторонам, тоже хорошо. Привыкаешь к грохоту двигателя, свыкаешься с теснотой, знакомишься с соседями. Ребята-монтажники едут из Верхней Омры. Там старый нефтепромысел. Направлены в Пашию, где недавно вступил в строй новый нефтепромысел, построен нефтепровод в Ухту. Бурят новые скважины на три тысячи двести метров, над ними будут монтироваться стальные сорокаметровые вышки.

Буфета на судне не имеется, да для него и места бы не нашлось. Каждый достает свою провизию, одолживает у соседей нож, стаканчик...

Послушаешь, посмотришь и замечаешь, что река приобрела вроде бы иной облик. Нет, она осталась все той же, все та же первозданность, те же красивые лесные берега, но нечто новое вошло в ее пейзаж.

То там, то здесь по берегам видишь буровые — одни у самой воды, другие встают в стороне над лесом. Вот какая-то буровая, старая, заброшенная, деревянная. Возле домик и сарай. Жили здесь славные бородатые ребята. Может быть, геологи, может быть, гидрологи. Жили, работали, спасались от нещадного гнуса, жгли костер, ловили рыбу, если было свободное время, вечерами посматривали на пустынную реку, ждали писем, тосковали по женам... Сделали свое дело и

ушли. Возможно, не удалась разведка, перешли на новое место.

И снова буровая, и еще одна... Сколько в эти берега вложено труда!

Впереди, на левом берегу, деревня Пашня. Как обычно для северных деревень, стоит она в красивом обжитом месте на зеленом косогоре. Весело смотрится деревенька. Радуют такие тихие места и их спокойные обитатели. Хорошо остановиться в такой деревеньке, пожить, завести дружбу с каким-нибудь разговорчивым дедом, рыбачить и охотиться и знать, что ты находишься бог весть как далеко от всех центров, затерянным в лесных просторах...

Но так только кажется, глядя на деревню. Переведешь взгляд дальше и понимаешь, что ни о какой «затерянности» речи быть не может. Какая же затерянность, когда и на правом и на левом берегу высоко над елями вздымаются металлические вышки. Значит, добурились те неизвестные бородатые ребята!

Катер подходит к поселку Пашня на правом берегу, и монтажники, подхватив чемоданчики и рюкзаки, гурьбой лезут по косогору. Там их уже ждут, жмут руки...

А катер продолжает путь мимо красивых высоких берегов, и опять стоят над рекой величавые сосновые боры, и снова видна вдали новая буровая.

Эта примета неотделима от облика реки. Новая пристань — и та же картина, что и в Пашне: вышки среди тайги. Савинобор. Здесь, так же как и в Пашне, найдена нефть, и так же ребята с рюкзаками и чемоданчиками соскакивают на берег. А к западу от Печоры, в тайге, новые месторождения, новые буровые — Тэбук, Джерь...

Мне вспоминается Баку. Когда едешь от города к аэропорту, среди желтых голых холмов нефтепромыслы издали кажутся лесом, но подъедешь ближе — лес стальной. Там вышки стоят как лес, а здесь, на севере, все — промыслы, поселки, города — окружено лесным морем, все богатства земли скрыты тайгой и болотами, и памятником великому труду встает над мрачной стеной ночного леса освещенный прожекторами деловой и четкий контур буровой.

В темноте прошли Дутово, крупный леспромхоз, прошли Лемтыбож, зимний затон судов Печорского пароходства. Далеко впереди по горизонту, как зарница, разливается алая полоса, то ослабевая, то накаляясь: горит газовый факел. Там Вуктыл.

Паренек-попутчик на катере «Пурга» сказал мне, когда впереди показались буровые Вуктыла:

— Раньше я коней пас на вуктыльской горке, а теперь сам там работаю.

Вуктыл... Когда-то это название не все и на Печоре знали: им называлась одна небольшая речка, правда знаменитая тем, что в ней нерестилась семга и хорошо ловились хариусы. Сейчас это название часто встречается на страницах центральной и местной печати. «Идет газ Вуктыла», «Газопровод «Сияние Севера» вступил в строй», — сообщают заголовки репортажей и очерков. Случалось, что иные корреспонденты второпях путали название, уж очень оно странно, непривычно звучит... Но как бы там ни было, пользуясь стереотипной фразой, «о Вуктыле узнала вся страна». Но за этой фразой скрывается долгая и трудная история открытия нефти и газа на Печоре.

О нефти в Печорском крае знали еще в древней Руси. В XVI веке при Борисе Годунове была привезена в Москву для показа первая нефть с Ухты. Называлась она «горячая вода густа», истинной ценности ее еще не знали. Упоминает об ухтинской нефти и голландский путешественник Н. Витсен в книге «Северная и Восточная Татария». Столетием позже ухтинской нефтью заинтересовался Петр Первый, и по его указанию были взяты пробы нефти и доманика — битуминозного горючего сланца, пропитанного нефтью. В середине XVIII века была сделана первая попытка промышленной добычи ухтинской нефти архангельским купцом Федором Прядуновым. Его скромное предприятие было первым в мире нефтеперегонным заводом, просуществовало около тридцати лет и заглохло. В 40-х годах прошлого века на Ухту была направлена первая научная геологическая экспедиция. Она подтвердила наличие нефти и горючих сланцев. Министерство государственных имуществ Российской империи двадцать лет тщетно искало желающих разрабатывать Ухтинское месторождение. Но когда нашелся промышленник, готовый взяться за дело, — им был уже упомянутый нами М. К. Сидоров, — ему пришлось столкнуться с невероятной бюрократической волокитой. Шесть лет длились его хлопоты, и наконец ему был отведен участок в одну квадратную версту. Была заложена первая на Ухте буровая. (Сейчас здесь вблизи города стоит обелиск в память об этом событии 1868 г.) Но бесконечные административные придирки привели к тому, что промышленной добычи нефти не началось. В 1890 году в Печорский край была послана вто-

рая геологическая экспедиция под руководством Ф. И. Чернышева (именем которого названа гряда в Большеземельской тундре). Экспедиция снова подтвердила высокую нефтеносность Ухтинского района. Добычу ухтинской нефти пытался наладить инженер Гансберг, но и его попытка осталась безуспешной. В начале нового века участки под нефтегазоводку на Ухте стали продаваться. Возник «нефтяной бум» с ухтинской нефтью, шла спекуляция участками. Однако промышленной добычи так и не было начато. Всячески препятствовали разработке нового нефтеносного района бакинские нефтяные магнаты, видя в нем конкуренцию своей монополии. Такова предыстория нефтепромыслов в Печорском крае.

История начинается с первых революционных лет. Еще в 1918 году была организована экспедиция к ухтинской нефти. Академик И. М. Губкин докладывал Ленину о ходе работ. В. И. Ленин неоднократно спрашивался о результатах разведки ухтинских месторождений. Так, в записке от 30 сентября 1919 года, адресованной ВСНХ, Ленин просил сообщить, что сделано в этой области. В телеграмме от 9 марта 1920 года члену Президиума ВСНХ тов. А. Ломову в Архангельск (Архангельск был недавно освобожден от оккупантов и белых войск) Ленин просил «...разыскать печатные материалы и отчеты о нефтеносном районе реки Ухты».

В годы гражданской войны и в восстановительный период у страны еще не было возможности строить северный нефтепромысел, но ленинские директивы не забывались, и в 1929 году в Ухтинский район была направлена крупная комплексная геологоразведочная экспедиция. В 30-е и 40-е годы открытия новых месторождений следовали буквально одно за другим: Чибьюское месторождение легкой нефти, Яргское месторождение тяжелой нефти (впервые в мировой практике разрабатываемое шахтным способом), затем Седьмое газовое месторождение, Нibelьское, Войвожское, Верхнеомринское и Нижнеомринское.

На базе этих месторождений работал до недавнего времени Ухтинский комбинат. Вместе с расширением нефтегазодобычи рос и благоустраивался из поселка Усть-Ухта город республиканского подчинения Ухта — столица нефтяников Коми АССР. Это отличный современный город со своим телекентром, мало чем уступающий главному городу республики (а иные утверждают, что и превосходящий его). Здесь нефтеперерабатывающие предприятия и научно-исследовательские институты, индустриальный институт, три техникума. Недалеко от Ухты вырос город-спутник Сосногорск.

Ухте подчинены все нефтяные и газовые промыслы и сопутствующие им предприятия, расположенные подчас довольно далеко от города — и в печорской тайге, и в усинской тундре. Ухта — центр всех поисковых и исследовательских работ по северной нефти. Ухтинскими геологами изучен обширнейший район, точнее, говоря на профессиональном языке, провинция, так называемая Тимано-Печорская нефтегазоносная провинция. На карте она имеет вид треугольника, одна из вершин которого — на юге, у Полюдова Камня, места соединения Тимана с Уралом, а стороны — с запада — Тиманский кряж, с востока — Северный и Полярный Урал вплоть до Баренцева моря. Территория ее около шестисот тысяч квадратных километров, то есть по сути дела она превосходит территорию Коми АССР.

А что же сама Печора? Мы говорили об Ухте и других месторождениях, но все они расположены в бассейне Печоры, на притоках ее притоков.

Да, в смысле промышленных открытий самой Печоре долго «не везло». Лес, рыба были главными, что она давала. Ухта, Воркута — хотя и Печорский край, но это не сама Печора. Взять, например, уголь. В 30-е годы на Печоре в Еджыд-Кырте был найден уголь. О печорских углях много говорили в то время. Какая, казалось, удачная находка! Пароходы будут доставлять в северный порт топливо, так нужное для судов, идущих Северным морским путем. Железной дороги в то время не было, воркутинские и интинские угли были практически мало доступны. И вдруг неудача: и уголь низкого качества, и месторождение незначительное.

Неудачей уже для нефтяников в 50-е годы стал Джебол на верхней Печоре. В те годы после предыдущей серии блестящих открытий наступила пора затишья. А между тем некоторые старые месторождения истощились. Начали раздаваться голоса, что Тимано-Печорская провинция малоперспективна. Торопили и подстегивали хозяйственники. Нужна была нефть, нужны были открытия. И вот на реке Джеболе, что в пятидесяти километрах выше Троицко-Печорска, забил мощный фонтан конденсатного газа. Месторождение оценивалось около ста миллиардов кубометров, а на деле оказалось всего один миллиард. Вместо подземного озера лужа.

Это было тяжелым испытанием для ухтинских геологов. С новой силой зазвучали голоса о бесперспективности Тимано-Печорской провинции. Средства, отпущенные на разведку, требовали передать в другие, более перспективные области. За это время по стране были открыты новые месторождения газа на

Украине, Северном Кавказе, в Тюменской области, а в Коми — ничего. Шли поиски.

Вся Тимано-Печорская провинция была изучена и по своей геологической структуре разбита на несколько районов. В зависимости от полученных данных можно было давать прогнозы, определять наиболее перспективные районы. В научном прогнозировании будущих открытий велика заслуга главного геолога Ухтинского комбината Героя Социалистического Труда Андрея Яковлевича Кремса — имя его широко известно в Печорском крае. Он настойчиво добивался продолжения поисков к востоку и северо-востоку от Ухты, в районах, которые считались малоперспективными. Он предсказал открытие новых богатейших месторождений. И наконец произошел сдвиг: было разведано Западно-Тэбукское месторождение легкой нефти. Затем наступила долгожданная пора открытий: Джерьеское, Савиноборское, Мичауское, Усинское месторождения легкой нефти, Кургинское, Печорогородское, Печорокожвинское месторождения газа, природного и конденсатного, и как венец всех усилий уникальное Вуктыльское газоконденсатное месторождение.

Это опять же история, а современность на берегу Печоры, вот здесь, где лежат горы стальных труб, кучи песка и щебня, ящики, мотки проволоки, кирпич и другие строительные материалы, стоят самые разные суда и баржи, а наверху, за елями на той горке, где еще недавно паренек-попутчик пас коней, виднеются дома нового поселка Вуктыль.

Действительно, ничего здесь раньше не было. Строительство началось с октября 1967 года. Было лишь несколько домиков и вагончиков. Расчищался лес, прокладывались первые улицы. Горы коряг и сейчас, как валы, окружают окраины поселка. Дальше начинается сырой еловый лес — вот у такой таежной глухомани была отвоевана площадь под жилье. Улицы вагончиков (их называют балками), улицы сборнощитовых домов, деревянные мостки-тротуары (которые здесь называют трапиками), глинистые разбитые колеи, траншеи, вырытые для водопровода, — с этого начинается будущий город.

О будущем говорят и ажурные контуры вышек, встающие над лесом, серебристые цилиндры цистерн сборных пунктов газа, вертолеты, беспрерывно висящие в воздухе, стрелы подъемных кранов на речном берегу, бетонные дороги, уходящие в тайгу. Там, в двадцати — тридцати километрах отсюда, куда вертолет «МИ-6» повез бурильный станок, прицепив его под фюзеляжем, куда пробиваются через глуши и болота дорож-

ники,— там, вдоль речки Вуктыл, на огромной глубине вытянулось стокилометровое подземное озеро газового конденсата.

Газовым конденсатом называется газ, содержащий легкие составные части нефти, находящиеся также в газообразном состоянии из-за высокого давления и температуры в продуктивных пластах. При добыче такого газа из него выделяется в специальном резервуаре — сепараторе — конденсат, то есть растворенные легкие фракции нефти в виде газолина (легкий бензин). Иначе говоря, сама природа устроила нефтеперегонный завод на глубине свыше трех тысяч метров. На один кубометр вуктыльского газа приходится 360 граммов конденсата (по данным А. Я. Кремса). Именно поэтому месторождение называется уникальным.

В районе добычи производится стабилизация — очистка конденсата от примеси газа. Конденсат будет перерабатываться на специальных предприятиях, а газ с головных сооружений направляется на магистральный газопровод. Нитка газопровода легла от Вуктыла на Ухту и дальше — на Череповец с его металлургическим заводом, на Рыбинск и Торжок. Поэтически газопровод назван «Сияние Севера», а по-деловому «Север — Центр». Предполагается, что в будущем к этой газомагистрали будет подведена нить с Тюменских месторождений «Сибирь — Центр».

Прокладывается вторая нить газопровода, и поэтому весь берег у Вуктыла завален трубами. Самые малые из них, так называемые семидесятка, семидесяти сантиметров в диаметре, самые большие — свыше метра в диаметре.

Техника в Вуктыл брошена огромная, самая современная. Нужно пробурить и сдать в эксплуатацию еще не один десяток скважин. Ученые предсказывают открытие нефтегазоносных залежей в нижнекаменноугольных и девонских отложениях на глубине четыре-пять тысяч метров. Необходимо обустроить промыслы и проложить пятьдесят километров шоссейных дорог. А дороги — самое трудное здесь: приходится буквально каждый метр отвоевывать у тайги и болот.

В кабинете секретаря объединенного парткома Анатолия Владимировича Солонина часто звонит телефон, приходят, уходят разные люди, необходимое интервью приходится брать урывками. Партком помещается в маленькой комнате в одном здании с поселковым советом, ЗАГСом и милицией: в поселке пока живут тесно.

— Да, техника брошена огромная, — говорит секретарь, кладя телефонную трубку и возвращаясь к прерванному разговору, — и средства отпущены огромные. Например, бурение

одной скважины глубиной три тысячи метров стоит миллион рублей и занимает год времени. У нас в Коми вообще высокая стоимость бурения. Конечно, природные условия тоже сказываются, прошлой зимой ртутный столбик опускался до минус пятидесяти четырех. Но зато наш газ — один из самых дешевых да плюс конденсат.

Снова звонит телефон, а я пока рассматриваю карту уникального месторождения, похожего на длинное узкое озеро вдоль реки.

— Да, завтра вылетаем, закажите билеты,— говорит Солонин в трубку.— Так. Будущее Вуктыла,— возвращается он к нашему разговору.— Двадцать пять миллиардов кубометров газа — наше самое близкое будущее. Новые скважины... новые сборные пункты... новые подъездные пути,— перечисляет он.— Сам поселок. Сейчас в поселке и на промыслах живет девять тысяч человек. Это мало, люди нам нужны, и мы ждем пополнения... А в будущем будет город Вуктыл. Может быть, у него будет иное название, это еще предстоит решить... Да, вполне благоустроенный город на десять тысяч жителей примерно. Пока рассчитываем на десять. Часть строителей к тому времени уедет, останутся эксплуатационники. Город будет,— он взглянул в окно и улыбнулся.— Ну, а пока, как видите, живем и в вагончиках...

Да, жилищная проблема не из легких. Поселок выстроен на скорую руку в основном из сборнощитовых домов. Существенным облегчением в быту является газификация поселка: с газовым отоплением не страшны и самые суровые морозы. Но тесно. Идешь по улицам — видишь вывески: «Ателье мод», «Ремонт часов», «Заправка шариковых авторучек». По бытовому обслуживанию поселок не отличается от других, но всем этим предприятиям пока приходится ютиться в маленьких комнатах. И клуб и библиотека пока помещаются в небольшом здании.

Но есть и другое, и этого нельзя не заметить,— простота и ясность отношений между людьми, занятymi настоящим делом. Хотя бы такая мелкая, но тем не менее примечательная черта. Вы идете по так называемому трапику — длинному мостику в километр — по лесной просеке между самим Вуктылом и поселком дорожников Пионерский. Разойтись со встречным на этом узком, покачивающимся мостику, у которого столбы ушли в болотистую жижу, не так-то просто: надо встать боком и поддержать друг друга. Эти чувства взаимопомощи и взаимоуважения — хорошие человеческие качества, которые Север воспитывает в людях. Иначе здесь и нельзя, просто ус-

ловия не позволяют. Безде на Севере, если вам куда-либо надо доехать на попутке, вы встаете у обочины и даже не поднимаете руки: машина сама остановится. Тип наглого «шефа» здесь немыслим. А если вы спросите, как попасть туда-то, вам с готовностью ответят и при возможности помогут добраться.

Или такой разговор в магазине. Парень обращается к двум девчатаам в цветных платках и ватниках:

— А вы уже здесь?

— Подумаешь! — бойко отвечают они.— Вертолет ведь свой.

Им это привычно и повседневно: прилететь в поселок со своей буровой на вертолете, как каким-нибудь колхозным девчатаам попасть с полевого стана в село. Пусть пока бараки, пусть вагончики, но они, эти девчата, чувствуют себя уверенно, живут в широком мире. Внутреннее спокойствие, отзывчивость и дружелюбие — те черты характера, которые замечаешь в северянах (пусть они даже ими не всеми осознаются) — в тех, кто знает, что такое настоящий мороз и настоящая мошка, и настоящая работа.

ПОДЧЕРЬЕ

И вот Вуктыл позади, его берег, загроможденный на несколько километров горами стальных труб, и буровые вышки. А река снова меняет свой облик. Прежде берега ее рассказывали о поисках и находках нефтегазоразведки, а теперь это край леспромхозов. Теперь на первый план, вернее, крупным планом снова выступает «зеленое золото» Печоры.

За поселком, километрах в десяти ниже, впадает речка Вуктыл, скромная, узенькая, и совсем не догадаешься, глядя на нее, что вверх по ее течению расположены мощные газопромыслы.

Когда я на попутной моторке прибыл в Подчерье, было раннее воскресное утро. Накрапывал дождик, было тихо, тепло, сырьо. Из воды выпрыгнула изрядная семга, сверкнула литым серебром чешуи и ушла вглубь. Как раз напротив дебаркадера было устье Подчерьема (Подчерья), заповедной семужной реки с родниково-чистой водой.

Дебаркадер стоит в красивом месте, у одного из двух низких луговых островов. Река образует здесь широкий плес, и над ним летают чайки — верный признак рыбных мест.

Проливы между островами, говоря по-местному шары, перекрыты запанями, и, несмотря на ранний час, здесь уже шла

работа: прибыло слишком много леса, его надо было срочно разобрать. Люди с баграми, упираясь высокими сплавными сапогами в мостки, налегая на шесты, проталкивали бревна по коридору запани.

Я походил по поселку, который далеко вытянулся от устья Подчерема вверх по правому берегу Печоры. Зашел на почту, получил письмо от товарища, сообщавшего, что, как мы и условились, он прибыл сюда, в Подчерье, и будет ждать меня на дебаркадере.

На дебаркадере по-прежнему никого не было.

Сверху пришел буксир БТК-11 за плотом. Я узнал, что рейс его в Нарьян-Мар, поведет плот в десять тысяч кубов. «А ведь хорошо,— подумал я,— отправиться в путь с плото-водом. Идет он медленно, вдосталь всего насмотришься. Можно сойти в нужном месте и опять догнать неторопливый буксир, ведь известно, что на реке спешить не принято...» Если бы Алексей не запропастился неведомо куда, мы бы что-нибудь придумали.

Время шло, а погода, все эти дни прекрасная, портилась с каждым часом, дождь лил и лил.

Пришел катер из Печоры, сошли немногие пассажиры. Катер пошел выше, в Вуктыл, чтобы оттуда вскоре направиться в обратный рейс. Это был тот самый комфортабельный ВТ с каютаами и салоном, оправдывающий рекламу речного флота: «Поездка на речных судах — лучший отдых!»

Я ждал товарища, а его все не было.

Понемногу начали собираться пассажиры. Их сегодня много: из-за плохой погоды самолет на Печору не полетел. Отпускников легко было узнать по их веселым, раскрасневшимся лицам и новым костюмам. Их ждало ясное небо юга, а у нас на севере лил дождь. Пришла целая группа людей в дождевиках, высоких сапогах, с вещами. В зале ожидания, называемом на дебаркадерах дежуркой, зазвучала певучая украинская речь. Уезжала бригада гуцолов. Их много работает здесь, на Печоре. Это прирожденные лесорубы, сплавщики, плотоносы. Но рубка леса в их родных Карпатах ограничена, и они выезжают на работу в другие районы страны. Леспромхозы принимают их с радостью. У них свои сплоченные бригады, работают они на совесть, охотно идут на самые трудные участки. Работа их сезонная, договорная. Полгода они живут и работают, не щадя сил, на Севере, полгода — дома.

А вот принаряженный молодой человек в шляпе, бостоновом костюме, в галстуке. В отпуск едет с женой и малышом. Рядом стоят приятели, тоже одетые по-праздничному, смеясь

втолковывают: «Ну, ты там погрейся, фруктов поешь...» Наверное, он после армии приехал сюда по оргнабору из Воронежа или Орла, обжился, получил специальность, женился и теперь здесь постоянный житель. Приедет он в родную деревню, откуда уходил в армию, покажет, что и он устроился не хуже других, и будет рассказывать о Печоре, приговаривая: «У нас там, на Севере...»

Тем временем возвращается ВТ и, нетерпеливо подрагивая, стоит у причала. Хорошо в нем, тепло, уютно... Каким же судном нам придется плыть дальше?

— А ты чего не уехал? — удивляется шкипер, увидев меня одного на опустевшем дебаркадере.

Я объясняю ему, в чем дело.

— Да это не тот ли, который у баржевиков лодку купил? — предполагает он. — Смотри-ка, не он ли там плывет? Вроде та лодка.

Из устья Подчерема вышла лодка, и человек, сидевший в ней, махал нам рукой.

Это было то судно, на котором нам предстояло совершать дальнейший путь.

«ЖИКЛЕР» ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Прежде всего надо объяснить, как получилось, что дальнейшую поездку мы совершали уже вдвоем.

Есть такая благородная «северная болезнь», и есть люди, зараженные этой болезнью. Каждый год с постоянством магнитной стрелки компаса мы с товарищем когда вместе, когда порознь устремлялись туда, куда нам указывала эта стрелка, — на север. Происхождение этой тяги не просто объяснить: чем он так манит, Север? Стариной своей — памятниками древнего зодчества. Но вот на верхней и средней Печоре ничего этого нет, вернее, почти нет, и, зная это, я все равно поехал сюда. Живописной природой своей? Но мало ли на свете живописных мест? Завораживающей тишиной своей, глушью первозданной? Но не тихие и не глухие здесь места.

А просто просторами своими. Зовут они, эти просторы, тянут северные дали. Так и даль печорская тянула к себе, звала и манила. Еще давно, на Онеге и Двине, маячил где-то в отдалении образ ее, Печоры. Читая книги о Севере, мы неизменно встречали ее имя, и все более становилось очевидным, что без Печорского края нельзя познать и края северного.

Но нелегко было решаться к ней приступить: велика она, Печора — втрое больше Двины, вчетверо с половиной больше Онеги...

Получилось так, что я и Алексей не смогли выехать вместе и мне пришлось начинать путь одному. Но мы условились, что встретимся с ним в определенном пункте. Так оно и вышло. Что такое радость встречи в пути, когда к вам присоединяется друг, я не стану объяснять.

А вот что бывает, когда у вас появилась моторная лодка и вы знаете о моторе только то, что его надо заводить, дергая за шнурок, — это долгий рассказ...

По словам моего товарища, получалось так, что едва он сошел с самолета, как встретился с веселым баржевиком, которому совершенно была не нужна лодка с «Ветерком» и он готов был уступить ее первому встречному за сходную цену. Наверное, на его месте я бы тоже решился. Что за интерес плыть по Печоре на теплоходах и попутных судах? А вот плыть своим курсом, по своей воле — дело другое и, пожалуй, самое интересное в путешествии по реке.

— Я, понимаешь, ждал тебя, а тут напротив Подчерьем. Баржевик напоследок завел мне мотор, и я поехал. Поднялся порядочно по реке, ни одной шпонки не сорвал. Вода прозрачная, каждый камешек видно. Ночевал в палатке. Да, ты знаешь, что у нас есть палатка? Да, и ружья я привез. Как думаешь, триста патронов хватит? Что ты уставился на меня? Нет, не свихнулся. Сам говорил, что на Печоре великолепная охота... (Ах, уж эта моя охота! Всяк, кто едет на Север, везет о ней мечту. И уж сколько о ней писано-переписано в книгах о Севере, как об обязательном экзотическом моменте. Не хочется мне разуберять товарища, но знаю, пока не до охоты нам будет. Иная теперь Печора — деловая, промышленная река, и мы не за баловством сюда приехали, да и охота на Севере давно уже не та...)

— Ну что ж, поехали?

— В том-то и дело, что нет: мотор забарахлил, из-за этого я и опоздал.

Все это, конечно, мелочи жизни: и то, что после покупки лодки мы остались при минимуме средств, и то, что не унимается дождь. Вот только бы завелся заглохший мотор...

И начинается:

— Раз! Раз! Раз! — дергаешь, пока руку не заломит.

В таких случаях верное средство — обратиться за помощью к местным жителям: теперь на реке каждый мальчишка в

моторах разбирается. И всегда находятся добрые люди, тот же шкипер дебаркадера, которые помогут советом и делом.

— Свечи посмотрим? — предлагает он и начинает вывинчивать свечи.

Со свечами все в порядке.

— Искру проверим?

Искра есть.

— А как карбюратор?

Он долго копается в моторе, мы тоже лезем помогать и, конечно, только мешаем. Вроде бы все в порядке. Шкипер принимается дергать за шнурок, и мотор, к нашему удивлению, заводится. Он бодро трещит, взбалтывая воду на холостых оборотах.

Мы прыгаем в лодку, шкипер отталкивает нас от берега. Мотор рычит на холостых, изрыгая сизый дымок. Но когда «стармех» нашего судна переключает рычажок на «ход», мотор глухнет. Течение относит нас от дебаркадера. Снова дерг, дерг, дерг — ничего.

— А жиклер продули? — кричит нам вдогонку шкипер.

Приступаем к берегу, отвинчиваем крышку поплавковой камеры карбюратора, продуваем жиклер — отверстие, через которое в карбюратор поступает горючее. Если в бензин попала грязь, отверстие это засоряется и его приходится продувать.

Продули жиклер, снова раз, два... Мотор чихнул. Еще рывок. Завелся! Сбрасываем холостые обороты, переключаем на «ход». Мотор тонко и нежно поет, лодка ходко кидается вперед. Едем!

Наконец-то едем! Вместе едем, своим ходом едем! До чего же хорошо с^о своим мотором. Тут не тебя везут, а ты сам едешь и ощущаешь всю реку, и не сверху смотришь из салона теплохода, а непосредственно касаешься воды. О, так мы далеко уедем, хоть до самого Нарьян-Мара! Всего и надо делать по сто километров в день.

Настроение у нас самое радужное, его не портит и дождь, который с перерывами продолжает моросить. На севере на дождь не стоит обращать внимания, иначе лучше сюда не ездить. Мотор гудит ровно, без перебоев. Хороший мотор у нас, почти новый «Ветерок». С ветерком на «Ветерке»!

Теперь мы не просто дорожные люди, у нас хотя и маленькое, но свое судно, и для нас существуют речная обстановка и все правила судоходства. Вот идет нам навстречу колесный буксир «Саша Чекалин», а как мы свое судно назовем? Есть предложение назвать лодку «Печорочкой». Как будто бы неплохо?

Проходим мимо буксира, плицы его мерно хлопают по воде, за кормой встают волны. Ставим лодку носом к волне, сбавляем ход и предвкушаем, как славно сейчас покачаемся. Мы взлетаем на первой волне и... зарываемся носом во вторую. Половина лодки залита водой. Нет, видно не зря баржевик стремился расстаться с этим суденышком: волну оно держит плохо.

— Какая это «Печорочка», это утюг! Давай к берегу!

На берегу вытаскиваем мокрые вещи, проверяем, не подмокли ли фотопленки, патроны (а дождь тоже добавляет сырости). Отчепываем воду. Можно ехать.

Снова дерг, дерг, дерг! Ничего.

— А жиклер продул?

Продули жиклер. Дерг — тррр! Есть! Едем.

— Назовем нашу лодку «Жиклер»!

И «Жиклер» отправился в путь.

Потянулись по берегам сплошной зубчатой стеной северные островерхие ели. Вдоль правого и левого берегов запани. Стоит брандвахта — плавучий дом, в ней живут сплавщики. Сами сплавщики в зеленых спасательных жилетах (техника безопасности) с баграми ходят по шатким бонам. Колесный буксир, тот, что подходил к пристани, подцепил плот и повел его вниз. Идет он тихо, почти со скоростью пешехода, и моторке ничего не стоит обогнать его.

Берега однообразные, особенно в пасмурную погоду. Узенькая бровка берега, дальше глухая еловая тайга, в которой и птиц не слышно, гниль, бурелом... Но на самой реке оживленно, как на большой проезжей дороге. Нам все время приходится осторегаться больших судов и, прижимаясь к берегу, покачиваться на их волнах. Уже по проходящим судам можно определить, чем живет Печора. Несколько барж с толкачом и самоходок прошло вверх. На баржах трубы для Вуктыла. Везут строительный материал, секции сборнощитовых домов — тоже для Вуктыла. Вниз идут быстро, порожняком. Проходят сплавные катера-водометы. Проносятся полуглиссеры рыбнадзора. И множество моторок снуют вверх-вниз. Беспокойная жизнь на реке. Печора — труженик, деловая река, и уж коли ты собрался путешествовать по ней, то волей-неволей становишься вовлеченным в ее деловой, озабоченный ритм.

Впереди обозначались высокие лесистые холмы. Где-то там, в стороне, ограничивая Печорскую низменность с востока, тянутся цепи Северного Урала, а это их предгорье, напоминание об Урале. Живописное место. Горка щетинится елями, пони-

жаясь к высокому каменистому берегу. На ее склоне светло-зеленым пятном выделяется луговина со стожком. По берегу вытянулась деревня, а над ней белая скала. Так и называется это место — Еджыд-Кырта, что значит «белый камень».

Черные пятна на берегу напоминают о прошлом Кырты. Мы уже говорили, что в 30-е годы здесь был каменноугольный рудник и на берегу лежали горы угля, который грузился на баржи. Сейчас рудник законсервирован. В Кырте запань, сплавучасток, поселок сплавщиков.

Со своей лодкой и палаткой проблема ночлега проста, только выбери подходящее место на любой пожне. Костер под дождем, комары, которые неведомо откуда набираются в палатку, — все это обязательные атрибуты путешествия на Севере, и вряд ли на них стоит подробно останавливаться.

А утро тихое, сырое. Река погружена в туман, где-то тревожно перекликаются суда. Пылит морось. В такую погоду не хочется двигаться с места, а надо.

— Жиклер продули? Поехали!

В ПРЕДДВЕРИИ «ПЕЧОРСКИХ АЛЬП»

Налетевший ветер разнес туман, поднял волну. Нас крепко качает у переката Верхняя Воробъиха, где река делает кругую излучину. Проще было бы плыть под берегом, где волны нет, но опасно: можно налететь на галечную отмель или подводный камень. Но и прямо по середине реки тоже не везде поедешь. Мы плыли посередине — и вдруг резкий толчок, подкинуло мотор: и здесь мель. Даже лодке не просто на Печоре. Приходится держаться речной обстановки — идти по стварам, не заходить за бакены и вешки.

Уныло и однообразно выглядит Север в серый пасмурный день! Но чуть появится оконце между облаками и оттуда проглянет солнце — все чудесно преобразится и засияет: мрачный островерхий лес становится изумрудным, злые свинцовые волны сверкают кроткими белопенными барашками. Но ненадолго. Снова наползают низкие темные, как дым, облака и сыплют дождик.

Однако погода на Севере меняется быстро. Когда мы подошли к устью Щугора, дождевые облака разнесло, засияло солнце, а перед нами справа открылась довольно широкая река, впадающая в Печору среди низких луговых берегов. На противоположном высоком берегу, километрах в трех, видна деревня Усть-Щугор.

— Зайдем?

У нас уговор не заходить в притоки, но уж очень притягивает к себе эта красивая река, да и мы о Щугоре много напыщаны.

— Ты знаешь, сколько впадает в Печору рек? Восемьдесят! А всего в бассейн Печоры входит две тысячи трехсот больших и малых рек! Если нам на каждый приток тратить по одному дню, мы не закончим пути и к ледоставу!

Но уж очень заманчиво, зовущее раскрывает перед нами Щугор свои дали, и мы сворачиваем в его устье.

Темная вода Печоры начинает светлеть, заметно каменистое дно, вода становится настолько прозрачной, что не угадаешь, глубоко здесь или мелко.

Мелко. Толчок, мотор глохнет. Сильное течение горной реки подхватывает нас, выносит на щугорский перекат, где мы и пристаем у седого, мрачного высокого берега. Лопасть винта побила о камни, и полетела шпонка. О том, что полетела шпонка, догадываемся даже мы, люди неопытные в моторах. Шпонка — это предохранительный металлический стерженек в креплении винта. Если винт задевает за препятствие, шпонка ломается и винт останавливается — самая обычная история с лодочным мотором. Поэтому каждый владелец лодки возит с собой кусок толстой проволоки, из которой изготавливается шпонки. Такой кусок есть и в нашей лодке вместе с необходимыми инструментами — ключами, отверткой, пассатижами.

Шпонку сменить просто, даже если вы делаете это в первый раз. И мы снова, конечно, перед запуском мотора, продув жиклер, делаем попытку войти в Щугор. На этот раз мы поднимаемся выше устья и пытаемся идти вдоль правого берега. Результат тот же — летит шпонка. Приходится вести лодку вдоль берега на бечеве.

Но это было только начало щугорских испытаний.

Прежде чем пуститься в дальнейший путь, мы подготовили побольше шпонок. Посидели, полюбовались на слияние Печоры и Щугора, на окрестности, залитые предвечерним солнцем. Мимо нас сверху прошла лодка с местными жителями, спокойно, прямо по середине реки. Им хорошо, местным жителям: они реку знают и лодки у них особой конструкции — почти плоскодонные, неглубоко сидящие в воде. Наша же лодка, тяжелая, с большой осадкой, для мелководья явно не годилась.

Мы снова продули жиклер и начали подниматься по Щугору. Опять под килем прозрачная вода и голубое

дно. Один из нас лежит на носу лодки и смотрит в воду, показывая руками, в какую сторону поворачивать, другой сидит на румпеле — правит. Идем на малых оборотах и против быстрого течения продвигаемся еле-еле. В глазах рябит галечник на бесконечных щугорских перекатах.

Как ни осторожничали мы, а все же шпонку сорвали. Пока гребешь к берегу — лодку сносит. Снова вперед — мотор не заводится, продуваем жиклер на ходу, и мы опять в устье. Начинаем все сначала.

Уже в сумерках мы дошли до песчаного острова, что ниже первых скал. Мотору, видимо, все это надоело, и он прочно отказал. Продувание жиклера уже не помогло. Мы пытаемся разобраться, что произошло с мотором, конечно, без толку, а уже темнеет и пора думать о ночлеге. Береговая бровка, как и речное дно, — галечник, дальше глухой лес, сплошной бурелом. Где тут устроиться? Мы начали высматривать место для привала и неожиданно, к удивлению своему, увидели крышу избушки, выглядывавшую из-за елей. Это была «утешительная премия» за все наши щугорские передряги.

Только на следующее утро мы смогли осмотреться и понять, хоть отчасти, что такое Щугор.

Быстро несет Щугор свои родниково-чистые воды. Они не только кристально чисты, но и студены, как в роднике: станешь умываться — руки заломит. Галечная бровка тянется до первой скалы. Из-под берегов выбегают маленькие роднички. Вода в них еще холоднее и вкуснее щугорской. По галечной полосе идешь, как по каменистому пляжу на Черном море: каких только камешков разных тонов и оттенков здесь не найдешь! Голубые, розоватые, зеленоватые, лиловые, белые, черные, сероватые, многоцветные, с прожилками, с вкраплениями, разной формы — удивительный каменный ковер, созданный самой природой!

Мы подходим к подножию скалы, где она отвесно уходит в воду, смотрим в глубину, но, как ни стараемся, никакой рыбы заметить не можем. Взираемся на скалу и смотрим в заманивающую даль Щугора. Там, дальше, отливающие серебром перекаты и новые скалы. Где-то там знаменитые нижние, средние и верхние «ворота», куда нам не удалось попасть. Туда, внизу, под нами, проплыла лодка с туристами, их повез местный рыбак. Другая группа туристов сегодня утром прошла сверху на четырех байдарках. Мы и потом не раз встречали туристов со Щугора. Это их излюбленный край, их «тропы».

Природа словно заботилась о туристах, создав устья рек, стекающих с Северного Урала, в сравнительно недалекой близости. Со Щугора можно попасть на Большую Сынью или на Подчерем, а с Подчерем — на Щугор и на Илыч¹. Все эти реки в своей верхней части, прорезая хребет Приполярного Урала, текут в живописных скалистых берегах, быстрые и порожистые, обильные рыбой, проходят по глухим, ненаселенным местам. Если, например, плыть вверх по Щугору, то в тридцати километрах от устья встретится деревня Мичабичевник (прежде по Щугору поднимались бечевником), а дальше никакого жилья уже не будет, только охотничьи избушки, и лишь в двухстах семидесяти километрах от устья стоит метеостанция. Летом скучать метеорологам не приходится — почти каждый день гости: приходят туристы, навещают и геологи, а зимой редко забредет какая-нибудь группа отважных лыжников. Туристы, ходившие по этим местам, рассказывают, что где-то в глухи мелких притоков Щугора, Подчерема, Илыча до сих пор встречаются избушки «скрытников» — сектантов.

Край этот, в преддверии которого мы находимся, называют Печорскими Альпами. Название это дано А. В. Журавским еще в начале века во время его поездки по приполярному Запечорью. Жаль, что побывать в этом крае нам не удастся, — это специальная поездка, и не одного года, а нескольких лет...

Одно ясно каждому, кто попадает на Щугор, — это заповедный край первозданной северной природы. Никаких порубок и сплава по Щугору, а также Подчерему, верхнему Илычу, Большой Сыне не ведется. Эти реки особенно охраняются, как величайшая ценность Печоры: в них нерестится семга. Они объявлены заповедными, рыбная ловля в них запрещена (туристам в виде исключения разрешен ограниченный лов хариусов).

Рыбинспекция строго охраняет богатства Щугора. Легкие алюминиевые лодки «казанки» с мотором «Вихрь» часто проносятся по реке. К нам тоже подъехал рыбинспектор посмотреть, что за люди, и, увидев, что мы варим на обед кашу из концентрата, усмехнулся:

- Что же рыбы-то не поймали?
- Не пробовали.

— Туристам можно. Хариусов на мушку. Здесь на перекате берет, попробуйте. Не сидеть же на каше!

Вечер тихий, теплый, медленно угасает солнце. Зудят ко-

¹ См. например: Г. Чернов. Туристские походы в «Печорские Альпы». М., 1965; А. Кеммерих. Северный Урал. М., 1969.

мары. Настоящая рыбацкая погодка. Разные снасти, в том числе мушки, у нас есть. Ловить надо с лодки, встав на самой быстрине. Привязываем камень к веревке вместо якоря. Отплываем к середине реки, бросаем груз. Слишком тяжела у нас лодка, и слишком сильное течение — нас сносит. Гребем к берегу, выбираем груз побольше — все равно сносит. Так и не удалось нам закрепить лодку и половить юрких щугорских хариусов, даже при милостивом разрешении рыбнадзора...

Мотор не заводится — надо возвращаться на нашу Печору. На следующий день на веслах по течению быстро спускаемся до деревни Усть-Щугор. Хорошее, привольное место здесь: деревня на крутом высоком берегу, открытый заливной луг на противоположном и сверкающий широкий плес, по которому не смешиваясь текут темные воды Печоры и светлые Щугора.

По всей береговой полосе в длинный ряд вытянулись лодки. На такой большой реке, как Печора, в разных местах они разной конструкции. В верховье, в Якше, это были большие осиновки с нашивными бортами. В Усть-Щугоре и соседних местах лодки дощатые, не похожие ни на осиновку, ни на простую килевую лодку. Как раз тут же на берегу один из местных жителей делает для себя лодку, и можно понять ее простую, выработанную вековой практикой конструкцию. Форштевень, как обычно, делается из цельной еловой кокоры, шпангоуты напоминают увеличенные в размере байдарочные, так что дно лодки получается почти плоское, борта же низкие, прямые (то есть перпендикулярно к плоскости воды), корма тоже низкая, с креплением для мотора, а нос высоко задран, как у древней ладьи. Щугорские лодки отличаются красивыми обводами, то есть рисунком своего профиля. На иных лодках к днищу крепится так называемая лыжа — доска под кормой, которая предохраняет винт мотора от удара при наезде на камень. К числу достоинств этих лодок относятся их высокая грузоподъемность — пятьсот и более килограммов — и легкость на ходу.

В большой деревне у реки всегда много народа, и, конечно, у нашего мотора собирается целая группа консультантов. То один, то другой подойдет, посмотрит, посоветует, подергает и поедет по своим делам. Помогает нам и добрый человек шкипер Гриша. Наконец подъехал в лодке Генка Мезенцев.

— Ладно, — сказал он, — сейчас скажу домой и ваш мотор наложу.

Он вскоре вернулся без всякого инструмента, неся в руке простой шнур. Он наложил шнур на стартер, дернул — и мотор завелся, будто и не думал портиться.

Долго еще провожает нас прозрачная вода Щугора, что, постепенно темнея, идет вдоль правого берега почти до Усть-Соплеска.

Немного ниже Усть-Щугора, на правом берегу, начинается дорога — здесь и была «пристань Сибирякова» на Печоре, откуда шел зимний тракт, лесом, по льду Щугора, по речным долинам и взгорьям за Уральский Камень.

Идем мимо красивых обрывистых берегов с елями, вцепившимися в расщелины скал. Так же как и в верховье, река здесь (на участке Кырта — Усть-Воя) проходит в «лесной трубе». Как везде на судоходной Печоре, с первозданностью берегов контрастирует оживленная жизнь на реке. Встречаются новые баржи с грузом труб: Печора этого года работает на Вуктыл.

За новым поворотом на высоком песчаном левом берегу возникают дома Усть-Соплеска — большого леспромхозовского поселка. Боны перегородили реку, оставив узкий проход для судов, — здесь сплавучасток, несколько катеров стоят у берега. Берег весь в родничках, они выбиваются из-под обрыва и по галечнику сбегают в Печору.

За Соплеском нам встречается домик бакенщика, на нем цифры: «1000». Вот сколько нам еще остается проплыть! Еще только сделана третья путь. Река не дает остановиться, она влечет все дальше, продолжая свой тысячекилометровый рассказ.

Где-то здесь, выше Усть-Вои, как уже говорилось, проектируется одна из перемычек, которая повернет в будущем воды Печоры вспять. Плотина упрется одним концом в высокий берег, а другим уйдет по низкому берегу к синеющим вдали холмам. Но как это будет, в этом ли именно месте или в другом, трудно сказать... Пока же здесь нетревожимая лесная тишина, высокие сосны, река, сжатая высокими холмами, ее седые воды, по-прежнему бегущие в океан...

Усть-Воя, как и все поселения на Печоре, стоит на высоком коренном берегу, но под берегом так мелко, что едва удается протащить лодку. Чтобы разгрузить баржу, гусеничный трактор с прицепом идет прямо по воде. Дебаркадер стоит на некотором удалении от берега, так что пассажиров приходится доставлять на лодках.

В Усть-Вое, в четырех километрах от деревни, вверх по ручью Воя до недавнего времени находилась фабрика точиль-

ных камней. Добыча точильного, или брусянного, камня велась здесь с давних времен, раньше этим промыслом занимались жители близлежащих деревень. Камень добывали на Брусяной горе, сложенной из мелкозернистых битуминозных песчаников. Даже в старые времена при бездорожье точильный камень вывозился отсюда чердынцами далеко за пределы Печоры. Но старые месторождения уже выработаны, и фабрика точильных изделий ныне закрыта. На берегу, где некогда помешался склад фабрики, остались отходы, и среди них можно отыскать черный с блестками осколок точильного круга.

Печора, или нам это только кажется, понемногу набирает ширь. Она, конечно, и так была достаточно широка — до километра, но что это за ширина для такой реки! Все еще сдерживают ее ширь, скрывают ее дали высокие лесистые берега. То поднимется берег правый, то левый. Увидишь небольшой лужок, стог, избушку. Кто здесь живет? Пастухи, косари? Дальше штабеля бревен, точнее сказать, сортимент, уложенный в штабеля на нижнем склоне лесопункта. Еще дальше симпатичная маленькая деревня Корольки. А мотор гудит, работает на совесть, разменивая оставшуюся там тысячу...

От села Даниловки, за островом, начинается широкая Печора. Она и на карте отсюда изображается уже не узенькой ниточкой, а голубой лентой, и сама река принимает тот вид, который будет иметь до самых низовий: просторные плесы, острова, шары, песчаные косы. Появились луговые зеленые острова, заводи с нависшими над водой кустами, распахнулась речная даль.

Мы плывем уже день и другой в самую разную погоду — то солнце, то дождь, то ветер, плывем, как обычно в пути, пытаясь кое-как, наспех, не беспокоясь о ночлеге: на реке не пропадешь.

Если ты плывешь по реке своим ходом, подружись с речниками. Лучшими твоими друзьями будут бакенщики и шкиперы дебаркадеров. Они никогда не откажут в гостеприимстве, от них узнаешь много полезного. Например, о речной обстановке: что створы бывают перевальные, линейные, щелевые и створы-тройники, а бакены — красные, белые и пестрые, что плесы проходят по створам, а перекаты — по вешкам, что, следуя по течению, справа будет красная, а слева — белая вешка, что глубина под вешкой не меньше чем метр десять, что на перекатах волна невелика, а на ямах играют «барабашки».

И конечно, познакомишься с разными интересными людьми.

В Усть-Щугоре на дебаркадере шкипером Гриша, плотный, малорослый мужичок. Этот всю Печору знает, везде побывал. Он и на пароходах плавал, и в рыбаках был, и в экспедициях работал, и на лесоповале. Жизнь у него кочевая, бездомовая — сегодня здесь, завтра там.

Александр Попов, высокий старик с рыжеватой бородой патриарха — шкипер дебаркадера «Приуральское», что на даниловском плесе, — иной человек. Он местный, из соседней деревни. Как и все шкипера, он чрезвычайно словоохотлив.

— Что же, ваша пристань называется «Приуральское», а Урала не видно? — спрашиваем мы.

— Облака сегодня мешают. Видишь, как ветер разошелся, какую волну раскатал! Тут у нас ничего, а вот там, за перекатом, будет Залазная яма, там волна знаешь какая! Потом у Аранца будет яма, у Медвежской — яма... Печора от нас пошла широкая, теперь вам спокойной воды не видать! Сидите, глядишь, уляжется ветер. А я вам пока сказку расскажу.

Сидим, пьем чай. У ног деда прыгает веселый вислоухий щенок. Шкиперу в его одиноком быту с собачонкой все веселее. Стоит дебаркадер в удалении от поселка, пассажиры пришли, ушли, и снова один...

Как ни хорошо сидеть за чайком и душевным разговором, а плыть надо. На то мы и дорожные люди: вроде бы никто нас не подгоняет, сама дорога зовет и в ветер и в дождь.

Плес раскатался, идет крутая волна с «барабашком». Холодный, северный ветер разнес облака, снова солнце, где-то справа должен быть виден Урал, но нам пока не до него: нас подбрасывает и качает. Везде отмели, пески, и под берег не уйдешь. Где какая яма, не разберешь: вся река разгулялась, разбушевалась.

Все-таки под деревней Аранец, где высокий берег загородил ветер, нам удается причалить. Отсюда самый ближний путь к Приполярному Уралу, к горе Сабле (тысяча четыреста двадцать пять метров) — пятьдесят километров по охотничей тропе. Но где же эта Сабля? По небу несутся кучевые облака, сваливаясь к линии горизонта. Мы всматриваемся в синеющую даль лесов и наконец догадываемся, что то, что казалось нам грядой облаков на горизонте, и есть дальние очертания горной цепи. Она встает над зубчиками леса, длинная синеющая гряда с белыми пятнами снега в расщелинах. Над горами нависли облака.

Таинственные древние «горы Рифейские»... Жаль, что нам не побывать там, куда ведет охотничья тропа, как и в «Печорских Альпах», как у каменных «болванов», как и во мно-

гих других местах: сама Печора проста и открыта взору, а край Печорский слишком велик и необъятен...

Да, конечно, есть своя польза плыть в лодке, когда каждую речную волну ощущаешь «нутром» и сам заботишься о своем курсе. Тут ты постигаешь, что путешествие по реке не только удовольствие, но и труд. Просто бы, казалось, пристать в любом месте (ну ее, эту волну!), зайти в тихую курью под кусты, закинуть удочку, можно даже позагорать, а никак не отпускает река, не дает отдыха. Раз уж ты выехал на плес, то и держись створа, и пусть волны кидают лодку и заплескивают — знай держи встречь волне и не сворачивай, и не думай о спасительном береге: к нему уже не подойдешь так просто, придется встать «лагом» к волне, а это может привести к тому, что моряки называют оверкиль — слово, не требующее перевода...

Проходят плесы один за другим, то более тихие, если река в этом месте закрыта от ветра высоким берегом, то бурные, сердитые, вспененные «барашками». Минуем деревню Конецбор. Действительно, здесь на берегу стоит хороший сосновый бор, который кончается за деревней. Это, конечно, не значит, что ниже уже не будет сосновых боров. Леса по берегам Печоры преимущественно еловые, но и сосновые боры украшают ее в верхнем и среднем течении, встречаются они и в низовье, под Усть-Цильмой, в районе крайнесеверной тайги.

Следующая деревня называется Кедровый Шор («шор» — по-коми ручей, так же как «ю» — река, «ель» — речка). Говорят, что по ручью, который впадает в Печору, растут кедры. Вот для кедра здесь, действительно, северная граница распространения.

Справа и слева вдоль низких берегов золотятся песчаные косы. Песчаные мели выступают посреди реки. Работает земснаряд. Под деревней Медвежской самый сложный фарватер, вешками обозначен узкий проход. Обгоняя нас, в этот проход входит самоходная баржа, и мы уже не знаем, куда деваться от атакующих волн. Тут некогда думать о том, что снова залило вещи, теперь главная забота — одному крепко держать руль наперекор волне, а другому отчирпывать котелком воду. И только когда чуточку поутихло, можно оглянуться и заметить, что все еще виден синий силуэт Уральских гор, а избы деревни Медвежской выстроились в ряд по высокому берегу, живописно спадающему крутым зеленым склоном к реке.

Весь день качают нас волны реки и волны проходящих судов. В последний раз ветер набросился на реку под Бызовой, взлохматил воду, забрызгал лодку и как-то вдруг утих, осел,

волна перешла в рябь, и плесы в лучах заходящего солнца засверкали литым серебром.

Бызовая известна на Печоре тем, что здесь обнаружена стоянка первобытного человека, жившего сорок тысяч лет до нашей эры,— самая северная стоянка из всех известных науке. Здесь, в районе Бызовой, много озер, болот, сюда выезжают жители города Печоры на охоту, рыбалку.

Совсем недалеко осталось до города — двадцать пять километров. Теперь мы знаем, что сегодня дойдем туда. Ощущается близость крупного населенного пункта: вечер сегодня субботний, и движение по реке, как на хорошем шоссе. Особенно много моторок и любительских катеров: люди едут в лес, на рыбалку. И близость промышленного центра ощущима — все больше попадается плотов, а вот запань, сплоточный рейд, брандвахта. Это леспромхозовский поселок Красный Яг («яг» — по-коми бор). И действительно, лес здесь везде: в штабелях по всему берегу и в плотах на воде.

Впереди широкие дали: пески, острова, луга, кусты, леса. Просторно распахнулась Печора, и, кажется, можно затеряться в ее далях. Но простор этот обжитой, освоенный. На низком правом берегу стоит буровая, вот еще одна — буровые Печорогородского месторождения природного газа.

Уже зажглись огни речной обстановки, но сумерки еще не глубокие, прозрачные. И как приятно, какая это награда после целого дня утомительного пути, выйдя из-за последнего поворота реки, увидеть впереди по всей излучине правого берега гирлянду огней и затем юлить между катерами и баржами, бесконечно снующими между печенским плесом и затоном, и, наконец, причалить к дебаркадеру, привязать лодку у трапа и завалиться спать в комнате отдыха на пристани.

ГОРОД ИМЕНИ РЕКИ

Пробуждение после бодрого, хорошего дня пути особенно приятно. Еще в полусне доносятся до тебя гудки судов, голоса людей, слышишь, как теплоход подходит к причалу и мягко толкает в кранцы. Погода солнечная, безветренная и, просто сказать, жаркая — те немногие золотые дни, которые выдаются и на севере.

И северяне спешат ими воспользоваться. Они заполняют прогулочные катера, лодки, идут на пляж. Мы смотрим, поднявшись на Канинский бугор, как спортсмен гоняет по печенскому плесу на водных лыжах за быстроходным катером.

А река в голубом мареве теряется вдали — оттуда мы пришли, и совсем она казалась там другой, суровой, озабоченной, а здесь... Нет, право, какой это Север!

Город такой же, как многие приречные города, далеко вытянувшийся вдоль речной излучины. Асфальтированные улицы, каменные дома, газоны. На главных улицах оживленно, люди ходят по-воскресному принаряженные. Все так, как везде: и кинотеатр «Космос», и кафе «Молодежное».

Он уже давно обжился, этот молодой город, носящий имя реки. Обычно на Севере города, носящие имена рек, располагаются в устьях: Кемь, Онега, Мезень — так велось исстари (исключение составлял Архангельск, названный вначале Ноными Холмогорами и позже получивший свое название от стоявшего в устье Двины монастыря Михаила Архангела). С Печорой было по-иному.

В 1942 году, как уже упоминалось, была построена Печорская железная дорога. О небывалых трудностях проведения этой дороги в самые тяжелые первые годы войны можно не писать. Понятно и военно-экономическое значение пути к природным богатствам Печорского края — нефти, углю, лесу.

Первоначально через Печору был наведен временный деревянный железнодорожный мост, а у пересечения реки с железной дорогой возникла маленькая станция, которая и была названа именем реки. При станции, как обычно, вырос поселок железнодорожников. Поселок же речников, расположенный в шести километрах от железной дороги на высоком сосновом берегу, получил название Канин. Вскоре оба этих поселка административно соединились в один город Печору. Традиционное разделение города на две части продолжает сохраняться и сейчас: в канинской части вам будут встречаться люди в фуражках с «крабом», в привокзальной — в кителях железнодорожников. С каждым годом обе части города, соединенные автобусными маршрутами, движутся навстречу друг другу.

Так город в среднем течении реки получил ее имя. Железная дорога рассекла судоходную Печору примерно пополам. До выхода в море от города Печоры около восьмисот восемидесяти километров. Если по старому географическому делению Печора разделялась на верхнюю — от истоков до Троицко-Печорска, среднюю — от Троицко-Печорска до Кожвы (немного ниже города Печоры), а по другим источникам, до Усть-Усы и нижнюю — от Кожвы (или Усть-Усы) до моря, то железная дорога просто поделила реку на верхнюю и нижнюю без всяких средних частей.

Значение города в среднем течении то же, что у города в устье,— перевалочный пункт. Прежде всего лес. На противоположном берегу находится одна из крупнейших на Севере лесоперевалочных баз — Саратовка. В самом городе Печоре работают деревообрабатывающий комбинат, мебельная фабрика. Между прочим, Печора поставляет значительную часть крепежного леса для угольных шахт Донбасса.

Здесь же воркутинский и интинский уголь перегружается с платформ на баржи, а ухтинская нефть и нефтепродукты переливаются в танкеры. Теперь, когда и на берегах Печоры открыты нефть и газоконденсат, предполагается создать в городе нефтеперерабатывающие предприятия.

Печора принимает грузы из центральных и южных областей: промышленное оборудование, продукты питания, в том числе хлеб, фрукты, овощи. Север отдает то, чем он богат, и получает то, в чем он нуждается.

В Печоре находится и центр Печорского речного пароходства. Все движение пассажирских и грузовых судов по большой реке и ее притокам направляется отсюда. Здесь помимо пристани и портовых сооружений затон, ремонтно-эксплуатационная база.

После сел и поселков верховья и среднего течения он кажется большим, этот один из двух городов на реке (второй — Нарьян-Мар). Да он и есть столица Печоры! Конечно, по современным масштабам он не столь уж велик — около сорока тысяч населения. Может быть, это и немного, но ведь примерно столько же до революции было жителей во всем Печорском крае.

Обычно, говоря о сегодняшнем дне наших городов, сравнивают с их жизнью в прошлом. Печору и сравнивать не с чем, как и другие новые города, возникшие в послевоенный период. Прежде было примечательное место на реке — Канин Нос — высокий берег, поросший красивым сосновым бором, который невольно привлекал внимание всех, проплывавших мимо. Знаток Печорского края геолог Г. А. Чернов, открывший воркутинские угли и большеземельскую нефть, рассказывает, вспоминая сравнительно недавнее прошлое: «Печора — благоустроенный город. А раньше на этом месте была высокая песчаная терраса, поросшая строевым сосновым лесом, где зимой паслись олени, добывая себе копытами из-под снега ягель, а летом было много дичи. Вот так за какие-нибудь два-три десятка лет неизвестно изменился Печорский край».

Ныне от старого бора остались только отдельные сосны,

стоящие возле новых домов. И теперь трудно вообразить, что совсем недавно города здесь не было. Мы настолько привыкли к новостройкам в северной тайге и в среднеазиатской пустыне, что они нас уже не удивляют. Никого не удивит теперь современное, из стекла и бетона, типовое здание аэропокзала, как и то, что отсюда в Москву вместо тридцати часов на скором поезде можно попасть за три часа на самолете. Никого не удивят новые здания гостиниц и домов культуры. Никого не удивят улицы новых домов и современная типовая планировка квартир. Крупнопанельных домов тут не строят, дома кирпичные и стены толстые: как-никак зимой термометр показывает до минус пятидесяти. Правда, еще на кухнях стоят дровяные плиты, а не газовые, как привыкли жители Центра. Но и это, пожалуй, последнее бытовое неудобство ныне изживается. Возле города найден газ. Выше и ниже города не зря стоят буро-вые — это Печорогородское и Печорокожвинское месторождения. Газ уже получили некоторые кварталы города, и в первую очередь те, кто его нашел, — первым был газифицирован квартал геологов.

Мы побывали в этом квартале и видели простой и о многом говорящий монумент — макет буровой вышки на постаменте примерно в десятую долю величины. Буровая для Печоры — символ огромного труда, вложенного в дело освоения северного края, достойный памятник делу десятков тысяч людей.

Есть в городе Печоре еще один памятник. Стоит он на самом откосе над рекой у спуска к пристани. Это памятник Владимиру Александровичу Русанову. Полярный исследователь изображен стоящим в лодке, глядя вдаль, рядом с ним его проводник-коми.

Мы уже упоминали о Русанове и его изысканиях на чердынском волоке. Но не только в этом его заслуга перед Коми краем. Находясь здесь в ссылке, Русанов занимался географией и этнографией края. Он писал в начале века, что даже Северный Ледовитый океан лучше исследован, чем северо-восток Европейского континента. На материалах поездок по Вычегодскому и Ижемско-Печорскому краям им был написан очерк «Зыряне» — о народности, о которой прежде и знали только по стихам Фета, что «к зырянам Тютчев не придет». Русанов с большой теплотой писал о коми, рисуя картины их жизни и быта: «...несмотря на суровость северной природы, зырянин сумел завоевать себе сравнительно высокий культурный уровень жизни. Да это и понятно — ведь ему приходилось бороть-

ся только с природой: он никогда не чувствовал над собой ужасов и последствий крепостного права, а грубым придиркам бюрократии, и особенно полицейской бюрократии, он всегда с успехом противопоставлял свое несокрушимое упорство и вместе с тем свою обычную сдержанность». Русанов интересовался экономическими проблемами, которые возникли вместе с развитием капиталистических отношений в прежде патриархальной коми деревне.

Еще более известно имя Русанова в истории освоения Арктики. Русанов принимал участие в шести арктических экспедициях. Особенно значительны его заслуги в изучении Новой Земли, этому были посвящены первые пять его экспедиций. Им были обследованы все берега острова, в том числе наименее доступный северо-восточный берег, сделан ряд географических и геологических открытий. Но главная мечта Русанова — проложить Северный морской путь. Он был настолько убежден, даже предубежден, в его экономическом значении для государства, что готов был доказывать невыгодность железных дорог для северного края. В 1912 году Русанов вышел в высокие широты на судне «Геркулес». Экспедиция побывала на Шпицбергене, где обследовала месторождения угля, а затем направилась на исследование Северного морского пути и пропала без вести. Газеты того времени много писали о трагической судьбе экспедиции Русанова, о том, что вместе с ним погибла его невеста, отважная француженка... Лишь спустя с лишком двадцать лет были найдены следы пропавшей экспедиции. Среди немногих обнаруженных вещей был и блокнот, на листке которого значилось: «В. А. Русанов. К вопросу о Северном пути через Сибирское море» — название задуманной статьи...

Почему же памятник В. А. Русанову стоит в Печоре? Когда-то, в 1903 году, он проплывал по этим местам. Стоя на противоположном берегу, Русанов записал в своем дневнике: «Придет время, когда на том берегу Печоры будет построен город». Печорцы почтили память отважного русского путешественника.

Мы стоим на канинском откосе и любуемся Печорой. Не затихает беспокойная речная жизнь. К пристани, от пристани идут люди, гудят сирены теплоходов — одни приходят, другие уходят. Отсюда начинается третья пассажирская транзитная линия по реке — на этот раз до «самого конца», до Нарьян-Мара.

Да, казалось бы, нет ничего проще и приятнее, чем плыть

по реке, и Печора вполне доступна, но не так прост путь по ней, и мы это ощутили. Такая река она — трудная. Трудная в постижении своем. Потому что она — река открытый, и каждое место на ее берегах содержит рассказ о своем, примечательном.

Далек еще путь: полреки лишь пройдено. И властный призыв «В дорогу!» не потерял для нас значения. Дорога зовет навстречу новому. Голубой свиток, окончив часть своего рассказа, разворачивается дальше.

МАТУШКА-ПЕЧОРА

(Нижнее течение)

Ты, Печора, ты, Печорा,
Золотые бережка...

Народная песня

В 1838 году два художника, братья Чернецовы, путешествовали в лодке по Волге. Они плыли вниз и рисовали панораму берегов. Если все их рисунки разложить в один ряд, получится полоса в несколько сот метров. В то время фотография только еще зародилась и называлась дагерротипией. Художники проделали трудную работу, которую в наши дни легко заменят фотоаппарат, не говоря о киноаппарате. Конечно, труд их не пропал даром: благодаря им мы можем представить, как выглядела великая русская река сто с лишним лет назад.

Ну а если сейчас плыть по какой-либо реке и без конца фотографировать сменяющиеся берега и потом разложить снимки в последовательности, то что выйдет? Будет скучно, потеряется самое интересное и характерное. Получится натурализм, в то время как реализм требует отбора и художественного обобщения.

Путешественник находится в аналогичном положении. Стремясь заносить в записную книжку все, вплоть до мелочей. Потом, когда начинаешь описывать пройденный путь, очень хочется, чтобы читатель увидел все то, что видел и ты,— все эти берега в их непрерывности, встреченных людей, слышал их голоса, иначе говоря, чтобы он во всем сопутствовал с тобой. И понимаешь, что, как ни старайся, полностью этого никогда не добьешься. Книга читается быстро, а путешествие длится долго, обо всем невозможно рассказать — о том, что каждый день заполняло твою жизнь, о всех этапах пути. Оглядываясь назад, я вижу, как многое из пройденной половины пути осталось мной, нет, не забытым, просто опущенным по все тем же соображениям отбора. Я не рассказал о многих своих печорских друзьях и встречах. Не рассказал об Андрее и Коле, с которыми жил в Якше, а ведь ребята заслуживают этого: вчерашние десятиклассники, будущие биологи, юные романтики ринулись на свой страх и риск на далекую Печору, чтобы только побывать в заповеднике. Не рассказал о Вадиме Демидове, молодом специалисте, враче, направленном в Троицко-Печорск. Вот и адрес в записной книжке, написанный его рукой, с припиской: «Романтик без квартиры». Ни о Коле Рубине из города Печоры, с которым мы ездили на рыбалку,— перед всеми я чувствую себя в неоплатном долгу. И перед своим другом Алексеем я в долгу: разве перескажешь все перипетии нашего путешествия, где он принимал равное участие, неизменный соавтор моего рассказа? Нет, нельзя объять необъятного!..

Впереди нас снова ждет Печора. И выясняется, что лодка — далеко не лучший вид транспорта, когда впереди еще восемьсот с лишним километров. Свои преимущества в лодочном походе есть, но не по большой реке, а после качки на последнем переходе и вовсе в них начинаешь сомневаться, да и время подгоняет. В общем минусы перевешивают и с лодкой надо расставаться.

— Не-е, парни, у нас вы лодку не продадите, — говорят нам на пристани в Печоре. — Моторчик слабоват. «Казанку» да с «Вихрем» — вот, что нам надо. У нас город — на рыбалку, за ягодой, чтобы подальше съездить в выходной, скорость нужна. Вот в деревне, там ваш мотор возьмут. А чего? Не хотите своим ходом, попроситесь на баржу. Да вон как раз «Паром» стоит, вроде бы вниз идет. Попроситесь, они возьмут.

Таким образом мы снова сменили вид транспорта и вместе с лодкой оказались на борту грузового судна «Паром-1», идущего вниз с грузом кирпича и соли.

— А не надоест вам с нами? — смеются ребята с «Парома». — Мы идем тихо.

— Тише едешь — дальше будешь!

Вся река, оба берега в бесчисленной иллюминации огней, вода пестрит их отражениями. С проходящих судов доносится музыка. Оживленная, праздничная Печора в этот тихий теплый летний вечер.

А за железнодорожным мостом нас встречают ночь, звездное небо и притихшая река. Только мигают по плесу огоньки бакенов и светят дальние створы. Среди черных берегов в гирляндах огней с красными точечками на вершине огромными стальными елями стоят буровые — те, что дали газ городу.

«Паром» действительно идет медленно, со скоростью нашего «Ветерка», но и груза он везет много: кирпича хватит на одноэтажный дом с трубой, а соли — уж и не знаю, на какое количество рыбы. Так или иначе, мы движемся вперед.

Команда на «Пароме» — всего четыре человека, включая капитана Валентина Каюшева. И как везде на Печоре, народ молодой — такая уж это река, древняя в своей истории, молодая в своей современности. Одному лишь механику Толе, «деду», за тридцать. Пятый член экипажа — маленькая судовая собачка Белка, общая любимица. Все, как и должно быть на судне. «Паром» не предназначен совершать дальних рейсов, всего километров на двести. Только что доставлял груз в Вуктыл, сейчас развозит груз по селам до Щельябожка. Так

всю навигацию вверх-вниз. И работу свою ребята выполняют исправно. Показывают нам многотиражку: их судно среди грузовых судов на первом месте.

Народ молодой, и разговоры у нас о спорте. Пьем чай. Помощник капитана Саша достает из чемодана яблоки. На другой реке об этом не стоило бы упоминать, но на Печоре угощать яблоками, которые прислали родственники с Украины,— свидетельство особого дружеского расположения. Потом капитан надевает тулуп, зимнюю шапку, валенки и идет на вахту. Одевается тепло потому, что вахту стоят с поднятым стеклом, чтобы в ночное время не очень хотелось спать.

Утром разгружаемся у первой пристани Соколово и идем дальше. Картина типичная для нижней Печоры: песчаные, низкие берега. Повысился берег, поднялся горкой — значит, деревня, а за ней опять горка снизилась, начался луг. Но луга здесь не такие, как на Волге и даже на Двине: нет открытого лугового простора — кусты, березы, ели.

Кругом пески, кругом золотится — отмель блестит, островорок песчаный. До чего же огромные, на несколько километров, пляжи вдоль низких берегов! Да, права народная песня: в золотых берегах течет Печора, и не только в переносном смысле.

Прихотливо виляет фарватер. Стоишь в рубке рядом с вахтенным, листаешь том речной лоции — почти на каждой странице исправления: каждый год меняется фарватер. По лоции хорошо смотреть за рекой. Вот шар тянется среди бескрайних песков. Куда шире он самой Печоры, но туда и лодке не войти. А мы плывем вот здесь, у лугового обрывистого берега, где стоят березы. Крайние деревья свалились в воду: подмыла берег река. Здесь курья отошла — самое рыбакское место. Тут ручеек впадает. Простору много, места кругом необъятные.

Но это только внешнее впечатление, и необъятность отнюдь не всегда означает привольность. Да, Печора широка и порой под стать самой Волге, но, как обманчива ее ширина, так обманчивы и ее просторы. Простор — это только речная долина, сама река, привольные плесы. А дальше — дальше идут места не всегда приветливые. Если вы летите на самолете над Печорой к северу от железной дороги, вы и сверху изумитесь широтой и величеством реки, но заметите, что зеленые леса идут лишь узкой полоской вдоль берегов. Дальше желтые, бурые пятна болот...

Вот здесь, по правому берегу, между реками Большой Вяткиной и Усой тянутся болота Усванюр. Если смотреть с само-

лета — внизу сплошь вода среди ржавых мхов. Озера большие и малые, тесно примыкая одно к другому, занимают все пространство. Огромное болотное море. С чем его сравнить? С дождевым ливнем, после которого в низменной местности остается лужа на луже. Вернее, с потопом, обрушившимся на здешние места, когда вода чуть спала, но за много дней все отсырело и не может просохнуть. Это край бесчисленных озер. Вода здесь черная, мертвая, нет в ней рыбы, не садятся на мрачную гладь утиные стаи. Может быть, где-нибудь по сухим колкам пасутся нетревожимые гуси. Непроходимые места, настоящая болотная пустыня.

Совсем иная она, чем среднерусские реки, эта «северная Волга».

Таков уж северный край. Вся жизнь здесь по берегам рек, вне водной сети нет жилья: по большим рекам — города, села, поселки, по малым — небольшие деревни, а по глухим речкам и ручьям — только охотничьи избушки. Реки здесь — в полном смысле слова артерии живого организма. Они — краса Севера, они вносят разнообразие и привлекательность в его суровый вид.

Так плывем мы вдоль низменных и материковых берегов Печоры. Действительно,тише едешь — дальше будешь, до Усть-Усы сегодня доберемся. Ребята хорошие, а ехать по такой реке, как Печора, никогда не скучно. Пока «Паром» стоит под разгрузкой, можно половить хариусов на «кораблик» у пристани Усть-Лыжи. Хариусы на лыжском перекате берут не плохо, и мы частично возместили свои щугорские неудачи. А уж если этих хариусов приготовить в скоросоле — положить в крепкий рассол минут на пятнадцать, — лучшей закуски, кажется, и не придумать...

Сколько ни смотри на Печору — не налюбуешься ее просторами. Весь день стояла погода переменчивая, ветреная — то солнечно, то облачно. Вечером стихло, зазолотились плесы среди зачарованных пустынных берегов.

В полночь мы подошли к Усть-Усе. Перед нами был огромной высоты берег, на вершине которого горели огоньки. Здесь мы сгрузили лодку и расстались с ребятами.

— Едем дальше, — предлагаю они.

— С вами бы до Нарьян-Мара!

— Приезжайте еще!

Было поздно идти в село. Мы привязали лодку к трапу дебаркадера, а сами с комфортом расположились на скамейках в пустой «дежурке».

Хотя у нас и есть зарок — не отвлекаться притоками, нам снова пришлось (и еще придется) его нарушить. Приехать в Усть-Усу и не побывать на самой Усе, к тому же имея свою лодку, невозможно.

Река Уса — шестьсот семьдесят семь километров — самый большой приток Печоры: вместе с притоками на ее долю приходится третья часть бассейна. Если саму Печору называют северной Волгой, то Усу следовало бы назвать северной Окой. Две могучие реки сошлись здесь, на огромном плесе, и не поймешь, где какая. Одна течет из тайги, другая из тундры. Между прочим, поэтому в низовьях Печоры бывает два ледохода: сначала пройдет печорский лед, а недели через две — усинский.

Правый берег, на котором стоит Усть-Уса, здесь, в месте слияния двух сестер-богатырьш, самый высокий и, пожалуй, самый замечательный.

Посмотришь от пристани вверх: до чего же высоко дома забрались! Подниматься туда по лестнице, да если с вещами, совсем не просто, поэтому сделаны площадки со скамеечками для отдыха. Всего в этой лестнице (их здесь несколько) я насчитал двести двадцать две ступеньки, а начинается она не от самой воды.

Поднимешься — и охватит тебя восторженное ощущение шири. Вот это высота так высота, вот это простор так простор! Будто с самолета смотришь. Ходишь по берегу и все никак не можешь налюбоваться открывшимися далями.

Прямо перед нами — Печора среди золотых песков, куда более скромная, чем Уса в своем устье. Голубеют полоски шаров и стариц, кустарник низменного берега уходит далеко к синеющему лесу. Внизу по прибрежной полосе движутся крохотные фигурки людей возле катеров и лодок, стоящих под берегом. Спускаются вниз по откосу многоступенчатые лестницы. К грузовой пристани проложены рельсы, нечто вроде фуникулера, по ним тележка на лебедке поднимает груз.

Слившись с Усой, Печора уходит двумя шарами вдоль песчаного острова, теряясь вдали. На ней все время движение: буксир ведет плот вниз, еле движется, самоходка вышла из-за поворота, она отсюда как щепка, а моторная лодка вовсе зернышко.

Мы дошли до самой высокой точки печорского берега — старого кладбища на песках и повернули назад по улицам поселка. Собственно, Усть-Уса — село, но дома в ней двухэтаж-

ные, по виду не село, а небольшой северный городок с дощатыми тротуарами. Старые дома стоят по усинскому берегу. Тут еще сохранились пятистенные избы, вросшие в землю по окна. Любопытно, в окне одного из таких домов я увидел женщину, разговаривавшую по белому «тесловскому» телефону,— так причудливо порой переплетается со старым.

Сейчас в Усть-Усе животноводческий совхоз. Население — около трех тысяч человек.

Облик поселка старое село коми приобрело в 30-е годы, когда Усть-Уса была центром Печорского округа. В те годы по реке Усе шел водный путь к угольным шахтам Воркуты (река Воркута — приток Усы). Здесь была крупнейшая на Печоре пристань. До сих пор на высоком берегу стоит, ныне заколоченное и полусгнившее, деревянное здание старого речного вокзала, спроектированное столичным архитектором. В те же 30-е годы в Усть-Усе был построен консервный завод по переработке мяса куропаток, которых обильно поставляла тундра.

Путешественник 30-х годов журналист В. Кантарович, поднявшийся вверх по Усе до самой Воркуты, оставил любопытные картины тех дней, когда только начиналось освоение богатств Печорского угольного бассейна (мы уже упоминали его книгу «Большая Печора»). В то время (1932 г.) на Воркуте была заложена первая угольная шахта, среди тундры возник палаточный городок изыскателей. По Усе вверх поднимались караваны барж, а не так просто было преодолеть им мелководную реку. Судам приходилось неделями ждать, пока после дождей в верховье поднимется уровень реки, и снова продвигаться вперед. За деревней Абезь начинались пороги. Дальше груз везли на каюках — больших лодках, которые против течения бечевой тянули на лошадях. К руднику на Воркуте не было дорог, кроме тропок среди тундриных болот, в которых лошадь проваливалась по брюхо.

Но работа шла. На Усе, Воркуте работали десятки экспедиций, изучавших угольные месторождения, возможности проведения путей сообщения и строительства в условиях вечной мерзлоты.

Открытие углей в бассейне реки Усы не произошло внезапно. Сведения о них приносили коми охотники. С 1921 года на Усе и ее притоках — Кожиме, Косью, Большой Сыне, Большой Инте, Адзьве — работала экспедиция А. А. Чернова-отца. Им были обнаружены пласты углей разной мощности и разного качества, но в основном уголь бурый, некоксующийся. Дело А. А. Чернова продолжил Чернов-сын. Г. А. Чернов поднялся еще выше по Усе и на ее притоке Воркуте, примерно в ста ки-

лометрах от устья, в срезе обрывистого берега реки увидел открыто выступающий угольный пласт. Дальнейшая разведка определила запасы угля в миллионы тонн, а также высокое качество воркутинских коксующихся углей.

С этого начинается новая жизнь безлюдного края, куда прежде заходили лишь редкие охотники. Уже в 1934 году на Воркуте был поднят на-гора первый уголь. Вслед за Воркутой началось освоение угольных месторождений Инты, которую сейчас называют младшей сестрой Воркуты. В начале 1942 года с Воркуты по железной дороге, построенной тогда, как говорится, на живую нитку, пошли первые эшелоны с углем. В 1943 году поселок Воркута был официально преобразован в город.

Ныне Воркута — город республиканского подчинения. Как и Ухтой, городом этим гордятся в Коми АССР. Бряд ли надо говорить, что это благоустроенный город в советском Заполярье, что здесь есть все, что и должно быть в каждом крупном промышленном центре,— прямые проспекты, добротные дома, дворцы культуры, спорта, телецентр. («Вот только зелени у нас маловато: тундра. Да еще зимой выюги изрядные — улицы переметает чуть не до второго этажа»,— рассказывали мне воркутинцы.)

Воркута — центр Печорского угольного бассейна. Угольная разведка идет отсюда дальше на север, северо-восток, открывая новые богатства края. В городе находится Печорский научно-исследовательский институт. Кадры горных инженеров пополняет Воркутинский филиал Ленинградского горного института. Есть горный техникум и еще два средних специальных учебных заведения.

Как в любом городе угольщиков, здесь, в «заполярном Донбассе», возвышаются терриконы среди открытой, как степь, тундры, и уходят груженные печенским углем составы к Череповецкому металлургическому комбинату на встречу с кольской рудой...

Но ведь мы сейчас находимся на Усе, очень далеко от самой Воркуты. Почему же мы заговорили о ней? Может быть, некоторым это покажется неоправданным? В самом деле, если описывать Волгу, мы не станем говорить о Москве, которая ведь тоже находится в бассейне великой русской реки, на притоке ее младшей сестры Оки.

Все дело в том, что здесь, на Севере, в Коми, иные измерения расстояний. Мы уже говорили, что слово «Печора» — это не только река, но и целый край. Не случайно воркутинские месторождения входят в Печорский угольный бассейн.

Да и жители Припечорья называют себя печорцами. Если в поезде Москва — Воркута ваш попутчик на вопрос: «Куда едете?» — ответит: «На Печору», то это не значит вовсе, что живет он на самой Печоре, а может быть, в Инте, а может быть, и в Воркуте.

Знакомый журналист в Сыктывкаре говорил мне:

— Республика у нас — четыреста тысяч квадратных километров по площади, а население — около одного миллиона. Живем не скученно, и представление о расстоянии у нас иное. Например, я живу в Сыктывкаре, а товарищи у меня кто в Ухте — это триста пятьдесят километров по железной дороге, кто в Воркуте — еще в семистах километрах дальше. И что интересно, мы не чувствуем себя оторванными друг от друга, часто видимся, перезваниваемся, во всяком случае не реже чем ваш брат москвич...

Так говорят в республике, и Воркута, которая отстоит от Печоры на четыреста с лишним километров железнодорожного пути, не считается здесь далекой. Она тоже край Печорский.

Однако вернемся на Усу.

Пока это тихая и спокойная река. Даже моторок на ней немного — устьусинские рыбаки предпочитают рыбачить на Печоре. Раз в неделю поднимается вверх пассажирский катер километров на двести и возвращается обратно. Правда, в конце лета бывает пооживленнее: по низким берегам Усы хорошие покосы, то там, то здесь увидишь становище косарей. В сенокос низкие обрывистые берега реки (такова она внизу), и правда, напоминают среднерусскую Оку с ее спокойным раздольем, дымками костров, пряным запахом сена над лугами.

По «северной Оке» мы и отправились в последнюю прогулку на своей лодке. Погода была отличная, просторные плесы — до двух километров в ширину — лежали зеркалом, в котором отражались береговые кусты, — Уса показалась нам приветливее Печоры. Она лукаво заманивала нас, а мы не могли устоять перед ее чарами и плыли все дальше. Она обещала столько интересного: крутые песчаные откосы и луговые берега со множеством озер; деревушку Осьвань, где на перекате славно берут хариусы; заповедную речку Большую Сыню и снова «Печорские Альпы»; множество притоков на выбор — Кожим, Шарью — и везде прекрасную охоту и рыбалку и, наконец, если всего этого мало, сказочную тундру...

Она совсем вскружила нам головы, и мы плыли по ней, не замечая расстояния. На Усе и сейчас не слишком много населенных пунктов, а прежде это была и вовсе глухая река, по

которой шел один из путей в Сибирь. В конце прошлого века тут даже открыли неизвестную деревню. Жили себе люди по старинке, начальства не знали, и про них никто не знал. Называлась деревня Болбан, потому что стоял там идол, болван. Деревню переименовали в Петрунь, и под этим названием она значится на картах. А вот еще из прошлого: река Большая Роговая. Когда-то на ней стоял Роговой городок, в котором в XVII веке находился склад для запрещенных к вывозу из Сибири товаров. Интересно бы все эти места увидеть воочию...

Прошли Дибож, остановились в устье Колвы. Далеко уходит эта река в тундру, берет истоки почти у Баренцева моря. Здесь, в устье, она неширокая, над водой нависли зеленые кусты. Мы не удержались и закинули удочки.

К нам подъехал местный рыбак.

— Напрасно вы здесь... — заметил он. — У нас в реке, кроме ершей, ничего не ловится.

Покурили.

— Туристы? Мотором махнемся?

— Бери вместе с лодкой.

— Сколько хотите?

Мы сказали.

— Подъедем до Усинска, — предложил он. — Всего пять километров.

На Севере все делается как-то быстро и просто.

Так мы расстались с лодкой и заодно побывали в Усинске.

Название Усинск сейчас мало о чем говорит, но в недалеком будущем оно будет так же греметь, как название его брата Вуктыла. Пока это поселок сборных домов на правом берегу Усы, в тридцати километрах вверх от устья. Живут здесь буровики и геологи. Отсюда вертолеты доставляют оборудование на буровые Колвы и Макарихи. Здесь база поисковых работ, перевалочный пункт, а там, в тундре, идет разведка и прокладка нефтегазовых скважин. Усино-Колвинский вал считается одним из перспективнейших в Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции.

Нефтеразведка началась здесь несколько лет назад, и в 1968 году забил фонтан такой большой мощности, что стало ясно: новое месторождение не уступит нефтяным месторождениям Татарской АССР. Если Вуктыл — гигантский подземный резервуар газа, то Усинское месторождение — гигантское подземное нефтяное озеро длиной пятьдесят километров и шириной двенадцать — пятнадцать. К тому же месторождение это многопластовое — «слоеный пирог», как называют его геологи.

Но Усинским месторождением не ограничиваются богатства Усино-Колвинского вала. К северу, вверх по Колве, в глухих местах, где некогда линяли осторожные гуси, разведаны Возейское и Харьгинское месторождения, а еще севернее — Ярейюскное. Открытие нефти в Большеземельской тундре связано с деятельностью Г. А. Чернова, который вел здесь поиски, начиная с 1940 г. Месторождение оценивается как одно из богатейших, его называют «Новым Баку».

Тихая Уса, какой мы ее видели, река косарей и рыбаков, доживает последние годы. Где-то здесь, в Усинске ли, в другом ли месте, вырастет крупный нефтепромысел. Географическое положение месторождения удачное — сто километров по прямой до железной дороги (правда, серьезные помехи представляют болота), наличие печорского водного пути. Здесь решено начать со строительства дорог и города, а не с временных поселков, разбросанных в тайге. В Усинске нам попалась в руки республиканская газета «Красное знамя», в которой было опубликовано интервью министра нефтедобывающей промышленности. Министр говорил о том, что на Усе надо выбрать площадку под строительство города с таким расчетом, чтобы в ближайшие годы на ней можно было разместить город с населением не менее ста тысяч человек.

Интересно, как жизнь вносит поправки в прежние проекты. В 30-е годы предполагалось, что на месте села Усть-Усы вырастет новый город Усинск, имеющий значение крупного перевалочного пункта, что сюда подойдет линия Северной железной дороги. Но дорога к угольным месторождениям Воркуты и Инты прошла иными местами, и на реке возник город, имеющий значение перевалочного пункта, — Печора. Уса осталась в стороне. Но осталась пока. И вот новое открытие — нефть, и Уса снова возвращается к промышленной жизни.

Да, на берегах младшей сестры Печоры будет новый город. Такова уж она, Печора, — река проектов и свершений. Таков Печорский край — край преобразований.

И вот какой парадокс вы встретите на Севере. Мы остались без лодки, нам надо вернуться назад в Усть-Усу, чтобы продолжить путь, и выясняется, что сейчас туда нет попутного транспорта, зато идет самолет на Печору, летит всего час. Что ж, можно и полететь, мы тоже захвачены северным размахом, и двести километров для нас не расстояние. Мы полетели в Печору (тогда-то мы и видели сверху болота Усванюр), переночевали там и на следующий день прилетели в Усть-Усу, обогнав теплоход, который должен повезти нас дальше.

Кончилась (по крайней мере пока) наша вольная скитальческая жизнь, мы стали пассажирами.

Немноголюдно, просторно на теплоходе. И этому есть объяснение: остался позади край леспромхозов и промышленных поселков, едут в основном жители ближних сел и деревень. А те, кому ехать далеко — в Усть-Цильму, в Нарьян-Мар, — предпочитают самолет. Самолет от Печоры летит напрямую, а река делает здесь огромную трехсоткилометровую дугу. Мы бы тоже могли лететь в Усть-Цильму — следующий пункт нашего путешествия — всего два часа, а теплоходом больше суток, но нам не хочется отрываться от реки: мы уже свыклись с ней.

По печорской луке не так много населенных пунктов. Между пристанями двадцать — тридцать километров. Плывет теплоход час и другой — и все те же нескончаемые песчаные отмели, луговые кусты, глухой лес по высокому берегу. Погода все эти дни жаркая, даже — можно употребить малоподходящее для севера слово — знайная, парит, и на верхней палубе не холодно от ветерка. Дали в голубом мареве, громоздятся в небе высокие кучевые облака. Снова глушь и первозданность — печорская природа во всей красе в счастливые дни лета. Так весь день один ландшафт сменяет другой, и от избытка впечатлений все мешается в глазах и лишь три цвета остаются в памяти: голубое небо и река, зеленые берега и желтые пески.

Подходит теплоход к пристани. Где-то там, на высоком берегу, деревня, а здесь тихо, никто не сошел и не вошел, только любопытная собачонка взбежала на дебаркадер и глядит на судно. Рулевой перекинулся словом со шкипером, что, мол, у вас пассажиров нет. «А кому ездить? Сенокос», — отвечает тот, и теплоход медленно отваливает.

И снова ширь реки и три цвета в природе час и другой, снова подходим к деревне, тычимся носом в гальку. Кто-то входит по сходням. На берегу стоят две старушки в старинных зеленых зырянских сарафанах, рядом малыши, все молча, чинно смотрят на теплоход.

Берега Печоры все те же, лесистые, а между тем к полярному кругу приближаемся. Лес только по берегам, дальше тундра. И соседи подсаживаются другие: учитель-коми, колхозный ветеринар. Здесь все колхозы оленеводческие. Но олений, конечно, по берегам не увидишь. Колхозные олени далеко, в тундре, на пастищах. Добраться до них не просто, но

сейчас есть вертолеты. Тундра теперь людная — выезжают к пастухам агитбригады, приезжают врачи, пастухи не чувствуют себя оторванными от мира: у всех «Спидолы», колхоз выдал.

— Сейчас вы в лесу, кроме оленых рогов, ничего не найдете, — улыбается ветеринар. — Олени у нас зимой будут. Много оленей. Летом в тундре у моря хорошо: мошки и овода нет. Зимой холодно будет — в леса пойдут.

Зимой от берегов Карского моря на новые ягельные пастбища перекочуют олени стада через Большеземельскую тундру своими вековыми тропами — Адзьвинским, Усванюрским, Конковерским, Харьгинским проходами. Олени займут все леса вдоль печорской луки вплоть до линии железной дороги.

И уже прозвучало загадочное и манящее к себе слово «тундра», так нет! Как в увлекательной книге, где развязка, казалось бы, близка, но оказывается, что это только завязка нового фабульного узла, так и Печора. Она достигает вершины луки — и сворачивает к юго-западу.

Проходят новые села и деревни, новые пристани. И названия у них интересные. Захарвань, например. Это понятно. Жил здесь когда-то добрый человек по прозвищу Захар-Вань, подстроились к нему другие люди, стала деревня, вот и назвали деревню в честь основателя. В Коми крае часты такие названия деревень, как Мишвань, Осьвань или Ипат-Керка, Васька-Керка («керка» — по-коми изба).

А вот основателем села Мутный Материк был Андрей Артеев, поселившийся здесь в прошлом веке с семью сыновьями. В память основателя односельчане, среди которых много Артеевых, воздвигли памятник — обелиск и шар. Рядом монумент погибшим в Отечественной войне.

— А почему мутный да вдобавок материк? — спросишь у соседей.

— Река тут впадает Мутная. А материк — так у нас называют высокий берег.

Соседка-учительница предлагает иное, лирическое объяснение.

— Наверное, потому, что у нас туманы бывают большие над Печорой, так мутно, что пароходы не ходят.

И в самом деле, ночью сгущается туман и нашему теплоходу приходится ночевать где-то под высоким материком.

А вот почему село, куда мы приходим утром, называется Брыкаланском — этого никто не знает.

Мы узнаем и много другого полезного, на что прежде как-

то не обращали внимания. Например, что остров подобно рыбе имеет хвост и голову, что остров — по-коми «ди», хвост — «бож», голова — «юр». Название Дибож означает «хвост острова», а Диюр — «голова острова». Высокие скалистые берега и просто обрывистые береговые кручи на Печоре, как и в других местах Севера, называются щельями.

Исходя из этого, мы можем установить, что Щельяюр, к которому мы подходим, означает «голова гор» (точнее, «в голове гор», потому что ниже Щельяюра начинаются высокие крутые берега). Отсюда Печора поворачивает на запад. По склону левого берега расположены большой поселок, складские помещения, краны. Место это знают все речники Печоры, и даже мы, еще не видя, были наслышаны о нем. Здесь находится Щельяюрская РЭБ — ремонтно-эксплуатационная база, которая помимо ремонта судов строит баржи и простые речные лодки. Между прочим, наша лодка тоже была сделана в Щельяюре. Правда, она оказалась досадным исключением: щельяюрские лодки славятся на Печоре.

Название Щельяюр неразрывно связано с историей пароходства на Печоре. Первый паровой катер, как уже упоминалось, доставил на Печору М. К. Сидоров. В 80-х годах прошлого века по Печоре ходили три парохода, принадлежавшие богатому чердынскому купцу Суслову. В 10-х годах нашего века курья под деревней Щельяюр стала использоваться под зимний затон судов. Тогда и возникли здесь первые небольшие ремонтные мастерские. Сейчас помимо РЭБ в Щельяюре находится речной техникум. Молодые капитаны, которых мы встречали,— его выпускники.

Возле Щельяюра на берегу стоит высокая металлическая буровая вышка — нефтегазоразведка идет по всей Печоре. По прогнозам геологов, которые до сих пор сбывались, есть хорошие перспективы на газ в районе Щельяюр — Усть-Цильма.

Ниже Щельяюра впадает в Печору один из ее крупнейших притоков — река Ижма. На ней, километрах в шестидесяти вверх, раскинулось село Ижма, известное в Печорском kraе. А еще много выше, на притоке Ижмы Ухте, стоит всем известный город нефтяников.

Но вот сама Ижма, куда входят смежные с ней села Мохча, Бакур, Сизябск и другие (прежде входило тридцать шесть селений), она не стоит на берегу Печоры, но от ее истории и сегодняшней жизни неотторжима, и о ней надо сказать подробнее.

Начнем с седой древности.

На правом берегу Печоры против устья реки Ижмы выдается мыс Поганый Нос. Название, конечно, дано не потому, что безобидный речной мыс чем-то плох. Погаными в древней Руси называли язычников. Здесь примерно тысячу лет назад было жертвенное место, святилище языческого племени, некогда населявшего Печору, о чём свидетельствуют найденные при раскопках предметы. Народ этот, по всей вероятности, и есть та легендарная «печора», о которой упоминают летописцы. Аборигены Печоры жили в землянках, занимались охотой. (В ненецких преданиях это население называется «сиирти».) Позже в тундру низовой Печоры пришли ненцы, еще позже, в XVI веке, — русские и коми. Немногочисленное племя печора исчезло, растворилось среди пришельцев, оставив ряд нерешенных загадок антропологам и этнографам.

Но обратимся к самой Ижме, тем более что история ее поможет нам понять, как складывался этнический состав населения Печоры. До сих пор в спешке пути нам некогда было задуматься, как расселялись по реке ее первые поселенцы, почему, например, по печорской луке расположены деревни коми, а ниже — поселения с преобладающим русским населением. Разумеется, теперь этот вопрос в значительной мере имеет исторический интерес. Современная Печора — река интернационального братства. Коми и русские, украинцы и белорусы, татары и азербайджанцы, представители других национальностей живут и трудятся рядом друг с другом. Лесная промышленность, нефтегазовая, угольная вызвали приток населения из разных мест Союза. Все это очевидно и само собой разумеется.

Сейчас же мы проплываем по старым сельскохозяйственным районам нижнего Припечорья со своими традициями, своим укладом жизни, и взгляд в прошлое поможет нам понять их своеобразие.

В средние века на нижнюю Печору были два основных пути. Первый шел с Двины, Пинеги через Пинежский волок на Кулой, далее Поморьем, реками Мезенью, Пезой, снова волоком и рекой Цильмой, впадающей в Печору. Этим путем ходили древние новгородцы, им же шли московские рати в Югорскую землю, им же пришли первые русские поселенцы, основавшие Усть-Цильму и другие поселения низовий Печоры.

Другой путь вел с вычегодской «Перми»: река Вычегда — река Вымь — река Вычегодская Ухта — волок — река Ижемская Ухта — река Ижма и Печора. Путь этот считается более ранним и более важным — один из торговых путей в Сибирь. Он давал возможность из Двинской земли попасть на Печору

и далее «за Камень» через Усу волоком или зимним путем на Обдор, либо через Щугор на Березов.

Первый путь, как видим, больше тяготел к русским поселениям на Пинеге, Мезени, в Поморье, и по нему население русского Севера распространялось далее на восток. Второй путь к Печоре шел из мест, населенных вычегодскими коми, им пришли первые поселенцы на Ижму. Так в нижнепечорском крае на расстоянии ста километров возникли две «слободки» — Усть-Цилемская, населенная преимущественно русскими, и Ижемская, населенная преимущественно коми.

Если вы летите от Усть-Цильмы к Ижме, то после бурых пятен болот и мрачных лесов вся ижемская округа предстанет вам привольным, веселым местом, будто вы перенеслись куда-то в более южные края. Широко раскинулись поля по холмам, по всей далекой округе видны села и деревни. Река вьется меж холмов, быстрая и в верхнем течении порожистая (слово «Ижма» происходит от «Изъва», что означает «каменистая река»). Поля засеяны, по лугам бродит скот. И села стоят ладно — все дома в ряд — и живописно вырисовываются среди окружающего пейзажа. Эта живописность здешних мест сразу бросается в глаза после Усть-Цильмы, где окрестные виды более скучны и суровы.

Впрочем, мне не хотелось бы затрагивать старинный спор Ижмы с Усть-Цильмой о том, кто лучшие и главное. Каждая из них считала себя центром Печорского края, и, надо сказать, не без оснований: за Усть-Цильмой — приоритет старшинства, за Ижмой — значение крупного торгового центра. Если Усть-Цильма основана во времена Ивана Грозного в 1545 году, то Ижма — лет на сорок позже. Документально известен основатель Усть-Цильмы Ивашка Ластка. Первые письменные сведения об Ижме относятся к началу XVII века. Из них мы узнаем, что первоначально Ижемская слободка была зависима от Усть-Цильмы и лишь позже московские цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович подтвердили права ижемцев на их земли грамотами, данными Ивашке Бабинову (1627 г.) и Фильке Семенову (1649 г.). Согласно местным преданиям, Ижму основали коми и русские, к которым присоединилось несколько ненецких семейств. Особая ветвь народа коми, называемая ижемскими коми, ижемцами, сформировалась из коми, русских и ненцев, выработав на протяжении нескольких веков свою языковую и культурно-бытовую специфику.

Усть-Цильма жила бедно и долгое время была довольно малолюдной слободкой. Ижма вскоре стала людным и богатым торговым селом. Через нее шел путь в Сибирь, в далекие

времена здесь была таможенная застава, собиравшая пошлину с проезжих купцов. В Ижемской слободке происходил пушной торг приезжих московских скопщиков с «сибирскими выходцами». Земля в Ижемской волости оказалась пригодной для хлебопашства и скотоводства. Печора давала рыбу, окрестные леса — пушнину и дичь. Но не это принесло богатство старой Ижме.

В Ижме большое развитие получило оленеводство. Зимой в ижемских лесах кочевали со своими стадами ненцы, от них ижемские коми переняли навыки оленеводства, и с середины XVII века оленеводство стало традиционной частью их хозяйственной жизни. (В отличие от ижемцев усть-цилемцы и пустозеры занимались оленеводством в значительно меньших размерах.) От ненцев ижемцы, как другие жители низовой Печоры, переняли зимнюю одежду из оленьих шкур — малицу, меховую обувь, оленью нарту и упряжь, чум.

Ижма стала важнейшим оленеводческим центром Припечорья и фактическим хозяином тундры. Но не чиста была ее слава... Ижемские богатеи бесстыдно пользовались доверчивостью самоедов, как тогда называли ненцев, всячески обирали и спаивали их. Обман шел самый беззастенчивый: за стакан разбавленной водки брали пять оленей. В итоге бывшие владельцы стад стали пастухами у кулаков. Об ижемских хищниках в прошлом веке не раз писали видные прогрессивные деятели, требуя от правительства остановить разбой (одним из них был М. К. Сидоров).

«Поедешь ты в Ижму — увидишь там храмы божии каменными и во всем благолепии, угощать тебя будут по-купецки; станут тебе сказывать, что в бога веруют, не слушай: врут! Тундра у них на совести давно лежит», — так говорили в прошлом веке об ижемцах (С. В. Максимов. Год на Севере). В то время слово «ижемец» на Печоре звучало не по-хорошему...

Но ижемцы тоже были разные. Наряду с богатыми — их называли имеющими — владельцами оленьих стад и торговцами, как и везде, была беднота — так называемые маломощные. Бедные батрачили у кулаков, промышляли в лесу. Нужда в хлебе, привозном и дорогом, была постоянной. Жить маломощным крестьянским хозяйствам было все труднее: вместе с приростом населения становилось все меньше пахотной земли, на которой и вызревал-то один ячмень, все меньше незанятых сенокосных угодий, скучели ближние леса и речные тони.

Начиная с последней четверти XVIII века ижемцы стали

заселять низовья реки Ижмы и Печору вверх по луке. Население уходило, как тогда говорили, от тесноты, в поисках благодатных мест. Печора ниже устья Ижмы уже была занята выходцами из Усть-Цильмы, поэтому ижемцы двинулись вверх по Печоре, где в прошлом веке возникли все те деревни и села, мимо которых проплывали мы по печорской луке. Поселения возникали либо у мест прохода оленых стад из тундры на зимние кочевья (как, например, Кожва), либо в местах, пригодных для развития скотоводства и удобных для охотничьего промысла и рыбной ловли. Сто лет назад на Печоре таких мест было много.

Как видим, край Печорский заселился в сравнительно недавнее время. Некоторые деревни возникли уже в начале нового века, как, например, Якша, с которой начался наш путь. И на верхней Печоре, как и на нижней, расселение коми и русских определялось существующими дорогами и волоками. Ижемские коми заняли всю печорскую луку, поднявшись еще выше до деревни Бызовой (выше города Печоры). Они же в конце XIX—начале XX века обосновались на Усе. На средней Печоре, от устья Илыча до Бызовой, поселилась другая этническая группа коми — так называемые верхнепечорские коми, выходцы со средней Сысолы и верхней Вычегды. Они пришли на Печору по Южной и Северной Мыловам через волок. На самой верхней Печоре, где к реке подходит чердынский волок, уже русские деревни, населенные выходцами из пермского Приуралья.

Интересно, что эти этнические группы различаются своим бытовым укладом, типом жилищ, хозяйственными навыками. Ижемцы всюду принесли с собой традиции оленеводства и сохраняют их. Напротив, среди русских поселенцев на Печоре оленеводство не получило большого развития. В усть-цилемской округе оленей держат только в одном колхозе, в то время как на Ижме и по печорской луке — крупнейшие оленеводческие хозяйства в автономной республике.

В Усть-Цильме и ниже, куда мы сейчас держим путь, — русские поселения. В старь русское население Печоры также разделялось на свои землячества. Были усть-цилемы, пустозеры, жители притоков Печоры Пижмы и Цильмы звались пижемцами и цилемцами. Названия эти бытуют в народной речи и по сей день.

Замечательно, что этническое распространение населения в Печорском kraе происходило в сравнительно недавнее время и весь процесс первичного освоения далекого заброшенного kraя легко можно представить. Даже по фамилиям местных

жителей на Печоре нетрудно установить, откуда вышли их предки — с Ижмы или из других мест. Артеевы, Истомины, Каневы, Семяшкины, Хозяиновы — все это ижемские фамилии. Дуркины, Чупровы, Тороповы, Вокуевы, Носовы — усть-цилемские фамилии. (Но есть фамилии, встречающиеся и тут и там: Чупровы, Филипповы, Рочевы, что свидетельствует о частых браках между ижемцами и усть-цилемцами.) Среди верхнепечорских коми часто встречаются фамилии Мамонтов, Мартюшев, Мезенцев. Среди жителей реки Пижмы — Мяндины, Бобрецовы. Среди пустозеров были распространены фамилии Сумароковы, Хабаровы, Чукники.

Два народа поселились на Печоре — коми и русские. Почти одновременно пришли они сюда и стали совместно осваивать пустынный край. Соприкосновение двух народов — большого и малого — было взаимно благотворным. Русские принесли коми свою культуру, знания. Русское поселение Усть-Цильма стало рассадником грамотности на Печоре. В свою очередь от соседей-зырян, как раньше называли коми, русские переняли ряд охотничьих и сельскохозяйственных навыков.

Через русских ссыльных поселенцев распространялись в Коми крае революционные идеи. В старое время Север недаром называли тюрьмой без решеток. Политические ссыльные были на Ижме, в Усть-Цильме, в Пустозерске. Когда весть об Октябрьской революции достигла Печоры, ссыльные большевики, опираясь на бедноту, встали во главе местных советов.

На Ижме бережно хранят память о первом мохчинском председателе Николае Зыкове.

...Шла суровая зима 1918 года. Почтово-телеграфная связь с Центром была прервана. Кулаки распускали слухи о падении Советской власти. Торговцы отказывались продавать хлеб. Население голодало. Зыков провел конфискацию кулацкого имущества, роздал хлеб бедноте. В него стреляли, в его доме в лютый мороз выбивали стекла. Не раз принимался Зыков писать депеши в Архангельск с просьбой о помощи, но каждый раз не отправлял: он знал, что молодой Советской Республике везде трудно. И наконец пришло известие, что на Печору движется красный отряд, которого так долго ждал Зыков. И не дождался... Зыков был убит кулаками. Обелиск над его могилой стоит на холме над рекой, откуда открываются дальние виды на ижемские села, поля, луга...

Сегодняшняя Ижма — район сельскохозяйственный. Но, как везде в Припечорье, входят в ее жизнь приметы нового: буровые по берегам, гул самолетов и вертолетов в небе... Где-то там, в верховьях Ижмы, впадает живописная речка Ухта,

славная не только красотой своих берегов. В 30-е годы, когда начиналось освоение ухтинских месторождений, путь к нефти вел через Ижму. Древний водный путь еще раз послужил на пользу людям.

Прошлое Ижмы и ее сегодняшний день наглядно свидетельствуют о преображении Печорского края, о братском сотрудничестве двух народов. Все, что достигнуто сейчас, все грандиозные преобразования в Коми АССР — результат братской помощи народу коми всех народов нашей страны, и в первую очередь русского народа.

...От устья Ижмы до Усть-Цильмы уже недалеко. Река как раскрытая книга: только закончен один рассказ, как начинается следующий. Мы уже ждем его. И как интересно и ново путнику услышать на палубе теплохода рядом с речью коми характерную усть-цилемскую скороговорку с оканьем и цоканьем, типичную для старого русского Поморья, и как не порадоваться колориту и своеобразию многоликой Печоры!

Потянулись красивые правые обрывистые берега — щелья с сосновыми борами, открылись по левому берегу просторы заливных лугов. И названия мест красивые, как у этой пристани в лугах,— Нерица. За ней начинаются вскоре «пригороды» Усть-Цильмы — Гарево, Коровий Ручей (по-устыцилемски произносят «рúчей»). И вот за мысом сама Усть-Цильма. Кончилась здесь печорская лука, и река мощно и властно повернула прямо на север.

УСТЬ-ЦИЛЬМА И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ

Каждый, кто писал о Печорском крае, не мог обойти Усть-Цильму и обычно уделял ей значительное место в своих записках. Не миновать ее и мне. Еще бы, иначе мои друзья усть-цилемцы, скажут: «Что же ты, всю Печору проехал и про нас ни слова? А ведь Усть-Цильма на Печоре самая главная!»

Гордость усть-цилемцев известная, недаром над ними на реке подтрунивают. Рассказывают, шутя конечно, старую не было лицу, будто бы встарь жители Усть-Цильмы не знали, какого они рода-племени, и новобранцы в армии на вопрос о национальности твердили одно: «Мы — устьцилемы!»

Вот, мол, какая глушь здесь была, какие медвежьи углы! Вроде бы верно: одна дорога сюда была — с Мезени, да и то только по зимнему пути. Тайболов (так называется здесь край-несеверная тайга) до города Мезени было по старому счету

семьсот тридцать восемь верст, а до Архангельска — тысяча сто восемьдесят. Путь этот через огромные пространства тай-болы под вой волков красочно описан в книге С. В. Максимова «Год на Севере»¹. Был еще водный путь через водораздел Мезени и Печоры (волоком). Этот путь описан в книге А. Шренка «Путешествие к северо-востоку Европейской России» и сейчас представляет интерес лишь для туристов.

Все это дало повод одному из путешественников горько посетовать: «...и вообще жители Печорского края, отрезанные не только от Центральной России, но даже от своего губернского города, можно сказать, не живут, а прозябают» (Н. Е. Ермилов. Поездка на Печору. Архангельск, 1888).

Писалось это восемьдесят лет назад, и не стоит говорить, что сейчас все иначе. Конечно, иначе, да и как еще могло быть? Из Усть-Цильмы вы в тот же день попадете самолетом в Москву — какая уж тут отрезанность!

Но и для того старого времени не всю правду сказал путешественник, не все он понял. В Усть-Цильме жили небогато, это верно; но сказать, что жизнь усть-цилемов была сплошным прозябанием, будет несправедливо перед их историей.

Усть-цилемцы жили бедно, хором не строили, но жили вольно.

Основали Усть-Цильму вольные русские люди, землепроходцы, которые в поисках новых земель устремлялись на Север, шли за «уральский Камень» с Ермаком Тимофеевичем. Первым пришел в эти места предпримчивый новгородец Ивашка Дмитриев Ластка. Было это в 1545 году. Напротив устья речки Цильмы приметил он пригожее место под горкой «на гари» (где выгорел лес). Горка как раз от лютых ветров из тундры прикрывает, по склонам можно поля распахать, засеять. Луга просторные, река богата рыбой, леса — птицей и зверем. Был Ивашка челом перед московским грозным царем, и была дана ему жалована грамота: «Се аз, Князь Великий Иван Васильевич всея Руси, пожаловал есми слободчика Ивашка Дмитриева сына Ноугородцева...» В грамоте перечислялись обширные угодья, отданные Ластке на откуп, и назначался оброк: «По кречету или по соколу, а не будет кречета

¹ Здесь я считаю необходимым сказать доброе слово об этом забытом писателе прошлого века. Книгой его «Год на Севере», удостоенной Русским географическим обществом Большой Золотой медали, до сих пор можно пользоваться, путешествуя по Северу, не говоря об увлекательности чтения. Более полного и содержательного рассказа о русском Севере еще никем не создано. Помимо названной книги большим успехом у современников также пользовалась книга Максимова «Сибирь и каторга». Нам еще не раз придется ссылаться на этого наблюдательного путешественника.

или сокола, ино за кречета или за сокола оброку рубль...» (печорские охотничьи соколы особенно славились в древности).

Дано было также право Ивашке собирать подать со слобожан на великого князя. Ивашка Ластка стал на Печоре чем-то вроде удельного князька. Это вызвало зависть у его соседей — мезенцев и пинежан, которым хотелось перенять у Ивашки право на владение печенскими богатствами. Они пытались оговорить его перед московским царем и перекупить себе права на Печору, но Ивашка их обошел и остался при своем владении.

И слобода «копилась», росла: народ шел на Север в поисках вольной жизни, новых земель, угодий, пушных и рыбных богатств и свободы от крепостной неволи. Так и жили устьцилемы в своем глухом углу, и время мало затрагивало их. Рожь сеяли, ячмень. Урожай были небольшие, в лучшие годы — самчетверт (четверо больше высевенного), а бывало и ничего: морозы побивали. Своего хлеба не хватало, приходилось подкупать у чердынцев. Зато рыбы ловили много: красную рыбу — семгу, «царь-рыбу», белую — пелядь, нельму, сига, чира, про серую — окуня, сорогу (плотву) — и говорить нечего. Печора и матушка и кормилица, а семга — ее хлеб, да не простой, а золотой. Рыбки половиши — «пола мокра, да брюхо сыто». Впрочем, весьма относительной была эта пословица: что давали чердынцы в обмен на рыбу, то и принималось, да еще «с крестом и молитвой». А давали за пуд семги два пуда ржаной муки, хорошо если три. Еще по лесу промышляли, лосей били, пушного зверя — соболя, куницу, белку, когда-то и бобры по речкам водились. В лугах скот держали: травы сочные, сена много. Но жили трудно, еле сводили концы с концами.

«Дома все до единого расшатало бурными ветрами со стороны моря и огромной Большеземельской тундры, всеми пургами, хивусами, заметелями, куревом и размыло проливными весенними и осенними дождями. Нет (по словам достоверных свидетелей и умных старожилов не из деревенского сословия) ни одного слобожанина, на которого можно было бы указать как на достаточного, не говоря богатого. Повсюду бедность, вопиющая бедность!» — описывал Усть-Цильму С. В. Максимов в середине прошлого века.

В былое время редко кто попадал на Север по добром воле. Автор книги «Печорский край», написанной в начале нового века, доктор С. В. Мартынов был ссылочным. Как врача его особенно интересовали проблемы здравоохранения, и сведения, приводимые им, ужасны. Нищета, грязь, болезни — вот его впечатления от Усть-Цильмы. Особенно была распространена

среди женщин так называемая икота — психическое заболевание истерического характера.

Читаешь этот список бедствий (бедность, болезни), придавших Усть-Цилемца, и, действительно, грустное впечатление создается о печорском прошлом. Но мы заранее предупредили, что это еще не вся правда. Есть в истории Усть-Цильмы замечательные песни и былины, пронесенные через века. Есть замечательная книжная культура, и об этом стоит рассказать отдельно. Есть и замечательные люди, чей подвиг как луч света озаряет тьму прошлого.

Одно имя в Усть-Цильме чтут свято — Андрей Владимирович Журавский.

Журавский был приемным сыном генерала. Будучи еще студентом-естественником, он совершил в 1902 году свое первое путешествие на Печору. С тех пор все его помыслы связанны с далеким северным краем. Печорский край и Большеземельская тундра были объектом этнографо-географических исследований экспедиций последующих лет. В одну из поездок Журавский поднялся по реке Большой Сыне (притоку Усы) к северным вершинам Сабли и открыл «Печорские Альпы» — название, получившее с тех пор права гражданства. Журавский занимался и геологией: нашел месторождения каменного угля, побывал на Ухте. Но не этнография и не геология становятся его призванием. Журавский загорелся идеей северного земледелия. В этом он видел средство вызволить Север из его бедственного положения.

Он добивается у департамента земледелия разрешения открыть в Усть-Цильме опытную станцию и поселяется здесь. Перед станцией была поставлена задача доказать возможность разведения в Приполярье дотоле неизвестных сельскохозяйственных культур. Агротехнической практикой Журавский стремился доказать, что здесь могут расти не только рожь, ячмень и картофель, но и овес, пшеница, конопля, лен, гречиха, горох, свекла, лук, капуста, даже кукуруза, а с рассадой и подсолнечник.

Передо мной несколько брошюр А. В. Журавского — только немногое из его наследия. Про одни можно сказать, что они написаны человеком увлеченным, про другие — и увлекающимся (человек, симпатизировавший Журавскому, В. А. Русанов назвал его «небезызвестным, хотя и очень увлекающимся исследователем Печорского края»), но всегда целеустремленным в своих замыслах.

Вот одна из последних его работ с многозначительным заглавием «Наш мокрый Север» (1913 г.). Журавский с помощью

цифр стремился доказать, что урожай озимой ржи и ячменя на «мокром Севере» не ниже, а зачастую выше, чем в районах нечерноземной полосы. Он ратует за применение минеральных удобрений. Журавский даже считает, что Север мог бы вывозить хлеб, но помеха этому — недостаток рабочих рук и средств, а также бездорожье. Журавский полемизирует, доказывает, но он далек от мысли обобщать свои опытные достижения и рекомендовать северным крестьянам сажать на огородах кукурузу. Он делает особенный упор на кормовое земледелие как основу рентабельного животноводства. По его мнению, «Север, став специализированным районом кормового и скотоводческого хозяйства, станет полноправным членом естественной кооперации районов России». Он пророчески пишет: «Юг — «житница России». Но наш Север — неужели же он обречен природою не быть «житницей России» в другом, специальном направлении, кроме как по добывче живности и «недровых» богатств? (Другой вопрос — скоро ли и при каких переменных социально-экономических условиях.)»

И Журавского, как и всех патриотов Севера, встретили непризнание, недоверие, порой насмешки. «О чём вы хлопочете, молодой человек? Ничего там путного рasti не может», — отвечали администраторы на его просьбы и хлопоты почти теми же словами, как прежде отвечали М. К. Сидорову.

Журавский погиб молодым — ему не было тридцати трех лет. Его убил ссыльный, работник Опытной станции. Убийца был признан невменяемым, предполагают, что он был провокатором. Возможно, и то и другое вместе.

На похороны политические ссыльные принесли венок с надписью: «Добровольному ссыльному от политических ссыльных». Похоронен Журавский на крутом печорском берегу выше Усть-Цильмы, в месте, называемом Белощелье. Далеко видны эти белые известковые скалы и крест наверху.

Журавский многое не осуществил, но ясно одно — это был человек подвига. Он выводил морозостойкий сорт пшеницы, сеял овес, гречиху, морковь, капусту, огурцы — малые все на вид дела, а замысел был огромный. Подвиг измеряется страстью человеческого действия. Это был человек одного склада с Седовым и Русановым. Он болел благородной «северной болезнью». Он знал, что холод Севера можно растопить только жаром человеческих сердец. И шел в малом, как и в большом, до конца.

Да, оказывается, не пуста и не безлична усть-цилемская история, есть в ней замечательные люди и замечательные деяния.

Улицы Усть-Цильмы мало чем отличаются от улиц больших северных сел: высокие старые двухэтажные дома, деревянные мостки-тротуары. В центре села обычно оживленно. Здесь находятся райунивермаг и другие магазины, Дом культуры и кинотеатр. У здания почты в стеклянной витрине висит местная газета.

О районной усть-цилемской газете «Красная Печора», пожалуй, надо сказать в первую очередь. Не в том дело, что размер ее, как и других районных газет, невелик и редакция помещается в одном маленьком домике вместе с типографией. Конечно, и содержание газеты будничное, деловое. Но вот именно с этой-то простой газетки и начиналась в Усть-Цильме современность.

Шли первые годы революции, еще только кончилась на Севере гражданская война, которая коснулась и Коми края. И вот осенью 1920 года на далекой Печоре выходит первая советская газета, даже не газета, а газетка, так мал был ее формат. Для ее редакции выход первых номеров был победой, праздником, и она решила поделиться своей радостью с Лениным — послала газету в Москву. Из Москвы пришел ответ:

«В редакцию газетки «Красная Печора», с. Устьцильма, Архангельской губернии.

Товарищ Ленин просит передать Вам следующее:

«Спасибо, дорогие товарищи, за присланную газетку «Красная Печора». От души желаю вам успеха в нашей трудной общей борьбе с хозяйственной разрухой, темнотой и невежеством. Пусть эта маленькая газетка послужит светлым началом грядущего расцвета этого далекого и холодного края. Надеюсь, что общими усилиями трудящихся масс мы скоро одолеем и этого внутреннего врага, точно так же, как одолели внешнего».

С коммунистическим приветом заведующий приемной Совнаркома Соколов. Начканц Сорокин».

Я читаю свежий номер «Красной Печоры». Обычные районные будни. Усть-цилемский район — сельскохозяйственный, животноводческий, поэтому сейчас, в конце короткого северного лета, важно заготовить больше сена, засиловать больше кормов. Об этом, а также о благоустройстве сел и деревень района в первую очередь сообщает газета. Заметки о выступлении самодеятельности в Доме культуры, о подготовке к новому учебному году. Новости со всего света. Все как обычно в наших газетах. На последней полосе рядом с объявлением об открытии охоты объявление о том, что Усть-цилемская детская музыкальная школа проводит набор учащихся по классу фортепиано.

Сама сегодняшняя Усть-Цильма далеко раскинулась под зеленым холмом по правому берегу Печоры. На семь километров вытянулось село, а с «пригородами» — Коровым Ручьем, Опытным — и на все десять. Ходит автобус. Дома стоят по двум параллельным улицам. Сейчас новые двухэтажные дома забираются выше, на бугор: и здесь есть свои маленькие «Черемушки». Между селом и Печорой — широкая полукилометровая полоса низкого берега, заливающего весной. За водой для самовара ходят на реку не потому, что нет колодцев: печенская вода вкуснее.

Мы ходим по Усть-Цильме, присматриваемся к устьцилемам (будем называть устьцилемцев так, как они сами себя называют, — устьцилемами). Но люди, которые встречаются нам на деревянных тротуарах, ничем от остальных печенцов не отличаются и одеты так же, как везде одеваются.

А ведь должен быть у таких старинных сел и свой колорит! Не может быть, чтобы устьцилемы не имели своих традиций, особого уклада. Ну, например, старорусской одежды, девичьих хороводов. Рассказывают, что бывают в Усть-Цильме в июне, в пору белых ночей, такие хороводы — «горки». Молодые и старые собираются в пору междуузорья на горке над рекой, водят хороводы, поют протяжные старинные песни... Но я видел «горки» лишь в телефильме об Усть-Цильме. Не видел я на улицах села и девчат в красных сарафанах, но видел их на цветном фото в журнале. Устьцилемские девчата, которых фотокорреспондент попросил надеть бабушкины сарафаны, выглядели древнерусскими красавицами. Это было колоритно и своеобразно. В старину по одежде вологжанку можно было отличить от устюженки, жителя Двины — от жителя Печоры. Теперь же одеваются везде одинаково, и Усть-Цильма в моде не хочет отставать от Москвы.

Старина осталась у тех, у кого она и должна оставаться, — у старых людей. Вот устьцилемские старички и старушки, те без театральности колоритны и своеобразны. У стариков ситцевые рубахи, плисовые штаны, на ногах обязательно белые шерстяные носки и блестящие новые калошки, бабушки всегда в цветных сарафанах — эти моду менять не хотят.

Идешь по улице, видишь: сидит на скамеечке старик, крупнолицый, с бородой, на носу очки в железной оправе (кстати, очень похожий на писателя С. В. Максимова). Думаешь: где же я мог его видеть? Наконец вспоминаешь: все в том же телефильме о поездке за старинными книгами в Усть-Цилемский край.

— А я вас, дедушка, по телевизору видел.

— Это ты не меня видел, а моего старшего брата,— неторопливо отвечает.

— Так сколько же вам лет?

— Восемьдесят третий год.

— А книги-то у вас были?

— Были, были... Приезжал из Ленинграда Малышев Владимир Иванович...

Но тщетно ходим мы по Усть-Цильме в поисках колорита и тщетно ищем старииков-говорунов и бабушек-певуний. Похоже на то, что последние печорские былины собраны этнографом Н. Е. Ончуковым, а все песни Печоры изданы в одноименном сборнике. Наш друг местный поэт Василий Журавлев-Печорский, который гостеприимно привечает всех приезжающих собратьев по перу, подсмеивается над нами:

— Нет, они, бабушки, так просто не откроются! К ним подход нужен,— и предлагает: — Чего вам здесь сидеть, маxнем-ка на Мачу!

— Ко всем ты со своей Мачей лезешь,— ворчит на него жена.

Но мы-то понимаем Василия: у всякого человека, наверное, есть свое душевное место, полюбившийся уголок природы, куда хочется сводить друзей.

Вся жизнь Усть-Цильмы сейчас в заречье, в лугах — там сенокос, там пасется скот. Мы переезжаем Печору на баркасе, который везет доярок и фляги для молока. Река здесь километра полтора ширины, с берега кажется тихой и спокойной, но вышли на середину — вылетел из-за мыса ветерок, пошли барабанчики, поплескало в нас и покачало.

Пристаем к песчаной косе и долго идем по зыбучему песку, по печорским дюнам. На берегу стоят избы, сараи. Псы поднимают дружный лай. Сидят они на цепях: зверовые лайки «невежливые», рвут овец. Здесь становище пастухов. Народ, как везде на Севере, приветливый, разговорчивый, но нам некогда засиживаться: подгоняет рыбакское нетерпение.

Минуем большие стада коров и овец. Огибаем озерки, переходим протоки, лезем через кусты, идем веретенами по кошанине (кошаниной называется скошенная, но еще не высохшая трава — уже не трава и еще не сено).

Луга — краса и гордость Усть-Цильмы. Широкой полосой от пяти до десяти километров тянется здесь печорская пойма. Пахнет сеном и речной свежестью. Сквозь кусты просвещивают бесчисленные озерки, ручейки, речушки. Рыба в них плещется, утки таятся в хвоцах. За поймой на террасе боры, дальше

ельники, болота с морошкой — места работы и отдыха устьцилемов.

Без нашего провожатого мы, пожалуй, заплутались бы среди озер и кустов. Кусты эти, скрывающие в своей чащбе болотца со стоячей водой, по-местному называются калтусами. Эти калтусы — бедствие печорских лугов, под ними пропадает много полезной площади. Их называют здесь северными джунглями. Идешь по лугу, совсем рядом слышишь голоса, а попробуй, проберись через калтус! Борьба с калтусами ведется давняя, их пытались и вырубать и выжигать, а они вырастали снова. Только теперь найдено действенное средство: северные джунгли опыляют с самолета гербицидами, от которых кусты засыхают.

Приходим к Гусиному озеру, к заветным рыбакским местам. Нам надо наловить побольше, чтобы прийти к косарям, у которых будем ночевать, не с пустыми руками. Полдня мы копали червей, искали их под бревнами, гнилыми досками, щепой; здесь, на Севере, набрать червей на рыбалку — проблема. Зато и клев — сумасшедший клев! В полном смысле слова не успевашь забрасывать. Некогда закурить, забываешь про все на свете, не замечаешь туч мошек и комаров, облепивших тебя и бессовестно жалящих, не считаясь с диметилфтолатом. Наконец-то мы дорвались до настоящей печорской рыбалки! Конечно, рыба серая, или, как ее зовут, сорная, — окунь, сорога, но рыбаку главное, чтобы клевала.

К стану косарей подходим в начинаяющихся сумерках. Одновременно с нами, закончив работу, приходят и косари, они все в повязанных на голове по-бабы платках — от мошки. Живут они здесь в брезентовой палатке, спят под марлевыми пологами. Такая палатка на Печоре называется катагаром.

Хорошо сидеть с косарями у костерка, а потом есть уху за врытым в землю столом под старыми елями. Свежеет, синеет. Все смолкает. До чего же долги и прозрачны росистые северные сумерки! С севера, захватывая полнеба, надвигается темная полоса.

— Дождь будет? — спрашиваем мы.

— Нет. Это ночь идет, — отвечают косари.

Таинственно, как-то по-древнему звучит это «ночь идет...»

Утром мы вышли на Мачу. Мача — это речушка-ручеек. Возле нее стоит избушка. Ну и избушка! Наверное, я ее в своих охотничьих снах видел. Стоит она на краю бора, на песчаном холме среди сосен. В просвете между деревьями открывается вид на луга, пожни, озера, калтусы, далеко вдали синеет поросший лесом правый высокий берег Печоры.

Срубил эту избушку стариk Гриша глухой. Говорят, удивлялись сельчане: на что она ему на восьмом десятке, да и заходит он сюда раз в месяц летом. Но видно, у старика свои соображения. Иные запирают свои избушки, а он держит открытой — приходи и живи. Стариk для людей старался, и они поминают его добрым словом.

До чего же ладно срублена избушка, прямо сказать, со вкусом. Из маленьких сеней дверь ведет в помещение размером примерно три на четыре метра с одним оконцем, смотрящим на луга. Плита с конфоркой, деревянная кровать с пологом, нары, стол, покрытый чистой kleенкой, всяческая утварь. Мне приходилось видеть немало промысловых избушек в разных местах нашего Севера, и я должен отметить, что удобнее, вернее сказать, комфортабельнее оборудованных избушек, чем Гришина, мне немного приходилось встречать. Эта «культура» избушек вообще характерна для Печоры. Я не видел здесь закопченных таежных избушек, топящихся по-черному, наполненных дымом, разъедающим глаза. Это и понятно — в промысловый сезон приходится жить месяцами, и никто не хочет вдали от дома ютиться кое-как. Избушка — второй дом промысловика, и он заботится, чтобы дом его был в порядке.

Мы бродим по Сопочному бору — так называется бор, на краю которого стоит избушка. Сухой беломошник без подлеска, ровный частокол сосен, сквозь которые просвечивает далекий простор Печоры.

Красивейшее здесь место, и воздух здоровый, сосновый — впору построить санаторий или палаточный городок пионеров. А вот не построишь! Замечательной красоты места на Севере, в средней полосе таких не найдешь. Посмотришь фотографии и слайды — залюбуешься. Но одного не может передать фотоаппарат — до чего же беспощаден в этих живописных местах самый страшный «зверь» Севера — комар! А мошка! От нее и лучшие средства не помогают, лезет в глаза, нос, уши. Лоси и дикие олени от нее заходят по шею в воду, медведь ревет благим матом. А есть еще овод — много бедствия от него стадам.

В жаркий летний день, какие и в Приполярье случаются, так хочется влезть в прохладную печорскую воду, но, пока будешь раздеваться, в кровь искусят. Тут надо, чтобы товарищ отгонял оводов, пока ты раздеваешься, и держал одежду наготове, когда вылезешь из воды. От всего этого гнуса единственное пока действенное средство — терпение.

Человек, конечно, ко всему привыкает, и, побывав несколько раз на Севере, привыкаешь к этим зудящим над тобой ту-

чам и, не обращая внимания, продолжаешь разговор. Наш друг рассказывает нам об охоте в здешних местах.

Конечно, настоящая охота не под Усть-Цильмой. Как-нибудь в селе шесть тысяч жителей, а охотники — вся мужская половина населения в возрасте от четырнадцати лет. Но все это любители, а вот промысловиков настоящих, какие были раньше, почти не осталось.

— Вася,— говорю я шутя,— а если попробовать податься в промысловики?

— Не выдержишь,— серьезно отвечает он и рассказывает нам про «лесного человека» Федю Бабикова.

Федя высокий, сухощавый, ноги как у лося, по снежной целине ходит без устали. И конечно, мог бы и он в селе столько же зарабатывать, но тянет его в лес, не может жить без него. Забежит на день-другой в село, зайдет к знакомым и опять бежит назад. А несет он что! Продукты, само собой, и подшивку «Литературной газеты» за целый год. В его избушке на угодьях целая библиотека. Зимой день короткий, едва успел обойти свой участок, проверить ловушки, уже темно — садись и читай при свете керосиновой лампы. И еще пишет вечерами «лесной человек» свои стихи.

Мы жалели, что не удалось нам увидеть и познакомиться с таким интересным человеком: при нас в село он не приходил, а к нему на угодья за сорок километров не сбегаешь, да и дороги туда без Феди не найдешь.

Зато нам удалось побывать на Цильме и Пижме. Реки эти впадают недалеко одна от другой. Когда-то Пижма, подходя к Печоре, впадала в Цильму. Так было еще сто лет назад, теперь их разделили огромные пески. Географические изменения на карте происходят и на человеческой памяти.

В устье реки Цильмы сейчас стоит замшевый завод. Здесь выделяется знаменитая на мировых рынках русская замша. Печорский край — ее родина. Сюда привозят из тундры оленьи шкуры, которые в процессе долгой обработки — вымачивания, выскабливания, окисления и т. д.— превращаются в тонкие мягкие светло-желтые куски замши. Лучшая замша — из шкур оленят. Особенно ценятся шкуры оленей с Колгуева: на острове, обдуваемом всеми ветрами, нет оводов, и шкуры не попорчены их укусами.

Деревни на Цильме названы по именам своих первых основателей: был такой Ванька-трус, прозванный так за свою рысистую походку,— стала деревня Трусово, был Филипп Носов — стала деревня Филиппово, был Яшка Рочев — Рочево.

Названия пижемских деревень отражают какую-нибудь местную особенность. Загривочная,— значит, деревня стоит за гравой — горкой. Замежная — за мегом, то есть речным изгибом, носом. Скитская — когда-то здесь находился знаменитый Великопоженский скит, где в 1743 году сожглись восемьдесят шесть человек со своим наставником Иваном Акиндиновичем. Рукописные повести о «великопоженском сожжении» недавно были найдены экспедицией Пушкинского Дома, как называют Институт русской литературы Академии наук в Ленинграде.

Пижма — река глухая, совсем сжата лесом, в гористых берегах, живописна необычайно. В прибрежных кустах полыхают алые гроздья рябины. По-старорусски рябина и называется «пижма». Правда, название реки происходит не от рябины, а от искаженного «Пыж-ва», что по-коми означает «лодочная река». Цильма, конечно, тоже течет в лесах и среди всхолмленной местности, но как-то она просторнее — луга у нее шире, сама река потише, спокойнее. Пижма каменистая, Цильма — с песчаным дном.

И народ на реках отличается по складу характера, как какие-нибудь Хорь и Калиныч. Пижемцы — те более бойкие, словоохотливые, любят шутку, любят попеть, поплясать; цилемцы — более рассудительные, степенные, сдержаные.

Я вспоминаю деда Савелия с Пижмы, этакого высокого краснощекого здоровья, быстрого на слово, порывистого в движениях. Вспоминаю и цилемских стариков, несуетливых, обстоятельных, они тебя обо всем расспросят: и сам ты кто, и про семью твою, и про заработок — и уж тогда решат, стоящий ли ты человек.

Нигде не видел я более чистого северного русского типа, чем на Пижме и Цильме, — настоящие древние новгородцы. Идешь по лугу, встречается тебе этакий детина с русой бородой, удал добрый молодец, вылитый Алеша Попович. Едет на коне и спрашивает совсем по-былинному: «Куда путь держите?» — и смотрит этак, улыбаясь, того гляди добавит: «По делу идешь или от дела латаешь?» На длинной цепи сбоку бежит собака, я уже упоминал, что собак здесь летом не спускают с привязи, чтобы не беспокоили стада.

Слезает с коня: интересно, что за новый человек? Пускает копя пасть, собаку привязывает к дереву. Усаживаемся на бережке. Закурить? Нет, не приучен. Сам из деревни Скитской, той самой, где скитники сожглись. В свою очередь: «Вы откуда?» Слово «Москва» теперь не удивляет в самой дальней глупши. И по Пижме хаживают немало московских жите-

лей — и туристов и «экспедионников». Сам-то он в Москве не бывал, но в других городах приходилось, когда в армии служил. Не соблазнил город, вернулся в родную деревню. У них все возвращаются, не уезжают, да и как возможно: лучше их мест нигде нет.

— Все я повидал,— говорит,— и на юге был и в городах был, а милее моей пижемской сторонки нигде нет. Мог я и в городе зажить, да знаю — без своей речки да леса с тоски изойдешь. У нас осень ранняя, месяц еще — и на промысел. У каждого свои угодья, избушка там, лабаз, ловушки. Показать-то не могу, не дойдешь. Километров шестьдесят отсюда. Мороз ударит, болота встанут, тогда проедешь. Запряжешь лошадь, на сани муки мешок, крупы, соли, припасов всяких и живешь. Тогда приезжай, кычко¹ у меня добрый, поохотимся. Книги у меня в избушке есть, от отца остались. Старинные книги. Помню, мальцом еще брал он меня на промысел, вчера-то длинные, делать нечего; сидим, а он читает вслух, слова все непонятные, так и заснешь...

Слушаешь — словно сказка.

Не попал я в эту чудесную избушку, а мечтаю до сих пор...

Что еще добавить о Пижме и Цильме? Пожалуй, то, что здесь возможны новые открытия, и недаром в верховьях этих рек работают геологи. Еще в XV веке, до того как в эти края пришел Ивашка Ластка, предпринимались попытки наладить рудное дело на речке Цильме. Иваном III были посланы сюда мастера искать серебряную и медную руды. Было добыто какое-то количество меди, и из нее была начеканена монета. Об этом факте есть упоминание в «Истории государства российского» Карамзина. В XVII веке в Усть-Цильме был двор рудознатцев. Однако запасы руды оказались недостаточными для промышленной разработки в последующее время. Есть в верховьях Цильмы, также в небольших количествах, золото и марганец. Есть строительный известняк и гипс. К «открытиям» будущего относятся и новые туристские маршруты. Мезенская Пижма и печорская Пижма близко подходят одна к другой в своих истоках. Второй маршрут — с Мезени по Пезе, Рочуге, далее пятнадцатикилометровым волоком до реки Чирки и по ней до Цильмы. Можно ожидать, что пути древних новгородцев на Печору станут освоенными туристскими маршрутами.

...Снова не выполнили мы своего уговора и отклонились в сторону от Печоры на ее притоки, но ведь пижемские и ци-

¹ Так в местном наречии называется пес.

лемские места — окрестности Усть-Цильмы, а сама Усть-Цильма, как утверждают устьцилемы, на Печоре главная. Да и место это легендарное, овеянное стариной и преданиями, и просторы окрестные столь поэтичны, что — я процитирую Журавлева-Печорского — здесь

*За каждым ручьем по сказке,
За каждым кустом по строке...*

УСТЬ-ЦИЛЕМСКОЕ РУКОПИСНОЕ СОБРАНИЕ

Печора — берега золотые... И, оправдывая слова народной песни, мы говорили о «золоте» Печоры: «зеленом» (лес), «черном» (нефть), «голубом» (газ), будем еще говорить о «розовом» (семга). А сейчас наша речь пойдет о «золоте» словесном, о золотых словесах нашей древней литературы, сохраненной на берегах Печоры. Незаметное на вид это сокровище, скрыто оно под спудом и не просто найти его... Как вы узнаете, что вот в этой деревеньке в одной из неприметных сереньких изб на чердаке хранится рукопись небывалой ценности?

Древний летописец сравнивал книги с реками живой воды: «Книги бо суть реки, напаяющи вселенную, се суть исходища мудрости, в книгах бо есть неисчисленная глубина» («Повесть временных лет»). Представление о русском средневековье как о веках сплошной тьмы и невежества давно опровергнуто фактами. Древняя Русь благоговела перед книгой. По найденным при раскопках Новгорода берестяным грамотам мы можем судить, что грамотность была не редким явлением. Так и первые переселенцы на Печору, выходцы из новгородских земель Ивашка Ластка и другие, отправляясь в далекий и опасный путь, вместе с традиционной иконой Спаса (откуда пошла поговорка времен колонизации русского Севера: «Есть Спас и за Сухоной») несли с собой и книги.

В XVII веке вспыхнуло раскольничье движение. Спасаясь от преследований, в лесные дебри Севера уходили приверженцы «старой веры». Раскольники были людьми книжными (ведь и поводом к расколу явился книжный спор из-за никоновских исправлений старых текстов). Были среди них люди начитанные (отсюда произошло слово «начетчик»), были талантливые писатели (достаточно назвать одного протопопа Аввакума, окончившего свои дни в Пустозерском остроге на Печоре), были талантливые переписчики книг, замечательные каллиграфы и художники.

Вот почему Усть-Цильма, ставшая одним из самых отдаленных раскольничих углов, сохранила до нашего времени почти нетронутым клад древнерусской словесности.

О печорском словесном кладе знали и прежде. Небезынтересно снова вспомнить свидетельство С. В. Максимова, который, описывая усть-цилемскую бедность, прибавлял: «Повсюдная бедность, вопиющая бедность! И между тем нет ни одного селения (исключая толковой Ижмы), в котором была бы сильнее развита грамотность, как в Усть-Цильме. Здесь, естественно, как и во всех других местах России, надо искать причину в расколе, сильно развитом по всей волости... И вот почему известное всем ученым исследователям отечественной старины богатство здесь старинных памятников письменности в актах, отдельных монографиях, старопечатных книгах, грамотах и древних бумагах. Они свято хранятся здесь на тяблах, в чуланах и крепких сундуках за замком...»

Уже в начале нового века на нижней Печоре побывал учений-этнограф Н. Е. Ончуков. Он записал здесь ряд новых вариантов былин, песен, сказок. Собирал и старинные рукописные книги, но удавалось это гораздо труднее: слишком сильны еще были старые традиции, и не то, что отдать или продать, но и показать книгу раскольники не всегда соглашались. А ведь как ни почтительно береглись в расписных сундуках и шкафчиках старинные книги, им угрожали многие опасности: уникальные сборники с неизвестными текстами могли сгореть, погибнуть от сырости, просто затеряться.

Для ученого, влюбленного в древнерусскую литературу, далекая Печора представлялась поистине землей обетованной, не менее чем для первых землепроходцев.

В начале 30-х годов, когда в Печорском kraе наступила пора освоений промышленных богатств, на поиски и открытия иных, книжных, богатств прибыл сюда молодой ученый-филолог Владимир Иванович Малышев...

Сейчас это имя знают все в Усть-Цильме и ее окрестностях — на Пижме, на Цильме. Не один раз побывал здесь Владимир Иванович и не один десяток ценных рукописей вывез вместе с другими участниками печорских экспедиций Пушкинского Дома. Имя Малышева неоднократно встречалось мне еще до поездки на Печору в специальных изданиях по древнерусской литературе.

Но нам не повезло: в том году, когда мы были в Усть-Цильме, Владимир Иванович туда не приезжал, а увидеть этого интересного человека представлялось мне столь же необходимым, как и инженера Г. Л. Саруханова. Если беседа с Са-

рухановым была нужна для знания будущего Печоры, то встреча с доктором филологических наук В. И. Малышевым оказалась необходимой для знакомства с ее прошлым. Получалось, что для познания Печоры в ее прошлом и будущем, одинаково связанных с современностью, нельзя было удовлетвориться только увиденным на ее берегах. Поэтому нам снова придется нарушить последовательность рассказа и с берегов Печоры перенестись на берега Невы, где стоит знаменитый Пушкинский Дом.

Судя по рассказам усть-цилемов, Малышев представлялся мне личностью легендарной, а встретил меня невысокий по-жилой человек самой обыкновенной внешности. Владимир Иванович принял меня доброжелательно. Узнав, что я недавно побывал на Печоре, стал расспрашивать про знакомые места — Усть-Цильму, Пижму, Цильму, называть фамилии местных жителей.

— Слово «Печора» для меня особенно дорогое,— несколько раз повторил он.

— Сколько раз вы были на Печоре?

— Четырнадцать. Первая моя поездка была в Пустозерск в 1934 году. Я тогда был студентом, увлекался древнерусской литературой, в особенности протопопом Аввакумом, которым занимаюсь и до сих пор. Существует предание, что протопоп накануне казни роздал пустозерам все свои книги и рукописи. Мне казалось, что эти документы должны сохраняться либо в самом Пустозерске, либо в окрестных деревнях: на Севере всякую старину тщательно берегли, а память протопопа особенно чтили печорские раскольники. Правда, мои старшие наставники не верили, что удастся что-либо найти: считалось, что все старые рукописи давно собраны и новых открытий не будет. И все же я поехал. Добираться тогда было трудно, неделю или больше качался в море, но добрался. Автограф Аввакума я, конечно, не нашел, но все-таки привез кое-какие рукописи того же времени. Вот с тех пор и увлекся археографией.

Наверное, не все читатели знают, что такое археография? Но что такое археология, конечно, знают все. Археолог раскапывает древние города и по обломкам, осколкам восстанавливает облик культуры прошлого. Археограф же разыскивает сохранившиеся древние книги и рукописи, также необходимые для изучения, но не материальной, а духовной культуры прошлого. Иначе говоря, археограф — это собиратель, исследователь древней письменности. Владимир Иванович принадлежит к числу людей этой редкой профессии.

— Меня привлек Усть-Цилемский район,— продолжал ученый.— Свидетельства этнографов, побывавших здесь, Максимова, Ончукова убеждали, что это «сторона книжная». Перед войной побывал здесь в 1937, 1938, 1939 годах. Ездил на свой страх и риск на студенческую стипендию. Ну, что такое поездка студента, вы представляете: заплечный мешок да ружьишко. Усть-Цилемская округа ошеломила меня своим богатством старины. То, что вы видели сейчас, конечно, ничего общего с прежним не имеет. Тогда еще были живы старики, которые хранили древние традиции. Были грамотеи-начетчики, которые прекрасно знали старые книги и сами занимались их перепиской, были среди них великие спорщики, доказывавшие истинность «старой веры». В некоторых домах я встречал значительные библиотеки рукописных книг. У меня разбегались глаза при виде этих богатств. Но даже из того, что хозяева соглашались уступить, я мог купить лишь самое малое: студенческих средств не хватало. Помню, у одного старика выменял книгу на свою охотничью фляжку...

— Потом была война... После войны Пушкинский Дом стал регулярно посыпать археографические экспедиции в разные места русского Севера. В 1949 году, то есть спустя десять лет, я снова приехал в Усть-Цильму. Старые адреса у меня были, но многое изменилось: кое-кого из стариков не было в живых, иные библиотеки бесследно исчезли. И все-таки мы сделали большие приобретения. С тех пор мне и другим нашим сотрудникам удавалось ездить на Печору почти каждый год. Бывал я, конечно, и в других местах Севера и там тоже собирал книги, но богаче Усть-Цилемского района не встречал. К настоящему времени на нижней Печоре нами многое собрано, но сказать, что собрано все, преждевременно: новые находки не исключены. Об этом я недавно писал в «Трудах отдела древнерусской литературы»...

— Владимир Иванович,— спросил я,— а как же происходил сам процесс собирания рукописных книг? В чем его секрет?

— Тут не секрет, а подход,— улыбается ученый.— Редко удается получить старую книгу сразу. Сразу отдает книги только молодежь. Обычно книги берегутся как «дедова память» и постороннему человеку их так просто не отдадут, хотя и не знают старославянского и никогда этих книг в руки не берут. Мы объясняем, зачем нам эти книги, какую пользу они принесут науке, рассказываем о своей работе. В большинстве случаев после этого хозяева соглашаются расстаться с книгами.

— А бывает, что и не отдают?

— И так бывает. В таких случаях мы берем книгу на учет, записываем адрес владельца. Таких адресов у нас несколько. Обычно и в этих случаях книга приходит к нам. Например, такой случай. Был обнаружен в Усть-Цильме один интересный сборник, а хозяйка не уступает, говорит: «Книга не продажная, книга каши не просит, пусть лежит. Вот умру, дети тогда пускай как хотят». Несколько лет не отдавала. Все-таки согласилась, поверила в нас и в наше дело. Очень важно, чтобы поверила. Была у меня на Пижме одна знакомая старушка, так та все твердила: «Не продам книгу, вы будете ее по радио передавать и в музее показывать...»

А главное, надо не один раз съездить, со всеми познакомиться, подружиться, вести переписку, и тогда вдруг появляются новые книги буквально из-под земли, как один старик мне выкопал запрятанные книги... Собирательское дело терпеливое... Одно время мне стало казаться, что мы исчерпали всю Пижму, и вдруг были сделаны новые находки. Я побывал на Пижме во всех деревнях, обошел все дома, знаю в лицо почти всех местных жителей, казалось бы, книгам взяться неоткуда, и неожиданно получаю письмо от одного старика, что он нашел у себя еще несколько книг. Откуда эти книги? Оказывается, часть книг хранилась по охотничим избушкам. Избушки эти отстоят от деревни иногда на 150—200 километров, летом туда по мелководью не добраться, да и хозяин летом занят. Когда люди узнали нас, признали своими, хозяева стали привозить книги из своих избушек. С налета, в одну поездку ничего не сделаешь... И конечно, есть у нас помощники, которые первыми поняли наше дело и много помогли... Вот благодаря всему этому и возникло Печорское собрание, никак, а почти восемьсот номеров в нем...

Мне давно хотелось взглянуть на это знаменитое собрание, и Владимир Иванович открыл мне шкафы Хранилища древних рукописей.

И вот снова я встретился с Печорой на полках, уставленных книгами в почерневших корешках и рукописными тетрадками. Конечно, столь большое собрание невозможно объять сразу — ученые работают над его обработкой не один год, а собиралось оно в течение двадцати лет!

— Как вы, наверное, знаете, — объяснял Владимир Иванович, — усть-цилемская книжная культура развивалась на основе раскольнической традиции. Значительная часть собрания относится к истории раскола. Вот, например, уникальная «По-

весть о самосожжениях в Мезенском уезде в 1743—1744 годах». Здесь описано великопоженское и другие самосожжения.

С трепетом беру в руки тетрадку, бережно переворачиваю страницы, и словно гул огня обрушивается, когда читаешь полууставные строчки: «И загореся храмина, и бысть шум паменный, яко гром, и пламень огненный в мгновение ока обхвати всю храмину».

— Рукопись, видимо, была написана на Выгу, о чём говорят почерк и стиль,— доносится до меня голос Владимира Ивановича: не сразу смог я оторваться от книги.— На Печоре раскол был беспоповского, так называемого поморского согласия. Поддерживались культурные связи с Выголексинским общежительством, откуда шли в Усть-Цильму произведения старообрядческой литературы, все эти «Торжественники», «Поморские ответы», различные служебные книги.

Но, что для нас еще более интересно, проникала и художественная литература. Обычно это литература назидательного характера вроде «Повести о царевне Персике», «Повести о царице и львице», «Повести о двух снохах». Эти произведения часто подвергались местной обработке, они упрощались, наделялись чертами местного быта. Создавались и свои оригинальные тексты. Среди них можно назвать совершенно неизвестный дотоле текст — «Повесть о быке». Построенная на фольклорном материале, повесть дает нам основания судить о связях, существовавших между Усть-Цильмой и Великим Устюгом, содержит чрезвычайно интересный материал для этнографа... Мы знаем и имя автора этой «Повести» — Иван Степанович Мяндин...

В целом наше собрание охватывает рукописи с XV по XX век. Что дали печорские находки истории русской культуры? Прежде всего это самое большое собрание рукописей из одного места. Очень важно также демократическое направление этого собрания. Ведь переписчиками и авторами были крестьяне. По этим рукописям мы можем судить о круге чтения местных жителей с XVI по XX век. По ним мы можем проследить, как складывалась усть-цилемская рукописно-книжная традиция. Здешние писцы выработали свой характерный почерк, который мы называем печорским, или усть-цилемским, полууставом. Им переписывались книги вплоть до нашего времени. Мне еще удалось застать последних писцов. Так и писали глухарным пером, а чернила из сажи...

Усть-Цильма для археографа — удивительный край. В силу своей глупши и отдаленности, а также местного консерватизма

семнадцатый век здесь сохранялся вплоть до двадцатого. Безде книги печатались в типографиях, а раскольники книги переписывали. Переписать книгу считалось добрым делом, своего рода подвигом. Вот, например...

Владимир Иванович показывает мне книгу в картонном переплете с матерчатым корешком. В конце ее приписка: «1914 года. Писал Степан Анхенович Носов сию книгу тринацать лет своего возраста».

— Были и профессиональные писцы из тех же крестьян. Вот, например...

Ученый показывает мне сборник с красивыми четкими строками — небольшую толстую книжечку, легко умещающуюся на ладони.

— Это почерк Ивана Степановича Мяндина. Великолепный каллиграф и, между прочим, сам писатель. Сборник содержит «Повесть о быке» и некоторые обработки старинных повестей. Писал Мяндин и стихи. Он был владельцем одной из наиболее крупных библиотек рукописных книг в Усть-Цильме. Причем узким начетчиком не был, знал и современную литературу. О нем можно целое исследование написать...

В нашем собрании очень интересная личная переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XX веков. По ним мы можем проследить, чем жили здесь люди, узнать круг их интересов. Подобного собрания нет нигде, кроме как у нас, в Пушкинском Доме. Можете посмотреть.

Письма усть-цилемов занимают не одну полку в шкафах Печорского собрания.

— Вот что должно вас заинтересовать,— показывает ученый.— Письмо Демида Ломаева. Дата — 1794 год. Это самое раннее известие о деревне Усть-Волосница в верховьях Печоры... А вы знаете, как нами были добыты эти письма? Видите на листке следы клея? Эти письма некогда были использованы для переплета книг просто как бумага. Мы их отклеивали, разглаживали, и вот в результате появилось это собрание писем в дополнение к рукописным фондам.

Я благодарю Владимира Ивановича и высказываю сожаление, что не являюсь специалистом и не могу заняться подробно этими материалами, столь важными в изучении истории Печорского края.

— Да,— соглашается ученый,— материалов у нас много и для историка, и для филолога, и для каждого, кто ими заинтересуется.

За книгами всегда стоят люди. Эти сборники свидетельствуют о значительной культуре печорцев. Основываясь на их

материале, мы имеем право утверждать, что в Усть-Цилемском крае, на конце света, как в старину говорили о Печоре, в этом едва ли не самом глухом углу царской России, в XVIII—XIX веках было своеобразное «культурное гнездо». Оно имело свои, только ему присущие особенности, свои разнообразные вкусы и запросы. Пусть в основе они были отсталыми и односторонними, поскольку защищали старообрядческую идеологию, но они приучали жителя далекой Печоры любить и ценить книгу и знания.

Вот что рассказал мне Владимир Иванович Малышев.

От себя могу только добавить, что после посещения Пушкинского Дома старина печорская для меня озвучилась, в ней зазвучали голоса живших здесь людей, и край Усть-Цилемский обрел новую значимость как один из интереснейших и колоритнейших уголков нашего Севера.

Вот какая она, Печора: течет себе река, и на внешний взгляд вроде бы ничего особенного, но когда оглядишься, присмотришься, прислушаешься, узнаешь — начинают звучать ее старые сказы, в которых золото поэзии народной...

Но Усть-Цильма — еще не весь сказ о Печоре.

ПУТЕШЕСТВИЕ С РЫБАЧЬИМ ПАТРУЛЕМ

Задержались мы в Усть-Цильме сверх положенного, злоупотребляя гостеприимством наших хозяев, и в это прекрасное утро я проснулся с мыслью об отъезде. Наш хозяин уже встал и с кем-то разговаривал в соседней комнате. Я невольно прислушался: это был не специфический усть-цилемский выговор, а ровный, бойкий, даже разбитной, городской говорок, от которого мы за время странствий по усть-цилемским окрестностям уже отвыкли.

Действительно, Василий разговаривал с молодым человеком лет тридцати, городского вида, в очках. Мы познакомились, узнали, что зовут его Валерием или просто Валерой, что он работает в рыбинспекции Коми, сейчас откомандирован на Печору, и получили неожиданное приглашение плыть с ним в инспекторскую поездку вниз по реке и ровно через час быть на пристани. Основным умением дорожного человека должна быть способность оставаться легким на подъем и принимать быстрые решения. Так мы очутились на борту катера рыбоохраны «Стерлядь» (двадцать три тонны водоизмещением,

команда из четырех человек, два рыбинспектора и два пассажира).

Мы уже плыли по Печоре на лодке, на грузовом судне, на теплоходе и имеем представление о преимуществах разных видов речного транспорта. Конечно, на теплоходе плыть хорошо: тут тебе и каюта, и верхняя палуба, откуда можно полюбоваться берегами в хорошую погоду, и салон с зеркальными стеклами, где можно посидеть в плохую. На грузовом судне все же интереснее: тут ты не просто пассажир, тут ты чувствуешь свою причастность к деловой речной жизни и ее заботам. А плыть на маленьком катере с уютным кубриком еще лучше. Можно потолковать с Валерой о том о сем, можно забраться на узкую койку и почитать книжку, можно поиграть в шахматы, можно с разрешения капитана постоять в рубке за штурвалом, сверяясь с речной обстановкой. Придет время — сядешь обедать с командой, есть уху, сваренную на плите, тошащуюся соляркой. Пока катер пристал к берегу, можно поудить рыбку или сбегать с ружьишком на ближайшее озерко.

Да и плывешь ты не на простом катере, а с рыбачьим патрулем.

— «Приключения рыбачьего патруля». Джек Лондон. Романтика, — ораторствует Валера.

Его коллега, районный рыбинспектор Павел Федорович Чупров, которого все зовут Пашей, только улыбается, слушая эти речи. Улыбается и вся команда, тоже молодежь: капитан Борис, моторист Иван и матросы Леня и Гена.

Ну что же, отплываем навстречу приключениям, если верить Валерию, а проще — идем в инспекторскую поездку по району.

За Усть-Цильмой плесы Печоры огромные, как озера. Отходят в стороны шары и куры. Низкие берега поросли древовидным кустарником. Теперь вся река — широкий водный простор.

Уже не тысячу километров нам осталось, а мы проплыли тысячу по Печоре. Менялась река — ширина ее, вид берегов, менялись занятия людей, живущих по ее течению. В верховье люди говорили о лесе, в среднем течении — о нефти и газе, ниже Усть-Усы — об оленеводстве, а за Усть-Цильмой — больше всего о рыбе. Это и понятно: в низовьях рек сосредоточен основной лов. Здесь исстари так было: что ни деревня — рыболовецкая, что ни мужик — рыбак.

Конечно, не удочками здесь ловят — этим занимаются мальчишки да любители вроде нас. Ловят сетями. Частным лицам разрешается иметь сети определенной длины и опреде-

ленного размера ячей и ставить их на участках, не принадлежащих гослову. Ловить семгу и зельдь (разновидность ряпушки) частным лицам запрещено.

Браконьер, конечно, потому и браконьер, что он с запретом не считается. В Печоре водится 29 видов рыб, из которых шесть принадлежат к лососевым. Одна семга чего стоит, а ведь попадаются рыбешки и в пудик весом! Есть из-за чего рисковать. Река большая, расстояния между деревнями значительные. Ночью ставит сеть, да так, чтобы она затонула и не была видна, снимать приедет другой ночью.

Паша стоит в рубке, осматривает берега в бинокль. В иных местах катер подходит к берегу и инспектор проверяет длину сеток и размер ячей. Пока нарушений нет. Сети эти принадлежат косарям, работающим в лугах: на уху подловить.

Останавливаемся у пристани Бугаево. Паша с капитаном уходят в сельсовет по делам. До деревни отсюда пять километров. Маленький тихий дебаркадер стоит под обрывистым луговым берегом. У здешнего шкипера дел немного: теплоходы приходят через день. Он подходит к нам, заговаривает:

— Все браконьеров ловите? Вон кого поймайте! — он показывает на песчаную косу. Там видны четыре фигурки. — Самый первый браконьер у нас. Бочками ловит и торгует. А что не продаст — вывалит, а людям не даст. Вот кого ловите, а то, что вы у Яшки хромого сняли сетку, этот-то инвалид... Да не поймать, у них «Москва», как шмыгнут в сухую Печору, вам туда не войти.

— Заводи мотор, — коротко говорит моторист Иван матросу Генке. Сейчас он остался за капитана и вправе принимать решения.

Катер идет прямо на песчаную косу.

Фигурки все ближе, на нас они не обращают внимания: мало ли катеров ходят по Печоре.

Мы подходим близко, но не можем подойти вплотную к берегу: мелко. До браконьеров остается метров пятьдесят. Катер глушит мотор.

— Подайте лодку, — говорит Иван людям на берегу.

Те, ничего не подозревая, подъезжают к борту катера. Их двое в лодке — старик в треухе и хмурый мужчина. Двое других стоят на берегу.

— Ну, чего вам? — спрашивает хмурый мужчина.

Иван спрыгивает в лодку, быстро передает нам топор и заbrasывает на палубу якорь-кошку. Следом за ним спрыгивает Валера.

— Рыбинспекция, — говорит он. — Вы задержаны!

Мужчина резким движением срывает якорь с палубы и отпихивается веслом. Дед истошно вопит: «Караул! Помогите!»

Иван хватается за весло, не дает отпихнуться. Два дюжих мужика держатся за весло и тянут его в разные стороны. Дед вопит: «Аркадий! Василий! Чего стоите! Раздевайтесь и бегите! Убивают!» Те двое в нерешительности стоят на берегу.

Положение спасает матрос Генка. Он приносит багор и подводит им лодку к борту катера. Мы бросаем конец — трос, чтобы взять лодку на буксир. Иван пытается протянуть трос через кольцо в носу лодки, но на него наваливаются мужик и дед. Свалка грозит перейти в драку.

Инцидент разрешается просто и неожиданно.

— Фотоаппарат! — кричит Валера.

Аппарат висит на шее у Алексея. Он наводит его на браконьеров.

Одного вида фотоаппарата оказалось достаточно, чтобы браконьеры упали на дно лодки и закрыли лица руками.

Катер приводит лодку к пристани. Два других сообщника приходят пешком. На пристани уже собрался народ.

Дед начинает плакаться перед всеми и причитать:

— За что старика обидели? Руки выкручивали! Чем я браконьер? Посмотрите, сеть сухая!

И продолжает:

— Вот так люди! Разве так советские люди поступают?

Дед долго еще изливает свой гнев перед слушателями, но те молчат и понемногу расходятся.

— Идем, дед, протокол составим,— говорит Валера.

Но дед не признает за ним никакой власти.

— На тебя на самого протокол надо составить!

Валера ругается, грозит деду всеми бедами, но тот на одно слово отвечает десятью. Валера плюет с досады и уходит в деревню за Пашей и капитаном.

Смеркается. Начинает накрапывать дождь. Браконьеры сидят на берегу, мокнут. Ждем рыбинспектора.

Тем временем на плите закипает чай.

— Идите на катер,— зовет Иван браконьеров.— Чего под дождем мокнете?

Сначала приходят двое парней, что стояли на берегу, они считают себя непричастными к делу. Им-то что, они отпускники, приехали к родне в гости, их позвали, они и пошли, а какую рыбу ловить, им все равно. Потом приходит хмурый мужчина. Он будто бы пришел что-то сказать парням, но, конечно, и его потянуло в тепло.

— Сходи за отцом,— говорит ему Иван.— Мы ведь тоже

люди. Работа у нас такая. Вас задержали, а теперь идите чай пить. Нечего старику под дождем сидеть, все равно инспектор сюда позовет.

Последний аргумент наиболее убедителен, и дед вскоре спускается в кубрик. Все пьют чай, кроме деда. Он делает вид, что зашел сюда случайно и ему здесь не нравится.

Наконец приходят Паша и другие.

— А-а, знакомые лица! — смеется Паша. — Ты-то как сюда попал? — спрашивает он одного из парней.

— С тестем, — усмехается парень.

— А ведь когда-то комсоргом был... Так-так... Значит, теща с зятьями решили побраконьерствовать? А «Стерлядь» вас поймала?

— Значит, плохие мы браконьеры! — зло бросает хмурый мужчина.

— И хорошими будете, все равно попадетесь!

Рыбинспектор начинает выяснять обстоятельства дела. Я наблюдаю, как умело Паша ведет разговор: он не кричит, не выходит из себя, как Валера, а говорит подшучивая, по-своимски, и люди чувствуют в нем своего и проникаются доверием. Дед, который поначалу от всего отрекался, наконец признался.

— Было. Гости ко мне приехали, хотел рыбкой угостить. Малость, на ушицу.

— Ну что теперь с вами делать? — спрашивает Паша.

— Отпустить, — проникновенным голосом говорит дед. — На первый раз строго предупредить и отпустить! Ведь в газетах что пишут: на первый раз прости, на второй прости, на третий только накажи.

— Вас отпустишь, а завтра вы опять у реки будете!

— И близко к ней не подойду! Буду на печке лежать. Видно, отрыбачил старик свое... — дед пытается пустить слезу, но тут же говорит иным, льстивым голосом: — Вы нас отпустите, а уж мы вас отблагодарим, чем можем!

Инспектор усмехается и садится писать протокол. Деда зовут занятно — Ананий Осиевич. Начитанный дед объявляет себя неграмотным и расписывается инициалами.

Старику повезло: он еще не начинал ловить, только собирался, поэтому у него конфискуется сеть-зельдевка с незаконной ячейкой. Рыбинспектор возвращает назад лодку, и все четверо уходят, радуясь, что легко отделались.

— Этих ребят я знаю, — рассказывает нам Паша. — Сам старый комсомольский работник. Район у нас хотя и большой, а населенность не велика, всю молодежь знаешь. Эти за

дедом пошли. Дед — старый браконьер, давно про него известно, все не попадался... Легко отдался на первый раз... А ведь бывает и так, что иной старик идет браконьерствовать по незаслуженности. Он рыбу начал ловить, когда никаких запретов не было, да и река рядом. Вот такому объясняешь, а он тебе одно: «А как же без рыбки-то?»

— Паша, а серьезные инциденты бывают?

— Обычно до этого не доходит. Побаиваются нас: авторитет имеем. Крупное браконьерство стало невозможно: все время наши катера ходят, полуглиссера. Многим не разживешься, но по мелочам бывает...

«Стерлядь» идет дальше среди низких берегов и песчаных кос, приближаясь к полярному кругу.

Обычная картина для низовья: обширная пустынная песчаная коса и на ней сколоченные из досок домики или просто презентовые палатки — катагары. На берегу — лодки, бочки, сети. К кольям привязаны собаки, хмурые лохматые псы. К людям они равнодушны. Это и есть тоня.

По берегу ходит человек с бечевой, другой сидит в лодке — это рыбаки заводят невод. Заведут невод, потом лодка подойдет к берегу, будут невод отрясать, вынимать из ячей серебристую зельдь.

Работа вроде бы простая: только заводи да отрясай, да не так легка, как кажется. Мы с товарищем попытались разок завести невод с помощью старого рыбака. Пока я отплывал и подплывал на лодке от берега к берегу, руки заломило, а вытащили — едва на уху. А они так целый день на воде, на ветру, в дождь. А какого труда стоило рыбакам перед началом лова очистить тоню — выволочь коряги, лежащие на дне, их много наносит весной. Да и жизнь на сыром песке в палатке или дощатом домике — избы-то не поставишь, все полой водой смоет — не такая уж романтичная, как кажется: холод, сырость, а если теплая погода — комар, мошка, овод...

Рыбаки — народ гостеприимный. Попал на тоню — уход угостят.

— Садись, — скажут, — поешь зельдей, хороша рыбка, не костлява.

Действительно, зельдь вкусна отменно. Маленькая рыбешка, а заманчивая.

— Никогда не приедается, — говорят рыбаки, — семга, та приедается, а зельдь никогда.

И верно, семга — рыба сытная, много съешь — и уже смотреть не захочешь. Деликатес, ее, как и икру, много не съешь...

Днем «Стерлядь» контролирует колхозные тони. Инспектор

роверяет улов, опечатывает семужные сети: концентрированный лов семги производится только в дельте реки.

Проходим острова Медвежий и Харин. Знамениты эти острова своими покосами и множеством озер, где держится водоплавающая птица. Хотелось бы сойти, пожить с косарями, но мы откладываем охоту до дельты, о которой ходят необыкновенные рассказы.

У Климовской тони мы пересекли полярный круг. Никаких особых перемен в пейзаже не заметно: те же луговые берега, пески, кусты, так же то зайдет за облака, то откроется солнышко.

Останавливаемся у Нового Бора. Это большой поселок, крупный животноводческий совхоз, который недаром называется кормовым цехом Заполярья. Здесь, по лугам и островам, заготовляется много сена, и сено это используется не только на нужды местного животноводства, но и идет на «экспорт» в далекую отсюда Воркуту. В воркутинской тундре сена не накосишь, а скота много: молоко нужно горнякам. Вот и приходится заготовлять сено на Печоре, везти его в прессованных тюках на баржах и поездах.

Жизнь на «Стерляди» идет своим чередом. Днем команда отдыхает, работа предстоит ночью: есть сведения об усилении браконьерства на этом участке. Лежат на койках, почитывают книги. Я заметил, что на речных судах это излюбленное занятие на досуге — всегда найдется стопка самых разных зачитанных до корки книг. И еще иногда игра в подкидного. Тут уж такие мастера, что с ними не садись.

Ночью рыбинспекторы с матросами идут ловить браконьеров. Задерживают их и на лодочной пристани при возвращении с добычей, и при отряске сетей. В первую ночь заснуть в кубрике было невозможно: браконьеров приводили одного за другим. Был тут и один местный работник, обещавший жаловаться куда следует, и нагловатый парень в морском бушлате, не желавший называть фамилию, и перепуганная чета молодоженов. Одни отпирались, другие ругались, трети сразу сознавались во всем. У всех у них изымались сети, составлялись протоколы.

В следующую ночь браконьеров не было: слух о грозной «Стерляди» разнесся по Печоре.

У Паши после третьей бессонной ночи покраснели веки. И наш друг-романтик Валера чегото скис.

— Ну что, парни, — говорит он, — вы все видели. Как говорится, рейс прошел без особых происшествий.

— На обратном пути буду спать до Усть-Цильмы,— зевая, мечтательно замечает Паша.

Романтика? А разве нет! Хмурая погода и просто непогода, суровая в однообразии река; солнце, пробившееся сквозь узенькую полоску на горизонте, свободную от облаков; закаты, столь же суровые, как и вся природа, с траурно красными и черными полосами, с зеленоватым небом в разрывах между облаками. Ночь с глухой темью и холодным плеском волн, редкие огоньки створ и бакенов. В рубке отсветы зеленого и красного ходовых огней по бортам и белого на клотике; вахтенный у штурвала, напряженно всматривающийся в темноту. И кубрик, где дым коромыслом, смех, курево, где собирались славные ребята,— все это имеет свою прелест и необычность и поэтому называется романтикой.

Катер спускается все ниже. Скоро нам расставаться со «Стерлядью», с увлекающимся Валерой и деловым Пашей, со всей дружной командой. Напоследок нас угожают ухой из зельдей рыбаки с Ермицкой тони.

Пейзаж вроде бы знакомый: все те же низкие берега, тот же сероватый кустарник — ерник по-местному, все еще лес стоит на высоких берегах, но все суровее виды. Скупее становится природа. А лес совсем чахлый, хмурый — тощие полузысохшие елки, искривленные березы. Не лес, не тундра — лесотундра. Гуси летают над рекой.

Леждуг — конец Коми. Шестьдесят седьмая параллель. Начинается Ненецкий национальный округ, где-то впереди его столица, город, где давно хотелось побывать, — Нарьян-Мар.

СКАЗАНИЕ О ПУСТОЗЕРСКЕ

Когда-то в детстве казалось — переедешь загадочный полярный круг и сразу попадешь в другой мир: тундра, ненецкие чумы, олени, ездовые собаки... Но вот уже далеко позади полярный круг, все севернее забираемся мы в Заполярье, все ниже сходит река, и никаких особых чудес пока не заметно... Деревни стоят на голом берегу, нет рядом привычной стены леса, окружающей селения, нет ни одного деревца возле, и оттого выглядят деревни здесь особенно сурово, нахмуренno. А люди занимаются своим обычным делом: рыбной ловлей, скотоводством, косят сено в лугах, будто это совсем не Заполярье...

Где-то выше Великовисочного запомнилась впечатляющая своей суровостью картина. На повороте реки, на мысу, где

впадала в Печору речка, под седьмым холмом стоял одинокий старый дом. Возле него стог сена, у берега лодка. Кто здесь живет, в доме с окнами на хмурую реку, на хмурые дали? Низко нависли свинцовые облака, усиливая впечатление крайней удаленности, словно стоит дом на краю света.

Конечно, это не так: мы плывем на теплоходе и до ближайшей пристани недалеко. «Край света» — только метафора. Но ведь когда-то такой и была Печора, пустынная река, с одинокими избами первых поселенцев. Когда-то и в самом деле здесь был «край света», край земли русской...

Летописец Нестор упоминает эти земли под именем Печоры, «Югров» еще в XI веке. С этих земель Государь Великий Новгород собирал дань. В самом конце XV века земли эти были покорены московскими воеводами Курбским и Ушатым и страна под именем Югорского царства была присоединена к Московскому княжеству. Тогда же был заложен здесь острог и назван Пустозерском. Был это самый северный острог и первое русское поселение на Печоре.

Но где он теперь, Пустозерск? Одна память о нем осталась, а где он находился, сейчас мало кто даже на Печоре знает...

Проходим последние пристани на нашем пути — Хонгурей, Оксинно, Сопка. За деревней Сопкой Печора разделилась на два рукава — Большую и Малую Печору. Мы подплываем к Нарьян-Мару. Еще издали видны огромные станины портовых кранов. Теплоход огибает остров, входит в Городецкий шар, в котором и расположен Нарьян-Мар. Проезжаем мимо лесозавода, где у причальной стенки стоят под погрузкой «иностранные», читаем их названия — этот норвежец, этот датчанин, этот поляк. Еще несколько судов ждут загрузки на рейде. Красиво стоят морские суда на широком просторе реки. Потом угольная пристань, пакгаузы, причал.

Наш путь по реке окончен.

Нарьян-Мар — лесоторговый порт, крупная рыболовецкая база, а сам город небольшой. Небольшой, но симпатичный городок.

И вот здесь-то, в Нарьян-Маре, мы снова услышали слово «Пустозерск». На улице в разговоре прохожих было обронено, что кто-то поехал в Пустозерск рыбу ловить. И это прозвучало для нас как-то особенно: в исторические места уехал человек рыбачить, к несуществующему городу, на Пустое озеро. Мы стали спрашивать старожилов, и оказалось, что Пустозерск от Нарьян-Мара совсем недалеко: водой плыть по шарам — километров тридцать будет. «Только нет там ничего, один обелиск поставлен», — говорили старожилы.

Ранним погожим утром, свежим и прохладным, таким же обычным, как и в средней полосе в конце августа, мы сели в пригородный катер. С нами ехали местные жители с корзинками и лукошками за ягодами и грибами: осень наступала, морошка поспела в тундре, брусника по сухим местам. Мы доехали до Тельвиски, большой старой деревни, и пошли по песчаной дороге вдоль виски — протоки, соединяющей озеро с речным шаром. Шли мы еловым и лиственничным лесом по песчаным холмам, но лес этот был невысок: старые деревья метров пяти, не выше, а березы — в рост человека и все корявые, причудливо изогнутые, искривленные и переплетенные. По обочинам попадались ягоды и грибы. Брусника не кустилась по кочкам, а плотно прилегала к земле, как трава мурава, и сами ягоды были помельче, а грибы росли обыкновенные — подберезовики и маслята. И доносились из чащи карликового леса веселые возгласы: «Ау! Ау!»

Мы отдохнули на сенокосной полянке, окруженной частым кустарником, возле небольшого чистого озерка под столом. Небо было ясное, день теплый, и невольно забывалось, где ты: какое тут Заполярье, какой Пустозерск?

Нескучной показалась дорога, все было нам интересно, и мы легко прошли восемнадцать километров до деревни Устье. Само название говорит, что стоит она в устье виски при впадении в Городецкое, или Пустое, озеро. Возле одного из домов мы увидели высокий, врытый в землю крест. На нем вырезана дата «1866». Проходившая мимо бабушка рассказала, что, по преданию, похоронен под крестом раскольничий поп и встарь молились у этого креста за скот¹.

— А вон там Городок! — показала она вдаль, где за озером виднелся серый холм.

— Живет там кто?

— Теперь не живут. Раньше жили, дома стояли, церква была. Венчалась я в ней, ребятушки.

— Когда же это было?

— А в тридцатом году.

Давно перестал Пустозерск быть городком, стал селом, потом и село исчезло, а название Городок так и держится за этим местом. Народная память долго живет. Встарь на Печоре Пустозерск звался Городком, Усть-Цильма — Слободой, а Городом — далекий Архангельск.

¹ Вряд ли это так: кресты, которые ставились в северных деревнях, не означали захоронений, их называли обещанными, поставленными по обещанию в честь какого-либо события.

И вот совсем рядом он, забытый городок, «мертвый город», только озеро переехать...

«Мертвый» город... Сколько их на территории нашей страны? Не так-то много. Греческие колонии в Крыму; легендарная Тымутаракань, загадка археологов; недолго просуществовавший острог Орлец на Северной Двине, но так далеко на Севере, за полярным кругом, у «дышащего моря» — Ледовитого океана... Пожалуй, не знаем мы подобных примеров в исторической географии. И оттого особенно волнуешься: тот самый Пустозерск увидишь!

Лодку мы нашли скоро: здесь все рыбачат, у всех моторки. Сначала плывем виской — неширокой протокой, похожей на канал.* По берегам хвош и ера — низкие частые кусты ивняка. Странно представить, что по такой вот заросшей протоке когда-то ходили стройные парусные ладьи. Из истории мы знаем, что когда-то могли подходить к Пустозерску и более крупные суда, но тот шар (он начинался ниже деревни Пылемец на Печоре) еще в XVIII веке затянуло песком.

Свое волнение мне понятно — это волнение историка, увидевшего подлинный документ прошлого, грамоту, покрытую вековой пылью. А Пустозерск, что ни говори, — «грамотка» древняя, лист летописный, со своим сказанием. «Огненный» протопоп вспоминается и много всего...

Стационарный мотор на карбасе гудит как-то странно, в нарастании и ниспадении его гула мне чудится какой-то странный напев. Постепенно он складывается в стройное, торжественное звучание. Оно гремит во всю ширь, звучно и мощно. В нем — шум истории, голоса «мертвого» города. Это его величавый реквием.

Мотор гудит, поет один и тот же мотив, и, будь я композитором, наверное, написал бы симфонию или ораторию, которую назвал бы «Пустозерск». В ней передалось бы ощущение озерной шири, пустынных песчаных берегов, суровости северной природы и неукротимости ветра на открытом пространстве.

Крутые волны на озере подбрасывают лодку, брызги летят в лицо — раз! раз! — скорбный напев звучит все торжественнее, и все явственнее встает впереди холмистый мыс, и на холме памятный обелиск и покосившиеся поморские кресты.

И вот земля Пустозерска. Песчаный, отлого повышающийся берег, поросший сухой седой травой. Кажется, что и трава здесь хранит отпечаток старины.

Входишь на холм — и открывается удивительное зрелище: среди низин и вод двумя тесными кучками стоят высо-

кие кресты. С трех сторон блестит вода, за озером желтеют дюны, с четвертой стороны — тундриная степь и кустарник вдали, кажущийся лесом.

Города нет, от него остались затянутые песком ямы, догнивающие бревна. Где-то здесь, возле обелиска, церковь стояла, где-то здесь дорога пролегала — песок давно сравнял все.

Ничего нет. Только кресты, огромные, выше человеческого роста, серые, старые. Давно забыто, кому они поставлены; может быть, сотня и больше лет прошло, но рассказывают, хранили их пустозеры и, когда крест падал от времени, на его месте ставили новый и тем берегли память о предках. Стоят «над вечным покоем», как у Левитана, только покой этот еще более суровый и величавый.

Большой отрешенности, пустынности трудно представить. Кажется, что и в самом деле тут земля кончилась и нет ничего больше, кроме серого неба, серых вод и хмурых песков. Так и русские землепроходцы, первыми пришедшие сюда, сказали, наверное: «Сие место пусто зело» — и нарекли свой остrog именем пустынным. (Есть и иная версия, что Пустозерск назван по Пустому озеру. Но озеро не пустое, а рыбное. Может быть, первая тоня у пришельцев была неудачной, по первому впечатлению и назвали; назван же самый бурный океан Тихим тоже по первому впечатлению...)

Ходишь по бывшему городу (он был невелик: ширина полусострова, им некогда занимаемого, — около километра) и напрасно пытаешься понять, как и что тут было. На плане XVII века, приведенном в книге Витсена «Северная и Восточная Татария», видно, что дома располагались ближе к мысу, а в центре, на песках, стояли церкви, кладбища, тюрьма.

Из описаний путешественников, посещавших Пустозерск в прошлом веке, предстает городок «маленький, уединенный, пустынный». «Пепельно-серые дома, разбросанные на песчаных равнинах, безлюдные улицы — все это отнюдь не соответствовало той веселой наружности, которая открывалась нам издали», — пишет академик А. Шренк. Схожую картину дает С. В. Максимов в книге «Год на Севере»: «Как теперь, вижу его серенькие избы, из-за которых глядела одинокая деревянная церковь с колокольней. Весь он уютно сился в кучу и словно только что вчера сломан острог — неправильный четырехугольник с заостренными наверху толстыми и высокими бревнами — как будто для того, чтобы селение все оставалось теперь на виду и на потеху ветров и выюг, набегающих сюда с океана, и неоглядность снежных полей, величина которых еще усиливает пустынность и однообразие видов. На-

просилась мысль о том, что это крайний и самый дальний предел моих странствий, что это одно из последних русских селений на Севере, и еще сильнее сжала сердце та мысль непрощенная, что недаром здесь пустынность и бесприветная даль...»

И сейчас три последних покинутых дома стоят у берега. Идем туда по болотистому лугу, обходя какие-то канавы и ямы. Два дома, большие, двухэтажные, разрушены: кровля рухнула, потолочные балки провисли, часть стен раскрыта, окна выбиты, полы прогнили. Валятся осколки стекла, ржавые кровельные листы, банки, ведра без днищ, всякий хлам, и, как везде на запустении, растет крапива. Но и по остаткам домов видно, что жили пустозеры прочно, основательно, просторно, по-северному.

Только один небольшой дом, вросший в землю, покосившийся, замшелый, еще сохраняется. На нем висит замок. В окно видно, что стоит там стол, скамья, на столе самовар, чайник и чашка. Рыбак, сопровождавший нас, сказал, что хозяин дома живет в Устье, а сюда приезжает косить сено, рыбачить и ночует иногда.

Западный берег полуострова обрывистый, метров пять высоты, на противоположном берегу выступает песчаная коса — мыс, называемый Виселичный наволок. По преданию, назван так потому, что вешали там воинственных карачеев. Карачеи — кочевое племя, жившее у Карского моря (Лукоморья, по Нестору-летописцу). Они неоднократно нападали на город, недовольные данью (ясаком). Про них ходили легенды, что не берет их ни пуля, ни нож, стойбища их видны лишь издали, а подойдешь ближе — уходят в землю.

Это легенда, обычно сопровождающая историю. Сказание о Пустозерске, как уже упоминалось, начинается с времен древнего Новгорода, некогда владевшего всем русским Севером. Потом власть перешла к Москве. Дошли русские земле-проходцы до «дышищего моря» — Ледовитого океана и устремлялись еще дальше — «за Камень», за Урал. В эпоху, предшествующую походам Ермака и покорению Сибири, и был здесь заложен острог, форпост Московского княжества.

Жили в городке за бревенчатыми стенами стрельцы и служилые люди. Понемногу начали появляться русские селения на Печоре. Уже упомянутый Ивашка Ластка пришел на устье речки Цильмы и по царской грамоте начал «жить и копить на государя слободу». Возникали новые деревни на нижней Печоре, все они входили в Пустозерское воеводство. Городок стал административным центром края.

Долгий и трудный был сюда путь. От Москвы ехали до Вологды трактом, далее — водой по Сухоне на Двину до Холмогор, оттуда — на Пинегу, с Пинеги — на Мезень, с Мезени через тайбулу — на Печору. Известно, например, что протопопа Аввакума везли в ссылку в Пустозерск три месяца.

Югорская земля в древней Руси была окутана легендой и тайной. Одно из первых документальных упоминаний о Пустозерске и путях к нему находим мы в «Записках о московитских делах» барона Сигизмунда Герберштейна, посла римского кесаря. В своей книге он приводит «Указатель пути к Печоре, Югре и к реке Обь». Любопытно, что приводимые сведения Герберштейн заимствовал из книги, называемой «Русский дорожник», оказывается, и в то время существовали путеводители. Правда в них переплеталась с причудливым вымыслом, реальное описание пути к Печоре — с фантастическими рассказами о землях за Печорой.

Пустозерск стоял на пути к ним. Надо было плыть вдоль берегов Большой Земли, через Югорский шар до устья реки Мутной, далее пробираться через Ямал («я» — земля, «мал» — конец) рекой, озерами и волоком до Обской губы, далее вдоль морского берега до реки Таз и по ней до Мангазеи, городка, где происходила торговля сибирскими мехами. (Городок этот был основан в 1601 году, но просуществовал недолго — всего шестьдесят лет.)

Таким образом, Пустозерск имел не только военно-административное, но и торговое значение. Он и был срублен «для опочиву Московского государства торговых людей». В XVI веке сюда приезжали агенты Английской торговой компании и жили подолгу. В Пустозерске неоднократно бывал, выполняя хозяйственные поручения холмогорского архиепископа, отец М. В. Ломоносова. Но не это прославило его в истории. Пустозерск стал местом ссылки наиболее опасных врагов царской власти.

Скорбный пустозерский мартиролог открывает непримиримый враг никоновских новшеств протопоп Аввакум.

Конечно, не история раскола вспоминается здесь, на месте бывшего Пустозерска, а сам неистовый протопоп в своей огненной славе, живой человек, положивший жизнь свою за идею.

Аввакум — из тех редких, цельных натур, характеров сильных, несгибаемых, стойких до конца. Он — бунтарь по натуре, непримиримый ко всякой неправде, не знающий колебаний. Фанатик идеи, фанатик долга. Его называют выдающимся писателем XVII века. Это дань уважения. А он никакой

не писатель, не книжный, а живой человек своего времени и говорит не книжным, а живым, народным языком: «Люблю свой русский природный язык!»

Пятнадцать лет просидел протопоп в пустозерской земляной тюрьме, мучимый, но несгибаемый. Пятнадцать лет, закрытый в землю, по колено в воде — это и представить невозможно!

И все это было вот здесь, где-то здесь, где мы стоим, может быть, на этом месте, а может быть, на том? И суровость природы и отрешенность, пустынность здешних мест так близки суровому, аскетическому, могучему духу Аввакумовых сочинений. Такая природа требует сильного характера, и жил здесь характер богатырский.

...Сзади нас, простираясь к Печоре, идет серая тундряная степь, за озером — пески и снова тундра, надо всем низкое небо, быстро несущиеся облака, редкие лучи солнца в просветах. Только два месяца здесь лето, а снег лежит все восемь.

Вот яма, ветры обнажили остатки обгорелого сруба. Уж не тут ли сожгли протопопа с «соузниками»? Было это 14 апреля 1682 года, когда кончается зима на Печоре, появляются первые проталины, солнце не угасает во весь день и лебеди летят...

Воображение рисует новые сцены исторического романа, действие которого происходило здесь, в Пустозерске.

Новый образ возникает перед нами. Уже не протопоп, мужик, бунтарь, а человек ученый, книжный, манер тонких, близкий боярин и хранитель царской печати, «государевых посольских дел оберегатель», дипломат Артамон Сергеевич Матвеев. Был он любимцем царя Алексея Михайловича, но при новом царе Федоре недруги добились его свержения, обвинив боярина в колдовстве и «покушении на жизнь царя через посредство аптекарской палаты».

Интересно, что лет за десять до ссылки Матвеев вместе с мудрым философом Симеоном Погоцким послан был царем увещевать непокорного Аввакума, но оба искущенных в богословии мужа не смогли ничем поколебать непримиримого протопопа. И вот боярин сам попал в то же «место плачевное, в Пустоозеро».

Так причудливо переплетаются порой человеческие судьбы.

В ссылку на Пустоозеро попал и фаворит царевны Софьи Василий Васильевич Голицын, старый враг Матвеева, муж большого ума, учености европейской. Образ этого человека

ясно представляется по роману А. Н. Толстого «Петр Первый».

Так в XVII веке Пустозерск оказался вовлеченным в коловерть истории. Здесь рождалась слава одних и гибла слава других.

Но понемногу течение истории перестало задевать Пустозерск. Знаменитых ссыльных больше не привозили. Торговля с Сибирью пошла по другим путям. В конце XVIII века Пустозерское воеводство было упразднено и административным центром был сделан город Мезень. Пустозерск стал селом, центром Печорской волости, позже и это право отняла у него разросшаяся в трехстах пятидесяти километрах выше Усть-Цильма.

Пустозерск хирел... Исчез сторожевой частокол, рушились древние церкви, убывало число домов — уже в середине прошлого века деревня Устье превосходила его по населенности, — и только название оставалось Городок...

В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза — Ефрана о Пустозерске сказано, что в нем 130 жителей обоего пола и две церкви, с кратким резюме: «Никакого торгового и промышленного значения П. не имеет».

Ни в первом, ни во втором изданиях Большой советской энциклопедии о Пустозерске нет упоминания: к тому времени он перестал существовать.

И вот стоит теперь посреди бывшего города каменный обелиск с мемориальной доской¹. «На этом месте находился город Пустозерск, основанный в 1499 году, экономический и культурный центр Печорского края...» — читаем мы краткую летопись города, в которой перечислены все важнейшие события вплоть до последнего: в 1918 году здесь состоялся первый волостной съезд Советов, провозгласивший Советскую власть в низовьях Печоры.

Да, история на сем месте закончила свой путь. Никого здесь нет, одни мы, пришельцы.

— Первые вы у меня такие, — говорит рыбак, — мало кто сюда ездит. Да и что смотреть-то тут?

Броде бы и нечего. Пусто вокруг, один песчаный полуостров среди озера. И все-таки это какое-то притягивающее место, есть в нем что-то такое, не зря же его выбрали для города среди других мест. Есть в нем своя особая суровая поэзия, витающая здесь дух истории.

¹ Обелиск этот поставлен по инициативе В. И. Малышева, о деятельности которого мы уже рассказывали. По его же предложению одно из новых морских судов ленинградские судостроители назвали «Пустозерск».

Все хочется понять прошлое, ощутить его дыхание, найти здесь хоть какую-то примету былого. Но лишь одни кресты кругом... И осталось в памяти от Пустозерска только то, что записано в книгах: ссылки, костры, виселицы...

Так неужели тем Пустозерск знаменит, что здесь людям было плохо? Нет, в этом еще не вся правда о Пустозерске!

Жили здесь смелые русские люди. Занимались рыболовством, скотоводством, водили оленей. Ходили на промысел на Новую Землю. С попутным ветром на паруснике туда было три дня хода. Этот дикий скалистый остров называли они ласково Маткой. Матка их кормила: промышляли там моржа, тюленя, попадался и ошкуй — белый медведь («Дай бог промышлять моржа на берегу, а ошкуя на воде», — была пословица.)

Вспоминаются строки Хлебникова про поморов:

Ветер лапою ошкуя
Снова бросится, госкуя,
Грозно вырастет волна,
Возрастая в гневе старом,
И опять волны ударом
Вся ладья потрясена.

Так на своих ладьях забирались пустозеры в Студеный океан, далеко ходили, до самого Груманта — Шпицбергена. Арктическое лето коротко — чуть зазевался, увлекся промыслом, пали туманы, пришли льды, затерли ладьи — приходилось зимовать в избушках, сложенных из плавника. Начиналась долгая полярная ночь, лютый холод, цинга — трагическая полярная робинзонада... А скольких море взяло! Много безвестных поморских крестов оставлено на далеких северных островах. Вся жизнь людей проходила здесь в суровой, опасной борьбе с природой.

Это тоже история Пустозерска, его героическая история, хотя действующие лица ее нам неизвестны. Это его слава, им записанная страница в истории освоения Арктики.

И это оправдание Пустозерска, ибо не прозябали здесь люди, а боролись, жили честно и смело. И подвиг их не забыт потомками. Из Архангельского порта в дальние рейсы, в разные страны мира ходит современное грузовое судно, которое носит историческое имя «Пустозерск».

Не хочется скоро покидать землю Пустозерска, все хочется еще насмотреться, вдосталь надышаться воздухом истории, накрепко запомнить: вряд ли еще выпадет случай попасть сюда, на «край земли»...

Но рыбак давно терпеливо ждет нас, курит не первую папироску.

Снова гудит мотор, и удаляется холм с крестами и обелиском.

— Да, это надо было видеть! — говорит мне товарищ.

Да, мы прошли почти всю Печору и видели Пустозерск!

Рыбак так просто нас не отпускает («Как же не поевши в дорогу?»), и мы пьем с ним чай и едим соленую пелядку. Таков добрый северный обычай гостеприимства, и мы его чтим.

Обратно мы торопимся, чтобы не опоздать на последний катер из Тельвиски. Через три с лишним часа, изрядно усталые, приходим в деревню. Сгущаются сумерки. Вдали горят огни Нарьян-Марского порта. А потом мы, вконец измученные, не чувствуя под собой ног, идем по дощатым тротуарам города, а нас обгоняют пассажиры с «Буковины» — быстрого лайнера, пришедшего из Архангельска.

И тут остается только доказать последнее и важное: почему же запустел Пустозерск и исчез с лица земли?

Печоре давно был нужен порт в устье реки, свои «ворота в океан». Местоположение средневекового острога по тем временам было удачно: с трех сторон вода, с четвертой — открытая равнина, но стоял он вдали от главного русла реки, и уже в XVIII веке к нему не могли подойти крупные суда. Портом он быть не мог. Тем самым Пустозерску был подписан смертный приговор.

После долгих поисков и исследований (в прошлом веке этим занимались экспедиции Ф. П. Литке, П. И. Крузенштерна, а также М. К. Сидорова) уже в советское время, в начале 30-х годов, порт на Печоре был найден в ста десяти километрах от устья в месте, называемом Белощелье (до революции невдалеке от этого места находился шведский лесозавод «Стелла Поляре»). Порт рос. Пустозеры разбирали свои дома, свозили их на новое место, где была работа, начиналась новая жизнь. Новый город рос, а старый городок хирел и чах день от дня, превратился в совсем крохотную деревеньку, а потом и деревеньку вдали от дорог забросили, ушли из нее люди.

Так исчез Пустозерск, но не пусто прошла его четырех с половиной вековая история. Свое дело он сделал и оставил преемника — Красный город, что по-ненецки и значит Нарьян-Мар.

НАРЬЯН-МАР — КРАСНЫЙ ГОРОД

Большинство жителей нашей страны, наверное, знают о нем по сводкам погоды. Обычно сообщается, что в Нарьян-Маре столько-то градусов мороза, и жители более южных районов

страны думают в это время: «Как там холодно!» А северяне слушают равнодушно: «Ничего страшного, жить можно. Мы же живем!»

Что и говорить, в высоких широтах лежит Нарьян-Мар! Среднегодовая температура здесь — $3,2^{\circ}$. Температурная амплитуда, однако, довольно большая: от плюс 30° в августе до минус 44° в декабре. Лето длится два — два с половиной месяца. Самое теплое время года — вторая половина июля — первая половина августа. Ноябрь — апрель считаются зимними месяцами. Самое холодное время — февраль — март. Река замерзает обычно в конце октября, вскрывается в конце мая. Вечной мерзлоты, однако, в районе города нет.

Какие еще «устрашающие» данные? В среднем в году бывает сто семьдесят пасмурных и лишь тридцать шесть ясных дней. Дождливых дней в году (опять же в среднем) — восемьдесят один, дней со снегом — сто двадцать два. Совсем не выпадает снега только в июле и августе. Полярная ночь длится с 1 декабря по 10 января. В это время только два часа нет надобности в искусственном освещении. С конца мая до середины июля стоит полярный день. Заря всю ночь бывает до начала августа.

Но кажется, достаточно. Потому что не так страшен черт, как его малют. Потому что данные метеослужбы объясняют нам далеко не все.

Мне нравится этот деревянный город — один из тех северных городов, где, по выражению поэта, мостовые скрипят, как половицы. Мне нравятся его простая, четкая планировка, ряды добротных двухэтажных домов, кустарниковые березы в сквериках, названия улиц — Ненецкая, Тундровая: пойди по Тундровой и выйдешь в тундре, а на Ненецкой встретишь ненца — студента зооветеринарного техникума. Есть здесь и улица Пустозерская и поселок Городецкий в честь своего предшественника.

Город стоит на песчаном месте, и на улицах всегда сухо. В центре возвышается деревянное здание почтамта с башенкой-куполом в виде ненецкого чума — местная архитектурная достопримечательность. Тут же поблизости административное здание, Дом культуры, стадион, где, как и везде, играют в футбол местные команды, и мяч, пробитый мимо ворот, вылетает на улицу. Ресторан с колоритным названием «Северное сияние» и северным меню: ромштекс из оленины, лангер из оленины, копченая зельдь. Гостиница, всегда переполненная командированными...

Обычный северный городок, не особенно людный, спокойный. Главные предприятия его — порт, лесозавод, рыбокомбинат.

Против своего предшественника старика Пустозерска он совсем юн этот город — сорок лет, у него скромная история, и о нем еще не сложено сказаний, но у него есть современность, о которой поется в песне:

*Нарьян-Мар, мой Нарьян-Мар!
Городок не велик и не мал.
У Печоры у реки
Здесь живут оленеводы
И рыбачат рыбаки...*

Далеко Нарьян-Мар, но в наши дни «далеко» — понятие относительное: два часа лета до Архангельска и оттуда два часа до Москвы — не так много...

Как и везде на Севере, авиация — основной вид транспорта. Ведь даже быстроходный морской лайнер идет до Архангельска двое суток. Аэропорт здесь — «ворота» города, а в зимние месяцы — единственные «ворота». Уходят самолеты в Архангельск, Печору, Салехард. Прибывают самолеты местных линий, в них люди из далеких ненецких стойбищ. Привезли ребятишек в школу-интернат. Малыши в малицах, впервые из тундры, сидят смирно, не шалят, не то что их южные сверстники. Улетают в тундру врачи, рабочие, рыбаки, геологи.

Оленеводов, про которых поется в песне, сейчас в городе не увидишь: они в тундре кочуют (ямдают) со стадами оленей. Там, на пастбищах Канина и Колгуева, Тимана и Малой Земли, Югорской и Красной тундр, в первых числах августа встречают они свой ежегодный традиционный праздник День оленевода.

К этому дню пастухи из соседних колхозов съезжаются в приметном, живописном месте тундры. Среди сопок и озер возникает импровизированный поселок — стоят чумы, дымят костры, на шестах развеиваются флаги. Прибывают гости на вертолетах, воздушных судах. Приезжают представители городской общественности, геологи, работающие по соседству. Бойко торгуют выездные магазины. К этому дню торгующие организации стараются завезти в тундру побольше разных продуктов, в особенности фруктов, овощей. Народ в тундре не мелочной — если уж покупает, то мешками или ящиками...

Начинается праздник. Торжественное собрание проводится прямо под открытым небом. Подводятся итоги работы колхозных бригад, называются лучшие оленеводы, которые награж-

даются почетными грамотами и денежными премиями. Затем начинаются соревнования по национальным видам спорта: метание топорика на дальность, забрасывание тынзяя (аркана) на хорей (длинный тонкий шест, которым погоняют оленей), прыжки через нарты и самое интересное — гонки оленьих упряжек. Поздним вечером, когда стемнеет, под сопкой устанавливается белый экран и демонстрируется кинофильм.

А утром снова пусто там, где шумел праздник: пастухи спешат к своим стадам...

Рыбаков тоже не увидишь сейчас в городе. В конце лета для них наступает горячая пора — путина. Есть такая примета: как стали ночи темными — вошла в реку семга. Ход ее на нерест начинается примерно с середины августа и продолжается до октября, до ледостава.

Семга — северный лосось — рыба проходная. Живет и откармливается она в море, нерестится в быстрых чистых холодных реках с песчано-галечным дном. Зайдя в реку, семга уже не питается, порой проходит свыше тысячи километров до нерестилищ (в Щугоре, Подчерьеме, Илыче, а также в Большой Сыне, Ижме, Пижме, Цильме). Поднимаясь вверх по реке, семга становится «лохом» — у нее вырастает крюк на нижней челюсти, темнеет чешуя, мясо становится невкусным. Отнерестившись, большая часть обессилевших рыб погибает.

Поэтому лучшая по качеству рыба ловится в низовье. В настоящее время весь отлов семги на Печоре сконцентрирован в одном месте — на перекрытии под Нарьян-Маром. Это дает возможность контролировать отлов ценной рыбы. По подсчетам ихтиологов, величина печорского стада семги колеблется в разные годы от шестидесяти до ста двадцати тысяч голов.

Семгу называют «розовым» золотом Печоры — еще одно золото после «черного», «зеленого», «голубого». Она идет на экспорт, приносит стране валюту. А Печора — первая в Союзе семужная река.

Перекрытие — достопримечательность и гордость Нарьян-Мара. О нем пишут в центральных газетах и журналах, фото и кинокорреспонденты ежегодно увековечивают лов знаменитой печорской рыбы. Местная газета «Нарьян-вындер» ежедневно публикует сводки о лове семги. В городе, в учреждениях и просто на улице часто слышишь, как люди спрашивают друг друга:

— Ну как там, на перекрытии?

Семга идет на нерест своим вековым путем по трем рукавам реки — по Малой Печоре и по Большой Печоре, распадающейся на два шара — Куйский, несудоходный, и Пойлов-

ский, судоходный. Малая Печора шириной тысяча двести метров от берега до берега по ломаной линии перегорожена столбами, между которыми растянуто четырнадцать неводов, а Куйский шар шириной четыреста метров перекрыт пятью неводами. Это и есть перекрытие. Каждый день производится тряска неводов. Лодки привозят огромных рыбин — семикилограммовая семга считается уже мелкой. Улов грузят на рыбосборщики «Арат», «Алымку» и отправляют в город на рыбокомбинат.

Рыбацкий поселок у перекрытия Ольховый куст вблизи деревни Нарыга — это не обычная тоня, каких много на реке. Это целое механизированное предприятие со своей флотилией судов — катеров, дор, моторок. В трудовом коллективе твердо установленный распорядок рабочих часов и отдыха. Рыбаки живут в домах с электричеством, есть клуб, кино.

— К нам и артисты ездят! — шутят рыбаки.

По традиционному рыбакскому гостеприимству приезжего человека здесь приглашают в столовую, угостят семгой — и в ухе и в скоросоле. Стоит перед тобой миска с алыми, крупно нарезанными кусками — ешь сколько хочешь. Сытная рыба семга, а печорская особенно — первая по вкусовым качествам и по жирности.

Ловля методом перекрытия — дело новое. Прежде на Печоре семгу ловили старинным дедовским способом: так называемыми поплавнями — плавучими сетями, один конец их на лодке, другой на понтоне, проплывают с километр по течению и отрясают.

Перекрытие, казалось бы, куда проще: рыба сама идет в невод. Но далеко не все так просто и благополучно с перекрытием, как кажется не посвященному в рыбакские заботы. Метод лова перекрытием до сих пор вызывает споры, имеет своих защитников и противников.

Бывает, что и по неделе невода перекрытия стоят пустыми. Рыбаки идут на всякие хитрости: оставляют в ловушках несколько семг, чтобы к ним шли другие, — и все равно пусто, немного сигов попадает — и весь улов. Может быть, рыба боится перекрытия? Но после нескольких дней неудач выдаются счастливые дни, которые все искупают. Впрочем, и это еще не единственные трудности в работе перекрытия...

Не говоря уже о той огромной работе, которая была проделана по перекрытию реки: приходилось забивать семиметровые шесты в коварный илистый грунт. Не говоря о северной погоде, которая редко балует, а семга как раз любит бурную ветреную погоду. Не говоря о том, что рыбаки и летом

на тряску неводов выходят в тулупах и шапках-ушанках. Печора — такая река, своюенравная. Казалось бы, все хорошо, добыча налажена, но прошли в верховье дожди, поднялся уровень реки, усилилось течение, под напором воды гнутся шесты, невода забивает илом, рвет корягами...

И вот Печора сорвала перекрытие. Промысел недавно начался и шел успешно — и все пошло наスマрку. А план надо выполнять, план государственной важности. На аврал приехали ответственные лица из окружкома, исполнкома, «Рыбакколхозсоюза», которому подчинено перекрытие, рыбинспекции. Выход был один: пока не будет восстановлено перекрытие, продолжать ловить поплавьями — малодобычливым, но испытанным способом.

Когда поживешь в небольшом северном городке хотя бы немного, становишься причастным к его делам и заботам. Мы жили с рыбаками, ходили взад-вперед по реке на рыбосборщиках, потом уехали в дальнюю Афониху, на исход реки. Вернувшись в Нарьян-Мар, мы встретили на улице ребят с рыбосборщика «Алымка» — они шли веселой гурьбой, а следом за ними бежали мальчишки: в их мальчишеских глазах это были необыкновенные люди, которые семгу возят, — и, конечно, задали им все тот же вопрос:

— Ну как там, на перекрытии?

— Порядок! Наладили. Первая тряска была.

И мы радовались вместе с ними.

Нарьян-Мар, как поется, «не велик, не мал», около пятнадцати тысяч жителей, и многие из них знают друг друга. Есть нечто дружественно-семейное в жизни такого города. Даже такая маленькая деталь весьма показательна. В субботу перед открытием бани собирается взрослое мужское население города — и рабочие порта и лесозавода, и рыбаки, и служащие — все тут. В очередях на Севере не ругаются и не толкаются: народ здесь спокойный. Напротив, создается нечто вроде уличного клуба, где люди беседуют о самом разном, обсуждают местные новости и события в большом мире.

Тут же в очереди со свертками под мышками стоят бородатые ребята с обветренными лицами, ясно — геологи. Их обступают, расспрашивают:

— Откуда, с Шапкиной? Скоро у нас газ будет? Надоело очереди в баню выстаивать, в ванну хочется!

Все смеются.

Да, в Большеземельской тундре на реке Шапкиной недалеко от города разведано нефтегазовое месторождение, и это открывает перед Нарьян-Маром новые перспективы. Портовый

городок станет и промышленным центром в Заполярье. Уже существует генеральный план реконструкции города. На чертежах контуры зданий из стекла и бетона, проекты новых каменных жилых домов и квартир с современной планировкой, с газом и ванной, о чём пока мечтают нарьян-марцы.

Мы уже говорили, что в Нарьян-Маре, молодом городе, нет особенных достопримечательностей. Достопримечателен сам город в целом, и туристы не минуют его своим вниманием. Пришел теплоход «Татария», совершающий арктический круиз. Судно вышло из Архангельска, зашло на Соловецкие острова, из Печоры пойдет на Енисей, в Дудинку и Игарку, а затем назад, к Мурманску, с заходом на Колгуев. Нарьян-марские улицы заполнились стройными девушками в брючках и чисто выбритыми мужчинами в пулloverах, обвешанных фотоаппаратами, — москвичи, ленинградцы, киевляне. Город принимал гостей в местном Доме культуры.

— Ну как оно, в Нарьян-Маре? — подскочил к нам на улице какой-то бойкий турист.

Мы засмеялись и в то же время были польщены, что нас приняли за северян.

— В Нарьян-Маре-то? В Нарьян-Маре нормально!

А в самом деле как?

Жизнь нарьян-марца, как и любого жителя небольшого города на Севере, складывается из той работы, которую он выполняет на производстве или в учреждении, и тех особых условий, которые предоставляет ему сама окружающая природа.

Город вытянулся вдоль реки. Значит, у каждого справного хозяина должна быть своя моторка, рыбацкая и охотничья снасть. Рыбалка и охота — здесь не только лучший отдых, но и подспорье домашнему хозяйству.

Если же пересечь город пополам, то попадешь в лес, какой мы видели на пути в Пустозерск, — невысокие ели, лиственницы, покореженный березняк, низкорослый можжевельник, карликовый ивняк. Под Нарьян-Маром — граница распространения древесной растительности. Дальше идут голые просторы Большеземельской тундры — бурые пятна мхов, голубые оконца озер, сереющие вдали сопки. Скупа северная природа и не-приветлива, слишком долго стоят холода, но лето все искупает, щедро отдавая свои не столь разнообразные, но обильные дары. Ягоды тундры — морошка, брусника, водяника — восполняют северянам недостаток в витаминах. Их заготовляют впрок на зиму бочками.

Дел у северян хватает. Колхозникам надо заготовить сено

для скота, картошку выкопать. Да, и здесь, за шестьдесят седьмой параллелью, сажают картофель, и, хотя вырастает он мелким, с голубиное яйцо, все же свой.

Скоро наступит суровая осень. В первых числах октября в последний рейс придет сверху теплоход. Уйдут и последние морские суда, надолго затихнут причалы. С первым снегом появятся олени упряжки — аргиши, на улицах города. Стада откочуют к югу, в леса, спасаясь от свирепых ветров. Собак, лениво лежавших летом без дела, запрягут в сани. Люди оденут малицы. Заиграют в небе сполохи — голубое северное сияние. Длинна полярная ночь, но самолеты по-прежнему летают, и город живет своей обычной жизнью.

Хотя и долга и сурова зима и деревеньки, стоящие по Печоре, заметает снегом по самые крыши, а дел и зимой много. Зимой начинается подледный лов наваги в Печорской губе. Полярным летчикам прибавится забот: вывозить с рыбакских становищ мороженую рыбу, поддерживать связь с дальними зимовками. У охотников начинается промысловый сезон: ставят капканы на песца, силки на куропатку. Куропаток обе тундры — Малоземельская и Большеземельская — дают примерно шестьдесят тысяч штук за сезон, а песца — около десяти тысяч шкурок.

Солнце все дольше стоит на небе, появляются признаки весны, а в это время в средней полосе на деревьях уже распускаются листья. В конце мая вскроется река, с шумом и грохотом пройдет печорский лед, половодье покроет острова дельты. Сверху придет первый теплоход, а вскоре над нарьян-марским рейдом пронесется низкий протяжный гудок морского лайнера...

Близится к концу наш путь по Печоре. Чего-то нам удалось увидеть больше, чего-то — меньше, чего-то мы не видели вовсе. Не так просто познать большую реку. «Чужая сторона будясь спознавать», — говорит старинная усть-цилемская пословица.

Я завидую Георгию Александровичу Чернову: он знает не только всю Печору, но и все ее притоки, а на притоках — каждый камень на порогах и каждую ямку, где берет хариус. Я завидую Владимиру Ивановичу Малышеву, его дружбе с жителями усть-цилемской округи, его увлеченности историей и культурой Припечорья. Я завидую Василию Степановичу Журавлеву-Печорскому: в таинственную пору междузорья он слышал свист крыльев голубанов, жил с рыбаками в катагаре и о северной природе и северянах рассказал в ясных искренних стихах. Каждый из них совершил свое открытие, важное для

Печоры,— нефти и угля, древних рукописных книг, красоты родного края.

Нет, не могу я сравниться с знатоками Печорского края. Единственное, что может извинить меня, автора, так это то, что я попытался рассказать обо всей реке и связать воедино множество человеческих устремлений в прошлом и настоящем, объединенных словом «Печора».

И это единство человеческих устремлений, направленное к познанию и преобразованию прежде «забытой» реки, ощущимо мной сейчас здесь, в Нарьян-Маре, когда я пытаюсь разобраться во всем увиденном и пережитом за время пути по трудиной Печоре.

Некогда Михаил Константинович Сидоров, много сил положивший на открытие морского пути на Печору, мечтал о создании в устье реки гавани и города, который он предлагал назвать Югорским городком. В этом городе, по его мнению, надлежало воздвигнуть своеобразный монумент-башню, посвященную памяти великих тружеников Севера. Здесь должен был находиться бюст Петра Первого, бюст почетного гражданина В. Н. Латкина, положившего начало торговой деятельности в устье Печоры, бюст вице-адмирала П. И. Крузенштерна, занимавшегося измерением фарватера Печорского залива, и других. Башня должна была иметь вид усеченной пирамиды. На верхней площадке следовало поставить четыре пушки для салюта кораблям, входящим в гавань.

Сидоров был великим мечтателем, все проекты энтузиаста-одиночки оказались неисполнимыми, но во всех них, как и в вышеприведенном, содержалась своя верная идея. Создание музея-мемориала по истории края — прекрасная мысль. Почему бы в самом деле не быть музею Печоры, где было бы воздано должное памяти людей, отдавших ей все свои силы и жизнь? Наверное, должен быть такой интересный историко-краеведческий музей.

Но музей музеем, а сама живая современность?

Мы говорили о разном «золоте» Печоры, и все это было иносказательным обозначением ее сказочных богатств. Но есть самое большое, самое великое богатство, не сравнимое ни с чем. Люди — вот подлинное золото Печоры!

Кому же из них, современников, здесь, на исходе реки, поставить памятник, иначе говоря, кто же герой Печоры? Буревик в замасленном ватнике или геолог в штурмовке, прожженной у костра? Или лесоруб с бензопилой? Или речник в фуражке с «крабом»? Или летчик малой авиации в кожаной куртке? Или рыбак в высоких сапогах, в треухе и тулупе, с

натруженными мозолистыми руками? Или инженер-проектировщик? Или... Сколько я ни перебираю людей разных профессий, встреченныхных мною, о каждом можно сказать, что труд их значителен и важен и без них нет сегодняшней Печоры. Так что же, всем им?

Да! И такой памятник — сама сегодняшняя Печора, ее новые города и поселки, буровые вышки и запани, суда в ее водах и самолеты над тайгой и тундрой. Эта трудовая Печора говорит о себе больше, чем «бронза многопудъя».

И я понимаю, чем дорог Север, несмотря на суровость и неприветливость свою, и чем дорога Печора: здесь огромный простор, здесь еще много такого, к чему нужно приложить руки! Я пытаюсь окинуть взором его, печорский простор, и нет — не могу! Идет великая по масштабам и простая в повседневности работа, ее не охватить взглядом, но размах ее нельзя не ощутить, не понять «великой силы рычага». Не столь важен вопрос о жемчужном промысле на Печоре, но смысл строк поэта, вынесенных нами в эпиграф, пророчески мудр:

*Где сквозь далеких звезд кокошник
Горят Печоры жемчуга,
Туда иди, небес помощник,
Великий силой рычага!*

ЛЕБЕДИНАЯ РОДИНА
(Дельта)

*А как белые лебедушки
на заводи слеталися.*

Из северных былин

ИСХОД РЕКИ

Но и Нарьян-Мар — не последний сказ о Печоре. Впереди дельта. Осталось совсем немного: увидеть исход реки, и путешествие наше окончено.

Дельта Печоры! Она давно звала к себе и манила, чудесная речная страна, вся изрезанная голубыми прожилками шаров и проток. Нарьян-Мар стоит в самой ее вершине, в ста десяти километрах от моря, а ширина ее — сорок пять километров. Что там, среди поросших кустарником низких островов и семидесяти пяти шаров?

Помню, уже давно мне рассказывали в Архангельске:

— На охоту надо ехать в дельту Печоры. Вот где птицы! По семьдесят уток за день берут!¹

Может быть, когда-то так и было. Ведь в 30-е годы местная газета «Нарьянна вындер» («Красный тундровик») призывала все взрослое население города выйти на воскресник по добыче... куропаток! Было это в те же годы, когда в Усть-Усе строился завод по переработке куропачьего мяса на консервы.

Но куда поехать? Дельта велика, всю не объедешь...

— Есть хорошие места, есть! — говорили нарьян-марцы. — Только добраться туда... Вот, например, Юшино, Пнево, Зеленое — хороши места. Остров Зеленый богат птицей. Правда, это все на судоходном русле, а вам поглуще хочется... Что же, тогда езжайте в Коровинскую губу, в Афониху, глуще места нет. Там вы лебедей увидите, тысячи!

— Так уж тысячи?

— Не сосчитать! А уж уток там!

Но как туда добраться? Теплоход «Радищев», который обслуживает местные линии, так далеко не заходит. Он ходит только до Нельмина Носа, ненецкого поселка в западной части дельты.

На попутном катере мы добрались до рыбоприемного пункта Месино. Отсюда с оказией мы могли бы уехать в Афониху. Но нам не повезло: катер «Связь», который развозит почту по дальним рыбопунктам, прошел день назад и снова придет дней через десять. Поселок Месино небольшой, берег плоский, голый, кое-где полоска кустарника, небо серое, погода дождливая — мы томимся без дела и тщетно ходим на пристань «следить ветрила кораблей».

¹ Автор считает необходимым заранее оговорить, что в настоящее время охота в дельте Печоры запрещена. Все, что в дальнейшем говорится об охоте в дельте, относится ко времени, когда запрет еще не был введен.

Пришла моторная шхуна, какие мы прежде видели только на картинках в книгах об Арктике. На нее начали грузить разобранный деревянный дом; поставят этот дом на какой-нибудь далекой зимовке. Пришел «Арат» со знакомой радушной командой. Это был уже просвет на сером небе.

«Арат» в этот рейс ходил собирать улов с поплавней. Что ж, это тоже интересно. Плытем с «Аратом». Наш капитан Разум Викторович Филиппов — человек приветливый и разговорчивый. Беседуем, смотрим из окон каюты на плоские однообразные берега. Вот, машут с лодки. Судно встает на якорь. Рыбаки подплывают. На борт передается мешок с рыбой. Не так много — шесть штук и не очень крупные, самая большая — двенадцать килограммов, но какие красавицы-рыбины! — удивительно строгой, идеальной формы, великолепно отлитые увесистые серебристые «слитки» с синеватым оттенком. Приемщик на весах взвешивает рыб, определяет сортность, при этом учитываются как размер рыбы, так и поврежденность чешуйчатого покрова. Семг уносят в ледник. Рыбак получает квитанцию и спрыгивает в лодку. Денежный расчет будет позже по квитанциям. На лове семги заработка хорошие.

Плытем дальше по судоходной Печоре. До чего же огромные плесы! Как море. И, как в море, далекий берег кажется поднятым над ртутной полоской воды по горизонту — мираж, оптический обман.

Мимо нас проходит иностранный лесовоз, чистенький, опрятный, с красивыми обводами, идет в свою Данию. По Печоре ведет его наш лоцман. Сначала судоходным руслом, которым и мы сейчас плывем. За островом Зеленым в устье начнется Печорская губа. Впереди будут Гуляевские Кошки — всего их одиннадцать — коварные отмели, затопляемые приливом, много погубившие судов, потом мыс Русский Заворот и Баренцево море...

Мы дошли до Осколкова и повернули назад. Добрый капитан утешал нас:

— Уедете, не может такого быть... Сейчас катера ходят по всем рыб пунктам: подготовка к зимней путине.

Легкая рука оказалась у капитана: вместе с нами к месинскому причалу пришвартовался «Беззаботный», который шел именно в Афониху. Нет, все-таки нам везло на Печоре!

На палубе катера лежали кирпич, кучи глины и песку, а в кубрике сидели двое рабочих — печной мастер Данилыч и его подручный Гоша. Предстояло им поправить старые печи и сложить новые на рыб пункте к приезду бригад на зимний лов наваги. К ним мы и присоединились.

И вот мы плывем к желанной Афонихе, в сказочное царство лебедей. Узкий шар, низкие берега, тянется ерник — приземистый покореженный кустарник, открываются небольшие сенокосные пожни, стога, следы становища косарей: по всей дельте Печоры и за шестьдесят восьмым градусом северной широты ксят сено. Наверное, ничего удивительного для местных жителей в этом нет: травостой хороший, разнообразный, даже клевер встречается. Но для нас удивительно, мы никак не можем к этому привыкнуть: мы все ждали тундры, а до сих пор ее толком не видели, все время она оказывалась в стороне.

Афониха расположена в северо-западном углу дельты, на карте она обозначена кружочком, как населенный пункт. Это не вполне верно. Здесь всего лишь рыбпункт, куда рыбаки приезжают осенью и зимой на лов наваги в Коровинской губе, а в остальное время живет сторож с женой. Как в сказке: старик со старухой у самого синего моря. (Впрочем, не совсем верно: хотя губа и похожа на море, но вода в ней пресная.)

Стоит рыбпункт на узеньком болотистом островке длиной километра два, шириной в самом узком месте метров сто пятьдесят. Слева шар и справа шар. И так кругом — за шаром шар, низкие болотистые берега и ерник. Не зная мест, поедешь по шарам — запутаешься.

На крыше склада прибиты метровые буквы «Афониха», как на хорошей пристани, но редко кто сюда приезжает летом. До ближайшего населенного пункта — деревни Андег — шестьдесят километров, до города — все сто.

Сторож Андрей Степанович поначалу встречает гостей не очень приветливо: новые люди, будут жечь дрова, а с дровами здесь плохо — плавник приходится собирать, а сколько его на зиму надо, когда рыбаки будут жить! Но печник Данилыч — его давний приятель, и благодаря ему у нас устанавливаются со стариком добрые отношения.

Жизнь здесь тихая, спокойная и безмятежная. После большой Печоры, всей суматохи пути, пересадок с катера на катер, кочевой дорожной жизни так приятно попасть в добротный чистенький дом с крашенными полами, с железными пружинными койками, сидеть в протопленной комнате за настоящим письменным столом, заносить в блокнот впечатления прошедших дней, поглядывая в окно на шар, который ведь тоже Печора.

Бот Андрей Степанович вышел из дома с одностволкой, следом за ним собака. Старик, крадучись, подбирается к кустам. Грохает выстрел. Собака бросается в воду за добычей.

Из соседнего дома выбежали к реке две девушки с полотенцами. Следом за ними вышла пожилая женщина в очках. Это «научницы», говоря по-местному, а точнее, научные сотрудницы ПИНРО (Полярного института морского рыбного хозяйства и океанографии в Архангельске) со своей руководительницей.

Через некоторое время к лодке подошли рыбаки, стали возиться с моторами, укладывать сети. Их здесь пятеро. Они прикреплены к научной экспедиции, ловят рыбу, виды которой подлежат изучению. Излишки рыбы сдаются старику на засолку.

Вскоре рыбаки с «научницами» уезжают на тоню. Снова тихо. Слышино, как покрикивает шумливый Данилыч, кладя печь в соседнем доме.

Входит Андрей Степанович: в нашей комнате помещается передатчик, а ему пришла пора выходить в эфир. Старик здесь один на все руки: он и заведующий — всем распоряжается, и кладовщик — рыбу принимает, и мастер — рыбу зачищает, и продавец — продукты отпускает, и радиостанция.

Каждое утро он включает передатчик УКВ и повторяет в микрофон: «Мечта-один, Мечта-один! Я — Вилка-один. Как слышите? Прием. Когда придет дора? Дора, говорю, когда придет? Еще не вышла? Что у вас нового? У меня все».

На обед приходят Данилыч с Гошой. Сегодня, пока мой напарник где-то там постреливает, я остаюсь за повара. Обед у нас бесхитростный: каждый день вареные утки. Сначала это лакомство, на третий день хочется чего-то иного: уж очень жирны отъевшиеся непуганые утки.

— Рыбки надо у рыбаков спросить, — говорит Гоша. — Сигов.

— Ты бы так робыл, як ишь, — урезонивает его Данилыч.

Оба наших пекаря — люди разные.

Данилыч — молдаванин, пожилой, высокий, грузный, громкоголосый.

— Не думал, что придется на Севере жить, а вот живу... Ездил на родину — никого нема, никого там у меня не осталось, а тут дом, семья... Вот как жизнь сложилась... Была там у меня дивчина, когда ще парубком був. На праздниках, на танцах всегда меня выбирала. А вот чтоб остаться с ней, чтоб поцеловать, не мог! И дом у нас был первый на селе, хорошо жили, мог бы посватать, за меня бы любая дивчина пошла — не мог. А почему — не знаю...

Гоша — коренной северянин, мезенский, низенький, щупленький, говорливый. Он — разнорабочий, следовательно, на

все руки. Он и рыбу ловил на речке Коротаихе, и груз на сбачках возил, и дома рубил, и в печники годится. У него воспоминания иного рода.

— Захотел я в компании подшутить. Было у меня в кармане пятьдесят рублей одной бумажкой. Вышел я из дома и сунул ее в сугроб. Прихожу и говорю всем: «Хотите, возле дома деньги найду?» Все говорят: «Не найдешь!» Я их вывел, велел сугроб разрыть. Смотрю: нет денег! Я сам весь сугроб просеял — нет. Не стал скрывать, рассказал всем про свою шутку, сулил половину отдать, весь снег возле дома перерыли — и не нашли. Наверное, кто-нибудь подсмотрел мою шутку и меня обшутил.

И бежит не спеша время за разговором.

Вечера тоже тихие, спокойные. Приезжают пророгшие на холоде и ветре «научницы», до темна возятся со своими анализами. Спать они ложатся рано. Рыбаки, которые живут в отдельном доме, напротив, любят засиживаться допоздна: играют в подкидного, слушают батареечный приемник. Гоша уходит к ним. Данилыч идет к приятелю-деду, из-за стены слышен его громкий голос. А мы ложимся рано: лучше встать пораньше, на охотничье зорьке...

Как всякий охотник, я с детских лет стремился открыть охотничьи Эльдорадо, попасть в край непуганных птиц. И вот я попал в него, и впечатления мои двойственные. Радует, когда дичи так много. Но слишком простая, чрезмерно доступная добыча не приносит того желанного восторга, за что и любишь охоту.

В первый день мой товарищ поехал со стариком смотреть сети в соседнем заре, привез пять уток. Я сказал, что, не упливая с острова, добуду столько же, и действительно принес шесть штук. Очень их просто взять. Идешь вдоль береговой линии — выплывает из хвоющей утка и не спешит взлететь. Плавает под берегом стайка, подходишь кустами, ничего, что неловко задел ветку, утки спокойно сидят, плавают, ныряют, выстрелил раз, другой — сидят...

Кому как, а нам не понравилась такая охота. Нам интереснее было ходить на мысок. Сядешь на кочку, смотришь на залив, любуешься мягкими красками заката, видишь вдали синие сопки: из низин дельты они кажутся горной цепью — это тундра. Сидишь, не торопишься, замечаешь, что и здесь оказывается влияние прилива, — на щиколотку поднялась вода...

Настоящего утиного лета здесь нет, тех перелетов, дорогих сердцу охотника, когда в засиневшем небе отовсюду слышен

свист быстрых крыльев, птицы налетают со всех сторон, пускает патронташ и разогреваются ружейные стволы... Уток в дельте везде жировка, и они не совершают специальных перелетов на кормежку. Зато какое чувство настоящей удачи испытываешь, когда налетевшего матерого острохвоста удается свалить точным выстрелом!

Уток, которых мы добываем, показываем Андрею Степановичу: тут много неизвестных нам пород, особенно среди нырковых. Старик говорит нам их местные названия: этот куглас, этот голубан. Нырковых уток на севере зовут «мокрыми»: они все время на воде. В отличие от них есть утки «сухие», те, которые выходят на берег. Самая крупная из «сухих» и самая сторожкая — острохвост, которого в средней полосе зовут шилохвость. Он здесь самая ценная добыча, как кряквая, которых в дельте нет. Много, конечно, простодушных чирков. Много и доверчивых симпатичных носарей — манзары, как здесь зовут широконоску. Куликов-турухтанов, что с пеликаньем проносятся над отмелами, мы не стреляли. Не стреляли и гагар. Обычно они в одиночку или парами плавают на открытых островных озерках и, завидя человека, взлетают с пронзительным криком, оставляя на воде широкую дорожку от разбега. В полете у гагары странный вид ископаемого животного с зубастым клювом вроде птеродактиля, по вечерам гагары на озерках поднимают истощные вопли.

А где же лебеди? Мы столько про них слышали да и ехали на край дельты для того, чтобы взглянуть на лебединую родину. Каждый день мы ходим на мыс, либо на маленьком дощанике плаваем по соседним шарам. На заливе сидят огромные стаи морской чернети — от них, и правда, черно. Отдыхают на отмели большие белые чайки, а лебедей не видно.

Андрей Степанович, старик себе на уме и с ехидцей, удивляется на нас глядя:

— Никак не пойму, что вы за люди. Сначала думал: охотники, станут бочку просить, уток солить. А вы уток раздаете, зарядов не бережете...

— Мы, Андрей Степанович, приехали на лебедей посмотреть.

— На лебедей? А чего на них смотреть? — старик даже обиделся, думал: смеются над ним.

— На пух они тебе что ли? В старое-то время за лебедя хорошо платили. Ну а сейчас запрет на них.

— Да нет! Просто посмотреть. Никак не можем увидеть.

— Есть лебеди, только в сторонке они. Ишь, какую вы пальбу открыли, они и удалились.

— Говорят, их у вас тысячи!

— Их весной много, верно, тысячи. Как рассеются под тем берегом — бело, как пена. Ох, и веселятся они тогда и перекликаются меж собой... Ее, весну-то, у нас ждешь не дождешься, а придет — как праздник. Солнце на ту пору не заходит, так все и зеленеет прямо на глазах.

— Зато зимой скучно?

— Зимой скучать некогда. Рыбаки понаедут, во всех домах будут жить, рыбу надо принимать, только успевай пошевеливайся...

Я забросил охоту: надоело бить доверчивых уток, все кожу, высматриваю лебедей, мне зачем-то надо их увидеть, я сам пока не знаю зачем. Как-то я увидел вдали белые силуэты, но посмотрел в бинокль — большие чайки.

А старик смеется:

— Пока ходил, тут над домом пара пролетела.

Наконец я их увидел.

В один из тихих дней мы отправились на лодочонке за Крестовый шар. Мы пристали к берегу и разошлись в разные стороны. Я шел прибрежной полосой губы, пробирался ерником, обходил кучи плавника и коряг, думая о чем-то своем, вдруг взглянул — и не поверил своим глазам: в отдалении сплошной белой полосой лебеди перегородили залив. Посмотрел в бинокль — да, они! Их было много — прекрасные снежно-белые птицы, взрослые и молодняк. Я насчитал их свыше пятидесяти. Они издавали гортанные звуки, доносился плеск мощных крыльев. Иные поднимались и летели куда-то, вытянув длинные розоватые шеи, другие шумно садились на воду. Это и было нетревожимое лебединое царство.

Когда-то в детстве удивляла и манила чем-то необыкновенным одна картина: студеное море, корабль — белоснежный парусник — плывет мимо скалистого острова со снегом на вершине. Что за корабль, куда его путь, в какую тревожную страну мечты, в какой порт Александра Грина? А в небе летят лебеди. Во всем холодная голубая чистота. Картина так и названа художником Рыловым «В голубом просторе».

И вот здесь, в действительности, тоже летят лебеди в холодной чистоте так редко открытого северного неба.

Куда-то улетят они, когда настанут холода, к каким неведомым берегам, а вернутся первыми, неся весну. Здесь их родина, далеко на севере, где такой простор.

Я смотрю в этот простор, я захвачен им.

Слева от меня тундра и впереди, там, где мыс Костянной Нос, тоже тундра — сказочно однообразная, зачарованная

земля. Вправо уходит к горизонту бесконечная водная гладь — это воды Печоры выходят в океан.

А тут, где я стою, дельта кончилась. И я думаю изумленно: как же Печора? Она была у меня одна, вела меня, и я был ей верен, и вдруг ее нет, она разошлась, разделилась на множество шаров и проток, и я не знаю, который из них Печора. Может быть, Судоходный? Может быть, тот, а может быть, этот? Но любой из ее шаров, больших и малых, вправе сказать: «И я тоже Печора, я тоже несу ее воды, мы все — Печора!»

Вот так она, река, шла и шла и вдруг исчезла, приведя меня к лебединой родине, чтобы понять ту холодную, беспредельную, манящую ширь, которая называется красивым словом Север.

СЕВЕРНЫЕ ДАЛИ

Нам было хорошо в Афонихе. Беззаботное, молодое чувство владело нами. Весело было возвращаться из поездок по шарам промокшими, если было ненастье, крепко искусанными комарами, если стояло затишье. Весело было нести увесистую связку уток и на вопрос молодых «научниц»: «Зачем вам так много уток?» — галантно ответить, протягивая связку:

— Чтобы подарить вам.

Девчата Надя и Галя поначалу дичились нас, но вскоре лед недоверия растаял. И старик Андрей Степанович, и рыбаки — все наши друзья. Мы ведь теперь островитяне, живем на островке в дельте, как на любой зимовке, одной семьей.

Но как ни хорошо нам в Афонихе, а пора уезжать. Завтра должна прийти дора с продуктами и обратным рейсом захватить нас. А сегодня «научницы» пригласили нас в поездку на Костянной Нос, или, как его сокращенно зовут, Коснос.

Среди всех дней нашего путешествия этот был, пожалуй, лучшим и по новизне впечатлений, и по погоде. Да, нам везло на Печоре! Небо было чистое, ясное, шар и залив лежали ровной ослепительной гладью. Уже первая декада сентября, а кустарник был еще зеленый, и лето, казалось, не спешило уходить. Такие чудесные солнечные дни ранней осени бывают и на Севере — природа словно решила побаловать людей напоследок одним-единственным деньком бабьего лета, вслед за которым налетят ветры, придут черные тучи, полетят белые мухи. Так оно и было потом, а в этот день мы все радовались солнцу и безветрию. Весело погрузились в два карбаса и ходко пошли курсом на тундру, голубеющую в утреннем мареве.

На заливе начали подниматься тысячные стаи чернети и налетать со всех сторон. Вдали снялись лебеди, поплыли белыми облачками в приветливой лазури неба. Мы приблизились к песчаному берегу тундры.

И вот наконец она, тундра, дотоле заманчиво синеющая перед нами, мы ступили на нее.

Сначала мы высадились возле одинокой промысловой избушки на крутом песчаном берегу. Давно, видимо, не было здесь людей: под берегом плавали лебеди — два взрослых и два детеныша.

Да, тундра, как мы и представляли ее, — всхолмленная равнина, покрытая серыми, желтыми, алыми, пятнами своей небогатой растительности. Голубеют многочисленные озерки в золотистой оправе мхов.

— Не ходи туда, — предупреждает меня Гоша, показывая на берега ближнего озера, — это лапта, трясина, с головой уйдешь.

Но разве ударишь человека, который впервые попал в настоящую тундру? Ведь интересно же знать, что за ближней сопкой. А там то же самое — бурое пространство с голубыми глазницами озер. И за следующей сопкой будет то же самое — и так можно идти тысячу километров через Малоземельскую и Канинскую тундру. Лишь кое-где по берегам речек и по сырьим местам растет низкий, по пояс, ерник. В ернике с треском взлетают куропатки еще в летнем оперении и, недалеко отлетев, садятся.

Рыбаки, заметав первую тоню, отвозят нас на Коснос, а сами с «научницами» едут на новую тоню. Мы не спеша идем к виднеющимся вдали домикам рыбункта. Коснос вдается в губу узким перешейком. Слева и справа блестит вода, по берегам зеленеют кусты, и снова, как тогда на пути в Пустозерск, кажется: какая тут тундра! какая Субарктика! если так весело и погоже в природе — мало ли на свете таких же mestечек.

Сидим мы на бережку, отдыхаем, словно на берегу какого-то озера в песчаных берегах. Тут и цветы растут — незабудки у воды, повыше синие колокольчики, еще какие-то алыми и желтыми крапинками. На твердой песчаной почве лежат бурые пятна вереска, плотно прижатые к земле. Идем дальше по карликовым, не выше колена, густо переплетенным кустам — миниатюрной чащобе, через которую тоже довольно трудно пробираться. Начинаются кочки — все здесь густо усыпано морошкой, с одной кочки наешься вволю. Рядом взлетают куропатки. Куропач-самец при взлете издает характерный

вскрик наподобие хохота. Кажется — большая птица поднялась, а подстрелишь — пара в кармане умещается.

Да, хорошо в тундре, и не потому только, что день чудесный. В ней просторно, видно далеко. Есть в ней своя «однобразная красота». Завораживает ее непривычное безлюдье, ее величавое первозданное спокойствие. Одни редкие голоса птиц: куропач прокричал, в стороне загомонили гуси и протянули длинным косяком над дальней сопкой — летят на янтарную морошку. Спокойно и просто становится на душу, созерцая бесконечные просторы тундры и вод.

Рыбпункт стоит на самом «носу». С одной стороны губа, с другой — большое озеро. Семь или восемь домов, ветряк с двигателем. И тут безлюдно. Две собаки издали встречают нас лаем, бродит лошадь с жеребенком. Жилые дома, склады. На одном из строений вывеска: «Магазин Малоземельского рыбкоопа». Видимо, сторож куда-то уехал. В тундре опасаться некого, лошадь сама себя прокормит: за домами есть небольшой лужок, собаки тоже чего-нибудь раздобудут.

Возле самого большого дома рыбакского общежития невообразимо огромная куча стеклянной посуды — банок, бутылок. Один мой знакомый геолог шутя говорит: «Где край земли? Там, где посуду не принимают!» Что ж, верно, сейчас мы где-то на окраине Севера, на одной из многих рыбакских зимовок.

Дом открыт. Как везде на рыбакских становищах, в нем чисто и благоустроенно. Железные койки, куча раскладушек, матрасов. Всякая утварь: чайники, кастрюли, чашки, ложки. Видно, запасено на большую артель. Даже патефон есть с одной иглой и несколькими пластинками. Гоша ставит пластинку, шипит заезженный вконец диск, и голос Клавдии Шульженко поет песню двадцатилетней давности: «Замела метель дорожки, запорошила, кружева развесила вокруг...» Сколько раз ставили эту пластинку рыбаки долгими зимними вечерами, и метель, которая гудела за окнами, не просто запорашивала дорожки, а заметала дом по самую крышу, и приходилось им день и другой сидеть безвылазно, листать старые журналы — их кипа — и наклеивать полюбившиеся репродукции из «Огонька» на стенку...

Мы начинаем готовиться к приезду наших: собираем дрова, теребим птицу. Население Косноса предлагает нам свою дружбу. Первой цоявляется неведомо откуда взявшаяся кошка, трется о ноги и мяучит. Приходят собаки и садятся в выжидательных позах. Только лошади нечего от нас получить.

Приезжают рыбаки. Дом оживает, как в путину. Ловко шкерьят рыбу, в плите бушует огонь. Девчата-«научницы» собирают на стол.

— А ну, Саня, живо за холодянкой! — командует бригадир.

Саня бежит с чайником за водой.

— А не осолилась вода?

— Здесь-то пресная...

Значит, и здесь, в крайней точке пути, Печора не покидает нас.

— Девчата, парни, уезжаем мы завтра. Вот, уезжаем. Нам хорошо было с вами. Бездна на Печоре нам было хорошо, а теперь приходится расставаться... Ничего не поделаешь...

И как всегда бывает, хочется сказать этим людям что-нибудь хорошее, и, как всегда, не находишь слов. Ну да, конечно, все мы простые советские люди, все мы делаем свое дело, и ничего необычного тут нет. Но вот сегодня — тундра, далекое рыбачье становище, день хороший и мы все дружной компанией за столом: праздник у нас. А для нас с Алексеем праздник вдвойне — путешествие наше закончено.

Гоша ставит пластинку. «Он мне вчера сказал опять: «До завтра». Не понимаю, как другие ждут...» — поет патефон.

— До завтра, девчата, до завтра, парни! А пока даем «бал», первый в истории Косноса! Главное, что все прекрасно, что нам хорошо. Галия, разрешите вас пригласить.

А завтра нам надо уезжать: пришла дора.

Путешествовать хорошо. Это счастье. Но и в него закрадывается горечь.

Всегда грустно расставаться с людьми, с которыми ты хоть немного прожил вместе и сдружился. Они стоят на берегу, машут тебе руками, шапками, покачиваются их фигурки, берег покачивается или это дору волна поднимает? А ты все дальше, дальше... Их фигурки уменьшаются, они кажутся такими маленькими, одинокими, а ты снова в пути, перед тобой новое, целый мир. Но сердце почему-то сжимается. Грустно оставлять места, которые ты полюбил.

Грустно расставаться с Печорой. Я уже сжался с ней, мне до всего было дело, что-то было мне более интересно, что-то менее; она расширялась, становилась полноводнее, и я чувствовал, как шире, просторнее становился мой рассказ; и вот река, как обещала, вышла в море, и наступило окончание. Река как жизнь, ее не начнешь сначала, а так многое хоте-

лось бы повторить, пережить заново. Ее, как жизнь, сразу всю не охватишь и не поймешь. Ее словом не определишь и ничего не скажешь, кроме: «Ты у меня в сердце, Печора!»

Ты у меня в сердце, Печора! Я вернусь к тебе, пусть в воспоминаниях, пусть в строчках, и ты снова будешь со мной: твои воды и берега, лодки, катера, теплоходы, самолеты, встречи и расставания, разные места, по которым провела река, разные истории, которые она рассказала: чему-то она научила и что-то дала. И тогда грусть разлуки понемногу проходит и сердце наполняется радостью и гордостью, что есть на Севере такая река Печора и я узнал ее!

СОДЕРЖАНИЕ

ОТКРЫТИЕ ПЕЧОРЫ (Верховье)

Чердынский тракт	5
«Запечатанная» река	9
Будущее реки	16
Якша	19

ГОЛУБОЙ СВИТОК (Среднее течение)

В дорогу!	29
На катере «Пурга»	31
Вышки над тайгой	35
Подчерье	41
«Жиклер» отправляется в путь	43
В преддверии «Печорских Альп»	47
Еще тысяча...	52
Город имени реки	56

МАТУШКА-ПЕЧОРА (Нижнее течение)

«Северная Волга»	63
Младшая сестра Печоры	67
По печорской луке	73
Усть-Цильма и ее окрестности	81
Усть-цилемское рукописное собрание	94
Путешествие с рыбачьим патрулем	101
Сказание о Пустозерске	108
Нарьян-Мар — Красный город	118

ЛЕБЕДИНАЯ РОДИНА (Дельта)

Исход реки	129
Северные дали	136

Гунн, Генрих Павлович
ПЕЧОРА — ЗОЛОТЫЕ БЕРЕГА

Редактор *М. И. Макарова*

Редактор карты *В. В. Рязанова*

Младший редактор *С. И. Ларичева*

Художественный редактор *С. М. Полесицкая*

Технический редактор *О. А. Барабанова*

Корректор *Т. М. Шпиленко*

Сдано в набор 3 апреля 1971 г. Подписано в печать
12 октября 1971 г. Формат бумаги 60×84¹/₁₆,
№ 2. Усл.-печатных листов 9,3 с вкл. Учетно-издатель-
ских листов 9,26 с вкл. Тираж 60 000 экз. А 07147.
Заказ № 1970. Цена 35 коп.

Издательство «Мысль».
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР.
Москва, М-54, Валовая, 28.

Гунн Г. П.

Г 94

Печора — золотые берега. М., «Мысль»,
1972.

141 с., 8 л. илл.

На моторках и катерах, теплоходах и самоходных баржах, на самолетах и попутных машинах читатель совершил вместе с автором путь от предгорий Урала до Ледовитого океана. Читатель побывает в тайге у геологов и в Печоро-Ильчском заповеднике, на газопромыслах Вуктыла и на живописной реке Щугор, в «городе имени реки» — Печоре и на плесах Усы, «младшей сестры Печоры», в окрестностях Усть-Цильмы и Нарьян-Мара, в «мертвом городе» Пустозерске и в сказочной тундре.

Книга передает величие и неповторимое своеобразие Севера. Она будет интересна читателям разных возрастов и профессий.

2-8-2

156-72

91(С12)

Уважаемые читатели!

В 1972 г. ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОДГОТОВИТ
К ВЫПУСКУ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ
ПО ГЕОГРАФИИ СССР:

Детина С. И., Овчинский Н. В., Шахова О. Т. *Географические проблемы развития и размещения производительных сил Центральночертноземного района СССР.* 12 л., 95 к.

Лис А. Г. *Проблемы развития и размещения производительных сил Белоруссии.* 14 л., 1 р. 05 к.

Мещеряков Ю. А. *Рельеф СССР.* 28 л., 1 р. 95 к.

Минц А. А. *Экономическая оценка естественных ресурсов.* 17 л., 1 р. 40 к.

«Региональные системы противоэрозионных мероприятий». 30 л., 2 р. 10 к.

Ростовцев М. И., Рунова Т. Г. *Добычающая промышленность СССР.* 12 л., 95 к.

На вышеперечисленные книги рекомендуем оформить предварительный заказ в местном книжном магазине. Ваши заказы помогут издательству точнее определить тираж книг.

